2500-3372 (PRINT)
2542-1190 (ONLINE)

ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

BULLETIN OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY. SERIES: POLITICAL, SOCIOLOGICAL AND ECONOMIC SCIENCES

VESTNIK KEMEROVSKOGO GOSUDARSTVENNOGO UNIVERSITETA. SERIIA: POLITICHESKIE, SOTSIOLOGICHESKIE I EKONOMICHESKIE NAUKI

ТОМ 7 № 3
2022

ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

том 7 № 3
2022

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки =
Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences

Учредитель, издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-67376. Выдано Роскомнадзором.

Издается с 2016 года. Выходит 4 раза в год.

ISSN 2500-3372 (print); 2542-1190 (online).

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 94233.

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Плата за публикацию не взимается. Журнал издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, соответствующие требованиям журнала, проходят двойное слепое рецензирования (Double-blind review).

Статьи распространяются на условиях лицензии CC BY 4.0 International License.

Сведения о политике журнала, правилах для авторов, архив полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания: https://vestnik-pses.kemsu.ru

Founder ang publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

Address of the founder, publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Certificate of registration: PI no. FS 77-67376. Registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Founded in 2016. Published 4 times a year.

ISSN 2500-3372 (print); 2542-1190 (online)

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru

Subscription indices: 94233 – in the United catalogue "The Press of Russia".

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission.

Opinions expressed in the articles published in the Bulletin are those of their authors and may not reflect the opinion of the Editorial Board.

The Bulletin is funded by Kemerovo State University. Authors do not have to pay any article processing charge or open access publication fee.

All manuscripts undergo a double-blind review.

The articles are distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License.

For more information about our publishing politics, instructions for authors, and archives of full-text issues, please visit our website: https://vestnik-pses.kemsu.ru

16+

Контакты для сотрудничества / Contacts for co-operation:

Морозова Елена Алексеевна, главный редактор
Elena A. Morozova, Editor-in-Chief
morea@inbox.ru

Митько Наталья Викторовна, ответственный секретарь
Natalia V. Mitko, Executive Secretary
+7(3842)58-13-01; vk-seriya@yandex.ru

BULLETIN
POLITICAL, SOCIOLOGICAL AND ECONOMICS
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
volume 7 No 3
2022

Морозова Елена Алексеевна
главный редактор, д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Elena A. Morozova, Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ / EDITORIAL BOARD

Баранова Инна Владимировна
д-р экон. наук, проф., НГТУ (Новосибирск, Россия).
Inna V. Baranova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia).

Бычкова Светлана Михайловна
д-р экон. наук, проф., СПбГАУ (Санкт-Петербург, Россия).
Svetlana M. Bychkova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., St. Petersburg State Agrarian University (St. Petersburg, Russia).

Глушакова Ольга Владимировна
д-р экон. наук, доцент, НГТИ (Новосибирск, Россия).
Olga V. Glushakova, Dr.Sci.(Econ.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Theater Institute (Novosibirsk, Russia).

Капогузов Евгений Алексеевич
д-р экон. наук, доцент, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия).
Evgenii A. Kapoguzov, Dr.Sci.(Econ.), Assoc. Prof., Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia).

Кисляков Михаил Михайлович
д-р полит. наук, доцент, СИУ (филиал) РАНХиГС (Новосибирск, Россия).
Mikhail M. Kislyakov, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof., Siberian Institute of Management branch of RANEPA (Novosibirsk, Russia).

Кравченко Сергей Александрович
д-р филос. наук, проф., МГИМО МИД России (Москва, Россия).
Sergey A. Kravchenko, Dr.Sci.(Philos.), Prof., Moscow State Institute of International Relations (University) (Moscow, Russia).

Кремер Раймунд
Dr. Hab., проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала WeltTrends (Потсдам, Германия).
Raimund Krämer, Dr. Hab., Prof. at Potsdam University, Editor-In-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).

Курбатова Маргарита Владимировна
д-р экон. наук, проф., СФУ (Красноярск, Россия).
Margarita V. Kurbatova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

Мекуш Галина Егоровна
д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Galina E. Mekush, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Немировский Валентин Геннадьевич
д-р социол. наук, проф., ТюмГУ (Тюмень, Россия).
Valentin G. Nemirovskiy, Dr.Sci.(Sociol.), Prof., Tyumen State University (Tyumen, Russia).

Нехода Евгения Владимировна
д-р экон. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).
Evgenia V. Nekhoda, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Озерникова Татьяна Георгиевна
д-р экон. наук, проф., НГТУ (Новосибирск, Россия).
Tatiana G. Ozernikova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia).

Резник Семён Давыдович
д-р экон. наук, проф., ПГУАС (Пенза, Россия).
Semen D. Reznik, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Penza State University of Architecture and Construction (Penza, Russia).

Силин Анатолий Николаевич
д-р социол. наук, проф., ТИУ (Тюмень, Россия).
Anatolii N. Silin, Dr.Sci.(Sociol.), Prof., Tyumen Industrial University (Tyumen, Russia).

Слинкова Ольга Константиновна
д-р экон. наук, проф., БелГУ (Белгород, Россия).
Olga K. Slinkova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Belgorod National Research University (Belgorod, Russia).

Солодова Галина Сергеевна
д-р социол. наук, проф., ИФПР СО РАН (Новосибирск, Россия).
Galina S. Solodova, Dr.Sci.(Sociol.), Prof., Institute of Philosophy and Law of SB RAS (Novosibirsk, Russia).

Суслов Виктор Иванович
д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН, ИЭОПП СО РАН (Новосибирск, Россия).
Viktor I. Suslov, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Corresponding Member of the RAS, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Удальцова Мария Васильевна
д-р экон. наук, проф., НГУЭУ (Новосибирск, Россия).
Maria V. Udaltsova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russia).

Чирун Сергей Николаевич
д-р полит. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).
Sergey N. Chirun, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Шашкова Ярослава Юрьевна
д-р полит. наук, доцент, АлтГУ (Барнаул, Россия).
Yaroslava Yu. Shashkova, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof., Altai State University (Barnaul, Russia).

Литературные редакторы – И. А. Максимлюк, Е. А. Печёнкина, Л. С. Старикова.
Корректоры – И. А. Максимлюк, Л. С. Старикова.
Литературный редактор (английский язык) – Н. В. Рабкина.
Верстка и дизайн – Н. В. Митько.

Literary editors – I. A. Maksimlyuk, E. A. Pechenkina, L. S. Starikova.
Proof-readers – I. A. Maksimlyuk, L. S. Starikova.
Literary editor (Eng.) – N. V. Rabkina.
Layout and design – N. V. Mitko.

2500-3372 (print) 2542-1190 (online)
2022 том 7 № 3

Социокультурное и политическое развитие общества

Встроиться в систему: местное самоуправление в условиях новой федеральной реформы
Зазулина М. Р. 275

Угольный регион как дискурсивный конструкт: смыслы угля в медиаповседневности Кузбасса
Пискунова А. Е. 285

Олимпийские волонтеры о волонтерстве
Сухарькова М. П. 298

Институционализация правовой культуры
Шумкин Е. М. 305

Социология управления

Оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации
Каган Е. С., Медянцева С. Г., Рыжих К. Э. 315

Возможности использования доказательного подхода для анализа промышленной политики
Капогузов Е. А., Чупин Р. И. 323

Экономика управления: теория и практика

Совершенствование методического обеспечения формирования и распределения финансовых ресурсов высшего образовательного учреждения в Российской Федерации
Кизиль Е. В., Нагаев Г. В., Усанов И. Г. 331

Разработка модели оценки эффективности финансово-хозяйственной деятельности организации на основе сценарного подхода
Козлова Д. С., Быков В. А., Якшилов И. Н. 342

Приватизация и концессия как перспективные формы взаимодействия государства и бизнеса: зарубежный и российский опыт
Меджидов З. У. 354

Региональная экономика

Инновационный потенциал Кемеровской области – Кузбасса: состояние и перспективы развития
Подзорова Г. А., Артеменко А. И., Грязнова Н. Л., Комарчева О. С. 367

Современные представления о взаимосвязи деятельности малых и средних предприятий с региональным экономическим развитием
Рогова К. В. 378

Региональные аспекты продвижения вузов на международном рынке
Юдина В. А., Танина М. А., Бондаренко В. В. 395

Society: Cultural and Political Development

Integrating into the System: Local Self-Government in the Context of the New Federal Reform
Zazulina M. R. 275

Coal Region as a Discursive Construct: Meanings of Coal in the Kuzbass Media Routine
Piskunova A. E. 285

Volunteers on Volunteering
Sukharkova M. P. 298

Institutionalization of Legal Culture
Shumkin E. M. 305

Sociology of Management

Executive Authorities of the Subjects of the Russian Federation: Performance Assessment
Kagan E. S., Medyantseva S. G., Ryzhikh K. E. 315

Evidence-Based Approach in Industrial Policy Analysis
Kapoguzov E. A., Chupin R. I. 323

Management Economics: Theory and Practice

Formation and Distribution of Financial Resources of a Higher Educational Institution in the Russian Federation: Improving the Methodological Support
Kizil E. V., Nagaev G. V., Usanov I. G. 332

Scenario Model for Assessing the Corporate Financial and Economic Performance
Kozlova D. S., Bykov V. A., Yakshilov I. N. 343

Privatization and Concession as Promising Forms of Interaction between the State and Business: Foreign and Russian Experience
Medzhidov Z. U. 354

Regional Economy

Innovative Potential of the Kemerovo Region: Current State and Development Prospects
Podzorova G. A., Artemenko A. I., Gryaznova N. L., Komarcheva O. S. 368

Effect of Regional Economic Development on Small and Medium-Sized Enterprises: Modern Concept of the Dependency
Rogova K. V. 378

Promoting Universities on the International Market: Regional Aspects
Yudina V. A., Tanina M. A., Bondarenko V. V. 395

оригинальная статья

Встроиться в систему: местное самоуправление в условиях новой федеральной реформы

Зазулина Мария Рудольфовна
Институт философии и права Сибирского отделения РАН, Россия, Новосибирск
https://orcid.org/0000-0001-8984-1129
zamashka@yandex.ru

Поступила 15.05.2022. Принята после рецензирования 15.06.2022. Принята в печать 27.06.2022.

Аннотация: Рассмотрена грядущая реформа местного самоуправления, инициированная поправками в Конституцию РФ (2020) и Проектом ФЗ № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», внесенным на рассмотрение ГД РФ в декабре 2021 г. Цель – выявить и проанализировать особенности реорганизации местного самоуправления в условиях встраивания в единую систему публичной власти и реализации нововведений. Осуществлен анализ законодательной базы, а также данных, относящихся к развитию местного самоуправления, предоставляемых Министерством финансов и Министерством юстиции РФ. Исследовано развитие положений о единой системе публичной власти и о местном самоуправлении как элементе этой системы в Конституции и в новом Законопроекте о местном самоуправлении. Изучены предлагаемые нововведения и их последствия для институциональной организации местного самоуправления. Сделан вывод, что на новом этапе решение проблем местного самоуправления, связанных с низкой управляемостью и недостаточной эффективностью, будет происходить посредством его включения в единую систему публичной власти. Следствием станет институциональная реорганизация самоуправления, чертами которой выступают: дальнейшее огосударствление (самоуправление теряет институциональную автономность и превращается в нижний уровень управленческой вертикали); унификация (происходит внутри системы местного самоуправления и внутри элементов единой системы публичной власти, то есть между муниципальным и региональным уровнями власти); упрощение системы местного самоуправления (переход к одноуровневой модели, значительное сокращение разнообразия и количества муниципальных образований, численности депутатского корпуса, объема полномочий и т. д.). Показано, что выбранную стратегию реформ следует рассматривать как сознательный выбор законодателями дальнейшего пути развития отечественного самоуправления. Она характеризуется отходом от принципа безоговорочного транзита демократических институтов к ориентации на поиск модели, более соответствующей социально-экономическим, политическим и культурным реалиям России.
Ключевые слова: местное самоуправление, реформа, государственная власть, муниципальная власть, публичная власть, политическая система, институт, институциональная организация

Цитирование: Зазулина М. Р. Встроиться в систему: местное самоуправление в условиях новой федеральной реформы. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2022. Т. 7. № 3. С. 275–284. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-3-275-284

full article

Integrating into the System: Local Self-Government in the Context of the New Federal Reform

Mariia R. Zazulina
Institute of Philosophy and Law of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Russia, Novosibirsk
https://orcid.org/0000-0001-8984-1129
zamashka@yandex.ru

Received 15 May 2022. Accepted after peer review 15 Jun 2022. Accepted for publication 27 Jun 2022.

Abstract: The author analyzed the upcoming reform of local self-government initiated by amendments to the Constitution of the Russian Federation (2020) and the Draft Federal Law No. 40361-8 "On general principles of the organization of local self-government in a unified system of public authority", submitted to the State Duma of the Russian Federation in December 2021. The research objective was to identify and analyze the features of the reorganization of local self-government during

© 2022. Автор(ы). Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

its integration into a unified system of public authority and the implementation of innovations proposed by the new law on local self-government. The analysis included the legislative foundation and various data on local self-government provided by the Ministries of Finance and Justice. The author concentrated on the unified system of public power, the local self-government as an element of this system, the proposed innovations, and their consequences for the institutional organization of local self-government. At the new stage, such problems of local self-government as poor manageability and low efficiency are likely to be solved by including them in the unified system of public authority. Governmentalization increases as self-government loses institutional autonomy and turns into a lower level of the management vertical. Further unification takes place within the system of local self-government and within the elements of the unified system of public authority, i.e., between municipal and regional levels of government. A simplified system of local self-government follows a single-level model, with a significant reduction in the diversity and number of municipalities, deputies, competences, etc. The chosen strategy reforms should be considered as a conscious choice by legislators of the further domestic self-government development. The strategy abandons the principle of unconditional transit to democratic institutions and turns to a model that includes the current socio-economic, political, and cultural realities of Russia.
Keywords: local self-government, reform, state power, municipal power, unity of public authority, political system, institution, institutional organization

Citation: Zazulina M. R. Integrating into the System: Local Self-Government in the Context of the New Federal Reform. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(3): 275–284. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-3-275-284

Введение

Внесение поправок в Конституцию РФ в 2020 г. ознаменовало начало нового этапа в выстраивании системы политических институтов в стране. Часть поправок касалась сферы местного самоуправления, которое стало трактоваться как элемент системы единой публичной власти. В качестве второго элемента системы Конституция определила органы государственной власти, на законодательном уровне закрепив дуумвират государства и самоуправления. Несмотря на понимание экспертным сообществом факта, что реализация поправок изменит федеральное и региональное законодательство, никто не выдвигал гипотез о возможной кардинальной реформе системы власти в целом и местного самоуправления в частности.

В сентябре 2021 г. на рассмотрение ГД РФ был представлен Проект ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее – ФЗ-414). В декабре 2021 г., пройдя все стадии рассмотрения, законопроект был принят. Новый закон предусматривает унификацию органов власти во всех субъектах РФ, расширяет основания для увольнения глав регионов и снимает запрет для глав регионов на время нахождения в должности больше чем на два срока подряд[1].

В декабре 2021 г. на рассмотрение ГД РФ был представлен Проект ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее – Законопроект МСУ-2021)[2]. На данный момент проект рассмотрен в первом чтении и находится на доработке. Так же как и ФЗ-414, Законопроект МСУ-2021 «подготовлен в развитие положений Конституции Российской Федерации о единой системе публичной власти»[3], но в отличие от ФЗ-414 он предполагает более кардинальные изменения, связанные с институциональной реорганизацией местного самоуправления в РФ. Предполагается, что отдельные положения нового законопроекта вступят в силу уже с 01.01.2023. До 01.01.2028 будет длиться переходный период, после чего ФЗ № 131-ФЗ от 06.10.2003 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – ФЗ-131), действующий сейчас, утратит силу, и в полном объеме начнут действовать положения нового закона.

Разработчиками и инициаторами внесения обоих законопроектов стали глава комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и госстроительству А. А. Клишас и председатель комитета Госдумы по госстроительству и законодательству П. В. Крашенинников. Оба принимали активное участие в разработке законопроекта о внесении поправок в Конституцию РФ, а кроме этого являются авторами более ста законопроектов, получивших одобрение (в том числе инициаторами прошедших

[1] Об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ. ФЗ № 414-ФЗ от 21.12.2021. *СЗ РФ*. 27.12.2021. № 52. Ч. I. Ст. 8973.

[2] Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти. Проект ФЗ № 40361-8. (внесен сенатором РФ А. А. Клишасом, депутатом ГД П. В. Крашенинниковым) (принят в первом чтении 25.01.2022). URL: https://sozd.duma.gov.ru/download/626BB5D1-C7D8-4ED3-8AD7-51DA08BF6719 (дата обращения: 05.05.2022).

[3] Пояснительная записка к проекту ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». URL: https://sozd.duma.gov.ru/download/6E13A1A9-6E8B-4F98-9B52-4A9427FBF667 (дата обращения: 05.05.2022); Пояснительная записка к проекту ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». URL: https://sozd.duma.gov.ru/download/B893AE5F-7529-4265-BC75-A98B00E5689B (дата обращения: 05.05.2022).

в 2020 г. реформ в избирательном законодательстве, связанных с введением многодневного голосования). Судьба инициатив, выдвигаемых этими законодателями ранее, заставляет предположить, что Законопроект МСУ-2021 получит одобрение и вступит в силу, а следовательно, может быть рассмотрен как начало очередного этапа развития местного самоуправления в РФ. Либо как минимум можно утверждать, что он выступает в качестве возможной альтернативы дальнейшего развития местного самоуправления т. к оказался вынесен на обсуждение.

С такой точки зрения актуальным представляется анализ предлагаемых Законопроектом МСУ-2021 нововведений и их возможных последствий для институциональной организации отечественного местного самоуправления, в том числе для его существования в качестве самостоятельного института. Цель данной работы заключается в выявлении и анализе особенностей реорганизации местного самоуправления в условиях встраивания в единую систему публичной власти и обсуждения Проекта ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Для этого предполагается решить следующие задачи:

- проанализировать положения Конституции РФ, касающиеся местного самоуправления и его места в единой системе публичной власти;
- исследовать развитие положений о единой системе публичной власти в рамках Законопроекта-2021;
- проанализировать основные нововведения Законопроекта-2021, связанные с изменением институциональной организации местного самоуправления, и выявить их возможные последствия;
- дать характеристику нового этапа в развитии местного самоуправления в РФ.

Решение общей цели исследования и поставленных задач предполагает использование следующих методов: анализ законодательной базы, анализ данных, относящихся к развитию местного самоуправления, предоставляемых Минфином и Минюстом РФ, анализ экспертных и научных публикаций по проблемам исследования.

На данный момент имеется достаточно большой объем работ правоведческого характера, посвященных анализу поправок, внесенных в Конституцию РФ в части, касающейся местного самоуправления. В том числе обсуждаются особенности его правового статуса в рамках единой системы публичной власти, которые следуют из обновленного текста Конституции РФ [1–4].

Объем научных исследований, посвященных анализу непосредственно нового законопроекта, пока небольшой в силу недавнего характера нововведений. Общим для всех исследований выступает обеспокоенность авторов значительным сокращением самостоятельности сферы местного самоуправления и возможностью полного исчезновения этого института [5; 6]. Подробный анализ законопроекта провел В. А. Зикеев и сделал правомерный вывод о переосмыслении роли местного самоуправления в системе российского государства в сторону технократического понимания в качестве третьего уровня публичной власти [7].

Особенностью работы над законопроектом после внесения его в ГД РФ можно считать широкое привлечение к его обсуждению экспертного сообщества и общественности. По поводу законопроекта имеется ряд официальных экспертиз со стороны Правительства РФ[4], ГД РФ[5], Совета по правам человека[6]. Также на данный момент в стадии формирования находятся заключения Законодательных Собраний субъектов РФ. В январе-феврале 2022 г. Всероссийская ассоциация развития местного самоуправления (ВАРМСУ) провела масштабные публичные обсуждения по изучению проблем и предложений к Законопроекту МСУ-2021. В круглых столах ВАРМСУ приняли участие более 15 тыс. человек. Предложения поступили от Советов муниципальных образований более чем 40 субъектов РФ и свыше 150 муниципальных образований[7]. Опыт проведения столь масштабных публичных слушаний сам по себе является беспрецедентным. В то же время формирование консолидированного мнения муниципального сообщества в отношении законопроекта (а именно это было одной из целей) вряд ли можно считать достигнутым. Каждый пункт реформы и каждый предлагаемый законодателями способ решения имеющихся проблем вызвал весь спектр возможных реакций. Общим в данном случае можно считать понимание представителями экспертного сообщества, независимо от занимаемой точки зрения, неизбежности происходящих изменений и признание вертикализации местного самоуправления и усиливающегося сближения с государственной властью.

[4] Официальный отзыв Правительства РФ № 528п-П16 от 25.01.2022 на проект ФЗ № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», внесенный сенатором РФ А. А. Клишасом, депутатом ГД П. В. Крашенинниковым. URL: https://sozd.duma.gov.ru/download/4E57762A-453C-45BB-B510-C1B268537D1D (дата обращения: 05.05.2022).

[5] Резолюция федеральных экспертных слушаний «Об актуальных вопросах муниципального строительства и развития законодательства в сфере местного самоуправления в Российской Федерации». 24.01.2022. URL: http://komitet4.km.duma.gov.ru/upload/site28/Rezolyuciya_FES_24_01_2022_ITOG_red_10_02(2).docx (дата обращения: 05.04.2022).

[6] Экспертное заключение постоянной комиссии по развитию институтов гражданского общества СПЧ на проект ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». 19.01.2022. URL: http://www.president-sovet.ru/members/blogs/post/ekspertnoe_zaklyuchenie_postoyannoy_komissii_razvitiyu_institutov_grazhdanskogo_obshchestva_soveta_p/ (дата обращения: 05.04.2022).

[7] ВАРМСУ: На профильной Комиссии Ассоциации подвели итоги масштабного публичного обсуждения законопроекта об организации местного самоуправления в России. 18.02.2022. URL: https://agpsamara.ru/info/news/varmsu-na-profilnoy-komissii-assotsiatsii-podveli-itogi-masshtabnogo-publichnogo-obsuzhdeniya-zakono/ (дата обращения: 05.05.2022).

Мы полагаем, что весь политико-правовой контекст, в котором осуществляется принятие нового законопроекта, свидетельствует о том, что грядущую реформу местного самоуправления следует рассматривать не только как ожидаемую реализацию на федеральном уровне положений, закрепленных в Конституции РФ, но и как часть единой большой реформы по выстраиванию новой системы власти в РФ, затрагивающей сразу ее федеральный, региональный и муниципальный уровни. Данный тезис является основополагающим для объективной оценки изменений, происходящих в системе политической власти в РФ, в том числе в системе местного самоуправления. Местное самоуправление в данном случае выступает как сфера, в отношении которой законодатель применяет положения Конституции РФ о единой системе публичной власти. На практике это предполагает не только кардинальную перестройку институциональной организации местного самоуправления, но и переосмысление его значимости в качестве института публичной власти.

Местное самоуправление в контексте поправок в Конституцию РФ

Полный анализ изменений, касающихся положения местного самоуправления в новой редакции Конституции РФ, мы оставим за рамками данной статьи. Акцентируем внимание лишь на принципиальных для нашего исследования моментах. Одной из наиболее важных поправок стало введение категории *публичная власть*, которая ранее отсутствовала в тексте Основного закона РФ. Так, в ч. 2 ст. 80 ранее использовавшийся термин *органы государственной власти* заменен *на органы, входящие* в *единую систему публичной власти*[8]. Именно эта категория определяет новые особенности организации местного самоуправления.

Вопросы местного самоуправления в Конституции РФ освещены в гл. 8 (ст. 130–133). В обновленном тексте отсутствует упоминание поселенческого принципа как основы территориальной организации самоуправления. Новая формулировка предусматривает более широкий выбор способов территориальной организации и провозглашает в качестве источника их формирования ФЗ: «Местное самоуправление осуществляется в муниципальных образованиях, виды которых устанавливаются федеральным законом. Территории муниципальных образований определяются с учетом исторических и иных местных традиций. Структура органов местного самоуправления определяется населением самостоятельно в соответствии с общими принципами организации местного самоуправления в Российской Федерации, установленными федеральным законом» (ч. 1 ст. 131). Кроме этого, в ст. 131 введен отдельный пункт: «Органы государственной власти могут участвовать в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления в порядке и случаях, установленных федеральным законом» (п. 1 ч. 1 ст. 131). Ч. 3 ст. 132 гласит: «Органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории». Ст. 133 касается неотъемлемых прав, закрепленных за местным самоуправлением, при этом новая редакция еще раз акцентирует внимание на том, что органы местного самоуправления выполняют во взаимодействии с органами государственной власти публичные функции.

В совокупности все отмеченные положения позволяют определить принципы взаимодействия различных элементов в единой системе публичной власти: определяющим в этой системе оказывается государственная власть, которая в том числе посредством законотворческой деятельности устанавливает рамки для власти муниципальной. Такое положение дел является вполне ожидаемым, но вызывает вопросы по поводу соответствия самостоятельной природе местного самоуправления.

Анализируя новеллы в Конституции РФ, исследователи отмечают, что внесение поправок запустило процесс создания системы публичной власти, которая объединяет в себе органы государственной власти и органы местного самоуправления и создает основу для их взаимодействия в целях «наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории». Это должно преодолеть дисбаланс между государственной и муниципальной властью, сложившийся в последние годы [2, с. 31]. «Закрепление в гл. 8 Конституции РФ и научное признание сущностного единства публичной власти в отношениях между регионами и муниципалитетами позволяет выстраивать их эффективное взаимодействие, а единство компетенции позволяет осуществлять ее перераспределение в целях повышения эффективности реализации» [8, с. 47].

В то же время категория *публичная власть* подвергалась критике. Несмотря на частое употребление в научной литературе, это понятие не закреплено в законодательстве и признается большинством экспертов как дискуссионное. Существующий на сегодняшний день консенсус касается необходимости его дальнейшего законодательного закрепления. Однако не существует единого мнения по поводу подхода к раскрытию его различных аспектов [7]. Одни исследователи полагают, что понятие останется неполным без включения в него в качестве третьего элемента категории *гражданское общество* [4]. Другие считают, что особенности употребления термина в конструкции конституционной нормы

[8] Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

(в частности, в п. «г» ст. 71), в которой категория *публичная власть* предваряет категорию *система федеральных органов власти*, может указывать на его первостепенный и средообразующий характер [2, с. 32].

На наш взгляд, поправки в Конституцию, официально объединив в рамках единой системы органы государственной власти и местного самоуправления, тем самым легитимизировали тесное взаимодействие, уже существующее между ними, сложившееся под воздействием комплекса социально-экономических, исторических и культурных факторов. Данной позиции придерживаются и другие исследователи [3; 8]. Мы полагаем, что особенностью современного политического и законодательного процесса является раскрытие и уточнение понятия *публичная власть* непосредственно в процессе реформирования регионального и муниципального уровней публичной власти.

Концепция единой системы публичной власти в новом законе о самоуправлении

Дальнейшее развитие тезис о единой системе публичной власти получил в рамках Законопроекта МСУ-2021. Место самоуправления в единой системе публичной власти, а также принципы взаимодействия с органами государственной власти определены в ст. 1: «В соответствии с Конституцией Российской Федерации органы местного самоуправления входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации» (п. 4); «Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти» (п. 6); «Органы публичной власти в соответствии с настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами участвуют в решении задач местного самоуправления» (п. 8)[9]. Ст. 2 содержит следующее положение: «Органы публичной власти в соответствии с настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами обеспечивают установленные Конституцией Российской Федерации и настоящим Федеральным законом права граждан на осуществление местного самоуправления» (п. 3). В Пояснительной записке к Законопроекту МСУ-2021 со ссылкой на Заключение Конституционного Суда РФ № 1-3 от 16.03.2020 предлагается следующее понимание принципа единства публичной власти: «Принцип единства публичной власти предполагает "согласованное действие различных уровней публичной власти как единого целого во благо граждан"»[10].

Введение категории *публичная власть* в Конституцию и дальнейшее использование ее в качестве правового основания в Законопроекте МСУ-2021 позволяет существенно изменить сам подход к самоуправлению путем включения в решение вопросов местного значения и государственных, и муниципальных органов и провозглашения между ними единой системы взаимодействия. Решение вопросов местного значения приобретает системный характер, а местное самоуправление рассматривается лишь как один из элементов системы по решению вопросов местного значения. Новый принцип единства публичной власти оказывается структурообразующим для всей системы местного самоуправления. В то же время формирование единой системы публичной власти предполагает изменение роли местного самоуправления и его превращение в один из трех уровней публичной власти (федеральный – региональный – муниципальный).

Изменения, приведшие к такому толкованию самоуправления, уже на этапе конституционных поправок вызвали большой резонанс как среди представителей общественности, так и среди экспертов и научного сообщества, активизировав ряды противников и защитников идеи независимости местного самоуправления. Споры по поводу положения местного самоуправления отражают общие изменения между ориентацией на централизацию и децентрализацию власти как альтернативные стратегии развития РФ. В сфере местного самоуправления эта проблема проецируется в виде споров о самостоятельном характере самоуправления и его неизбежной зависимости от государственной власти.

Одна точка зрения предполагает, что вводимые новым текстом Конституции ограничения достаточно существенны и находятся в противоречии с тезисом о самостоятельной и независимой природе местного самоуправления [1; 5]. Другая точка зрения признает невозможность осуществления органами местного самоуправления своих полномочий в силу таких причин, как недостаточная финансовая обеспеченность, отсутствие развитой культуры политического участия и самоорганизации и т. д. М. М. Степанов отмечает, что отсутствие у муниципальных образований необходимого количества собственных доходов приводит к необходимости бюджетирования со стороны государства, что в свою очередь приводит к необходимости осуществления государством постоянного контроля за расходованием средств и встраиванию местного самоуправления в вертикаль публичной власти [3, с. 35]. По мнению В. И. Васильева, усиление государственной вертикали в сфере местного самоуправления является объективной тенденцией, обусловленной многовековыми централизаторскими традициями российского государственного управления [9, с. 83]. Еще более радикальной является точка зрения Н. С. Тимофеева, который полагает, что перенос большого количества полномочий на муниципальный уровень фактически может интерпретироваться как отказ государства от их реализации, что пагубно сказывается

[9] Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти. Проект ФЗ…

[10] Пояснительная записка к проекту ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» …

и на местных сообществах, и на всей системе власти. Соответственно, «исходя из конституционных принципов и идей развития местного самоуправления, предлагается социальные ценности и ориентиры подчинить идее этатизации России на основе не тоталитаризма, а на основе этатически-патерналистской модели взаимодействия государства и общества на основе интегрированных ценностей либерализма и коллективных прав и интересов» [10, с. 66].

Еще одним важным моментом является оценка характера изменений, происходящих в сфере местного самоуправления в последние годы. Исследователи отмечают непоследовательный и ситуативный характер таких изменений [11, p. 129], а также бессистемный и противоречивый характер взаимодействий, существовавших между государственными и муниципальными органами власти, даже после принятия поправок к Конституции РФ [1]. Законопроект МСУ-2021 в значительной степени исправляет данную ситуацию. Как мы показали выше, раскрытие положений Конституции РФ, принятых еще в 2020 г., в Законопроекте МСУ-2021 происходит достаточно последовательно. Помимо этого, новый законопроект наследует многие из положений ФЗ-131, введенные в муниципальную практику начиная с 2014 г., т. е. на этапе последних интенсивных преобразований сферы местного самоуправления. Все это дает основания рассматривать трансформации, происходящие с местным самоуправлением, не как бессистемные метания, а как обдуманную стратегию в отношении всей системы власти и в том числе в отношении местного самоуправления как элемента этой системы. Эта стратегия характеризуется отходом от принципа безоговорочного транзита демократических институтов и ориентацией на поиск модели, более соответствующей социально-экономическим и культурным реалиям России. Фактически речь идет об импортозамещении демократии.

Законопроект МСУ-2021: новеллы и акценты

Основная новелла нового законопроекта связана с территориальной реорганизацией местного самоуправления, которая будет осуществляться сразу в нескольких направлениях: сокращение разнообразия муниципальных образований (из имеющихся восьми останется лишь три вида); введение одноуровневой системы местного самоуправления (вместо двухуровневой); укрупнение муниципальных образований (за счет слияния городских и сельских поселений, находящихся на территории муниципального района, в один муниципальный округ).

Новая организационная структура предполагает три типа муниципальных образований: городской округ, муниципальный округ, внутригородская территория (внутригородское муниципальное образование) города федерального значения (п. 2 ст. 9)[11]. Разделение на городские и муниципальные округа сохранится. При этом критериями отнесения муниципального образования к тому или иному виду будут выступать действующие в настоящее время требования к доле населения, проживающего в городах и / или иных городских населенных пунктах, к площади территории городского округа, к плотности населения на территории городского округа (ст. 9, п. 5 ст. 13). За городскими и муниципальными округами закрепляется идентичный объем полномочий. Также предусматривается возможность установления особой организации местного самоуправления на отдельных территориях (12 типов таких территорий) (ст. 84).

Реформа предполагает упразднение городских и сельских поселений, что приведет к сокращению общего количества муниципальных образований. По данным Миниюста РФ, на 01.01.2021 общее количество муниципальных образований в РФ составило 20184, в том числе 1327 городских поселений и 16235 сельских[12]. Таким образом, количество муниципальных образований сократится на 87 %. Закономерным следствием окажется и сокращение депутатского корпуса. На 01.01.2021 общая численность депутатского корпуса в муниципальных образованиях составила 203,3 тыс. депутатов, в том числе 17,3 тыс. депутатов представительных органов городских поселений и 147,0 тыс. – сельских[13]. Соответственно количество депутатов сократится на 81 %.

Упразднение поселенческого уровня самоуправления не в последнюю очередь имеет финансовые причины. Проблема распределения полномочий и эффективной экономической организации местного самоуправления является одной из наиболее важных проблем, которую призвана решить грядущая реформа. В качестве одного из оснований для критики существующей модели организации местного самоуправления законодатели указывают «высокую дотационность и широко применяемую практику перераспределения полномочий с поселенческого уровня на региональный, передачи поселениями своих полномочий органам местного самоуправления муниципальных районов на основе соглашений (в отдельных случаях вплоть до 100 %)»[14].

Городские и сельские поселения составляют 87 % от общего числа муниципальных образований. Однако их доля в общей структуре собственных доходов муниципальных образований составила в январе 2021 г. лишь 11,5 %

[11] Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти. Проект ФЗ…

[12] Доклад о результатах ежегодного мониторинга организации и развития местного самоуправления в РФ за 2020 г. *Министерство юстиции РФ*. URL: https://minjust.gov.ru/uploaded/files/monitoring-msu-202115.docx (дата обращения: 05.05.2022).

[13] Там же.

[14] Пояснительная записка к проекту ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» …

(4,7 % – доля бюджетов городских поселений и 6,8 % – сельских)[15]. На 01.01.2016 этот показатель составлял 15,4 %[16]. Таким образом, в последние годы происходит постоянное снижение доли собственных доходов муниципальных образований поселенческого уровня в общей структуре собственных доходов всех муниципальных образований. Значительные масштабы имеет и практика передачи полномочий. В 2020 г. в передаче полномочий с уровня поселения на уровень района учувствовало 87,0 % от общего числа городских и сельских поселений и 91,8 % муниципальных районов. Самостоятельно решать все вопросы местного значения могли органы местного самоуправления в 11,6 % городских поселений в 43 регионах и 14,3 % сельских поселений в 50 регионах[17].

Решение проблемы полномочий в новом Законопроекте является в каком-то смысле кардинальным и вместе с тем подразумеваемым всей логикой проводимой реорганизации. Упразднение двухуровневой системы самоуправления автоматически означает исчезновение всего объема полномочий, передаваемых на нижний уровень самоуправления, и от него – к другим уровням власти. При этом структура финансового обеспечения полномочий сохраняется в том виде, в каком на данный момент закреплена в ФЗ-131: это субвенции на осуществление государственных полномочий, субсидии, дотации и иные межбюджетные трансферты из бюджетов субъектов РФ, а также субсидии, субвенции и иные межбюджетные трансферты из местных бюджетов в бюджет субъекта РФ (гл. 7)[18]. За муниципальным округом и городским округом закрепляется одинаковый объем полномочий в количестве 27. Еще 28 полномочий могут быть закреплены за органами местного самоуправления законом Субъекта Федерации (ст. 32). На особом положении оказываются внутригородские муниципальные образования, для которых перечень полномочий и источники доходов местных бюджетов определяются законами субъектов РФ – городов федерального значения, исходя из необходимости сохранения единства городского хозяйства.

Одним из концептуальных моментов является отказ от категории *вопросы местного значения* в пользу категории *полномочия по решению вопросов местного значения, закрепленные за органами местного самоуправления.* Объясняется это тем, что «существование конструкции, предполагающей закрепление в федеральном законодательстве и вопросов местного значения, и полномочий по их решению, приводит к путанице при перераспределении полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта РФ»[19]. Законопроект МСУ-2021 предусматривает непосредственно закрепление полномочий органов местного самоуправления. В то же время большая часть полномочий будет передана от местных органов власти к региональным. Такой подход вызвал противоположные отклики со стороны экспертов. Например, директор Центра местного самоуправления ИУРР РАНХиГС К. Иванова считает, что новая структура полномочий и сам подход преодолевают много спорных моментов[20]. Председатель Ассоциации муниципальных образований Владимирской области, глава округа Муром Е. Рычков полагает, что «нужно признать априори изначально все полномочия муниципальными, и при необходимости решением органа власти области забирать эти полномочия на уровень региона»[21]. Мы полагаем, что перечень полномочий в ходе дальнейших рассмотрений может быть пересмотрен, но структура и подход, предлагаемый законодателями, в целом останутся без изменений, поскольку хорошо отражают тренд не только на унификацию, но и на упрощение системы местного самоуправления.

Как мы уже показали, предлагаемая Законопроектом МСУ-2021 унификация имеет качественное измерение в виде сокращения разнообразия различных видов муниципальных образований, их укрупнения, а также сокращения уровней самоуправления и количественное измерение в виде сокращения общего количества муниципальных образований и депутатского корпуса. Унификация происходит прежде всего за счет упразднения институтов низового уровня, что влечет уменьшение общего количества взаимодействий, перераспределяемых полномочий и т. д. (и в том числе сокращение количества демократических процедур в системе самоуправления). Предполагается, подобное упрощение системы сделает связи более прозрачными, а взаимодействие – более эффективным в целом.

[15] Информация о результатах проведения мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах РФ на региональном и муниципальном уровнях за 2020 г. *Министерство финансов РФ*. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2021/07/main/MONITORING_2020_ITOG.docx (дата обращения: 05.05.2022).

[16] Информация о результатах проведения мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах РФ на региональном и муниципальном уровнях за 2015 г. *Министерство финансов РФ*. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2016/07/main/Rezultaty_provedeniya_monitoringa_mestnykh_budzhetov_za_2015_god.pdf (дата обращения: 05.05.2022).

[17] Информация о результатах проведения мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах РФ на региональном и муниципальном уровнях за 2020 г…

[18] Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти. Проект ФЗ…

[19] Пояснительная записка к проекту ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» …

[20] Полномочия и компетенции – один из ключевых разделов регулирования местного самоуправления. *РАНХиГС*. 04.02.2022. URL: http://131fz.ranepa.ru/post/1958 (дата обращения: 05.05.2022).

[21] «Сегодня у России уже три беды: дураки, дороги и реформы»: Евгений Рычков о реформе местного самоуправления. 10.02.2022. URL: https://tomiks33.ru/vg/skandaly/v-rossii-tri-bedy-duraki-dorogi-i-reformy-evgeniy-rychkov-o-reforme-mestnogo-samoupravleniya-/ (дата обращения: 05.05.2022).

Еще одним принципиальным нововведением является возможность участия органов государственной власти в формировании органов местного самоуправления. В частности, п. 7 ст. 14 гласит: «Участие органов государственной власти и их должностных лиц в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления допускается в случаях и порядке, предусмотренных настоящим Федеральным законом»[22].

Из трех обязательных элементов, составляющих структуру органов местного самоуправления: представительного органа, главы муниципального образования и местной администрации (п. 2 ст. 14), – представительный орган формируется исключительно путем избрания на муниципальных выборах (п. 1 ст. 15). Отметим, что это означает полный отказ от модели формирования представительных органов верхнего уровня самоуправления путем делегирования депутатов из представительных органов нижнего уровня самоуправления. Именно такая модель получила распространение и активно внедрялась в последние годы в качестве модели формирования представительного органа.

Участие органов государственной власти сводится к участию в формировании института глав муниципальных образований. В данном вопросе Законопроект МСУ-2021 практически полностью повторяет положения действующего ФЗ-131. Формирование института глав предусматривает три возможных способа: избрание населением на муниципальных выборах; избрание представительным органом из своего состава; избрание представительным органом из числа кандидатов, представленных высшим должностным лицом субъекта РФ (п. 2 ст. 19). В ФЗ-131 третий вариант предполагает избрание представительным органом из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией (п. 2.1 ст. 36)[23]. В первых двух случаях глава муниципального образования может либо возглавлять Совет Депутатов, либо возглавлять местную администрацию. В случае избрания из числа кандидатов глава возглавляет местную администрацию.

Важной новеллой Законопроекта МСУ-2021 является усиление ответственности глав муниципальных образований перед государственными органами власти и фактически их полную подконтрольность. П. 1 ст. 19 гласит, что «в соответствии с принципом единства системы публичной власти глава муниципального образования, возглавляющий местную администрацию, одновременно замещает государственную должность субъекта Российской Федерации и муниципальную должность»[24]. Новый закон предусматривает четкие критерии для отстранения глав, в том числе в связи с недостижением эффективности. В данном вопросе положения Законопроекта МСУ-2021 дополняют положения ФЗ-414, регламентирующего отношения региональных органов власти с федеральными, с одной стороны, и муниципальными – с другой. Согласно ФЗ-414, Президент РФ вправе объявить выговор, вынести предупреждение и отрешить от должности главу субъекта РФ в случае ненадлежащего им исполнения своих обязанностей (ст. 29)[25]. Аналогично глава субъекта РФ вправе вынести предупреждение и отстранить от должности главу муниципального образования в случае ненадлежащего исполнения обязанностей и непринятия мер по устранению причин предупреждения в течение месяца (п. 12, п. 13 ст. 25)[26].

На данный момент на рассмотрении в ГД РФ находится пакет поправок к ФЗ-414, которые касаются дальнейшего уточнения критериев оценки работы глав муниципальных образований и местных администраций со стороны глав регионов. При этом, как указывают законодатели, механизмы реализации вышеуказанных положений должны быть урегулированы Законопроектом МСУ-2021[27]. Отметим, что Заключение, составленное Правительством РФ на текст Законопроекта МСУ-2021, содержит неоднократные рекомендации синхронизировать отдельные части Законопроекта МСУ-2021 со статьями ФЗ-414[28].

Итак, Законопроект МСУ-2021, во-первых, предполагает значительное упрощение системы самоуправления: сокращение количества муниципальных образований, депутатского корпуса, уровней самоуправления и т. д. Речь идет о сокращении количества элементов в системе и связей между ними. Во-вторых, происходит унификация элементов и их функциональных возможностей внутри системы местного самоуправления. В-третьих, этот процесс происходит по аналогии и параллельно с унификацией структуры региональной власти под контролем федеральных властей и в направлении развития положений Конституции РФ. Таким образом, мы видим, что в ходе реформы местного самоуправления имеет место двойная унификация: внутри системы местного самоуправления и внутри элементов единой системы публичной власти, т. е. между муниципальным и региональным уровнями власти.

[22] Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти. Проект ФЗ…

[23] Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ. ФЗ № 131-ФЗ от 06.10.2003 (ред. от 30.12.2021). *СПС КонсультантПлюс.*

[24] Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти. Проект ФЗ…

[25] Об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ. ФЗ № 414-ФЗ от 21.12.2021…

[26] Там же.

[27] О внесении изменений в ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». Проект № 93457-8 (вносится депутатами ГД Е. А. Федоровым, Т. А. Кусайко, сенаторами РФ К. К. Долговым, Т. А. Сахаровой). URL: https://sozd.duma.gov.ru/download/2F306F55-B6BA-4BAD-92D0-D1A940BB54EB (дата обращения: 30.04.2022).

[28] Официальный отзыв Правительства РФ № 528п-П16 от 25.01.2022 на проект ФЗ № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти…

Заключение

В целом изменения в системе местного самоуправления, предлагаемые в Законопроекте МСУ-2021, выглядят кардинальными. Но еще более кардинальными выглядят концептуальные обоснования этих изменений: необходимость выстраивания единой системы публичной власти, включающей три уровня и открытое провозглашение курса на обеспечение более широкого участия государственной власти в вопросах самоуправления.

Новая концепция публичной власти предполагает смещение привычных акцентов и изменение уже ставших традиционными нарративов. Двухуровневая система самоуправления, закрепленная в рамках ФЗ-131, предусматривала широкие возможности для взаимодействия уровней местной власти между собой и сохраняла при этом независимость, пусть даже формальную, от государства. Новая концепция дает широкие возможности для участия государства в делах самоуправления. Если раньше развитие самоуправления определялось процессами в своем внутреннем институциональном пространстве, то сейчас оказывается зависимо от институционального пространства, внешнего по отношению к нему. Этому соответствует и новая институциональная архитектура, в которой на смену уровням самоуправления приходят уровни публичной власти: федеральный, региональный, муниципальный.

Кардинальность предлагаемых нововведений не отменяет того факта, что новое состояние системы местного самоуправления формировалось поэтапно, путем последовательного внесения изменений в ФЗ-131 (данный аспект исследования остался за рамками данной работы, но нуждается в дополнительном изучении), затем в Конституцию РФ и затем путем внесения ряда новых законодательных инициатив на федеральном уровне, одной из которых является Законопроект МСУ-2021. Данный шаг выглядит не ситуативной попыткой исправить существующее положение дел, а продуманной стратегией, ориентированной на сознательный отход от общепринятых демократических стандартов в пользу поиска аутентичных путей развития. Грядущая реформа местного самоуправления в этом плане является образцом отечественного варианта импортозамещения демократии. И именно это позволяет законодателю изящно определять сближение самоуправленческих и государственных структур не как вертикализацию, а как их объединение в рамках единой системы публичной власти. Именно эти концептуальные изменения очерчивают новый политический контекст, в котором в обозримой перспективе будет проходить институциональная реорганизация местного самоуправления в России.

Грядущая реформа предполагает решить проблемы, связанные с низкой управляемостью и недостаточной эффективностью местного самоуправления, посредством его включения в единую систему публичной власти. Это означает большую связь с государственной властью и большую подотчетность. На практике это ведет к изменению институциональной организации местного самоуправления, во-первых, в сторону унификации сразу по нескольким параметрам (унифицированная система территориальной организации, унифицированная система полномочий, унифицированная система бюджетирования и т. д.). Во-вторых, особенностью нового этапа трансформации оказывается не только унификация, но и упрощение системы местного самоуправления. Наиболее значимым пунктом институциональной реорганизации местного самоуправления оказывается замена двухуровневой модели самоуправления одноуровневой. Такой подход выглядит радикальным. Одно единственное решение – упразднение низового уровня – имеет комплекс последствий и предположительно должно решить много проблем. Упраздняются лишние полномочия, сокращаются лишние статьи бюджетов, сокращается количество муниципальных образований и численность депутатского корпуса.

Возникающая система выглядит не просто унифицированной, а, пожалуй, излишне аскетичной. На наш взгляд, предлагаемый подход к самоуправлению можно обозначить как институциональный минимализм. Система местного самоуправления сокращается до минимального набора элементов, призванных исключительно выполнять функции по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения.

Предполагается, что подобное упрощение системы сделает связи более прозрачными, а взаимодействие – более эффективным в целом. С точки зрения современных экономических и политических теорий такой подход выглядит вполне оправданным. Увеличение числа участников процесса ведет к увеличению издержек, связанных с достижением согласия [12]. Уменьшение их числа должно приводить к уменьшению издержек на достижение согласия. Грядущая реформа местного самоуправления предполагает значительное сокращение участников (само)управленческого процесса, взаимодействий между ними, а следовательно, должна вести к уменьшению издержек и повышению выгод, т. е. эффективности системы. Проблема может заключаться в том, что достигнутое согласие будет касаться лишь непосредственных участников управленческого процесса, слабо отражая интересы населения. Вопрос, таким образом, касается того, насколько легитимной в глазах населения будет новая модель институциональной организации местного самоуправления – укрупненная и инкорпорированная в систему публичной власти.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Иванова М. А. Поправки-2020 как основа для усиления экспансии государства над органами местного самоуправления. *Вестник Российской правовой академии*. 2021. № 3. С. 20–25. https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-3-20-25
Ivanova M. A. Amendments-2020 as a basis for strengthening the expansion of the state over local self-government bodies. *Herald of the Russian Law Academy*, 2021, (3): 20–25. (In Russ.) https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-3-20-25
2. Мухлынина М. М. Система публичной власти и вопросы местного самоуправления в свете поправки 2020 года к Конституции Российской Федерации. *Государственная служба и кадры*. 2020. № 2. С. 30–33. https://doi.org/10.24411/2312-0444-2020-10055
Mukhlynina M. M. The system of public power and issues of local self-government in the light of the 2020 amendment to the Constitution of the Russian Federation. *Gosudarstvennaia sluzhba i kadry*, 2020, (2): 30–33. (In Russ.) https://doi.org/10.24411/2312-0444-2020-10055
3. Степанов М. М. Местное самоуправление в контексте конституционной реформы 2020 года. *Актуальные проблемы российского права*. 2021. Т. 16. № 5. С. 35–41. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.126.5.035-041
Stepanov M. M. Local self-government in the context of the 2020 constitutional reform. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava,* 2021, 16(5): 35–41. (In Russ.) https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.126.5.035-041
4. Чертков А. Н. Публичная власть: состав, единство и сущность взаимодействия. *Конституционное и муниципальное право.* 2020. № 10. С. 19–23. https://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-10-19-23
Chertkov A. N. The public government: the composition, unity and interaction essence. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo,* 2020, (10): 19–23. (In Russ.) https://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-10-19-23
5. Упоров И. В., Гришай Е. В., Попов М. Ю. Местное самоуправление в России на пороге перемен: к законопроекту есть вопросы. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2022. № 1. С. 123–127. https://doi.org/10.23672/l9839-9944-7312-d
Uporov I. V., Grishay E. V., Popov M. Yu. Local government in Russia on the threshold of change: there are questions to the draft law. *Humanities, socio-economic and social sciences*, 2022, (1): 123–127. (In Russ.) https://doi.org/10.23672/l9839-9944-7312-d
6. Бухвальд Е. М., Кожевников О. А., Ворошилов Н. В. Местное самоуправление: реформировать, но не уничтожать. *Самоуправление*. 2022. № 1. С. 12–15. https://doi.org/10.55488/22218173_2022_1_12
Bukhvald E. M., Kozhevnikov O. A., Voroshilov N. V. Local self-government: reform, but not destroy. *Samoupravlenie*, 2022, (1): 12–15. (In Russ.) https://doi.org/10.55488/22218173_2022_1_12
7. Зикеев В. А. Технократизация местного самоуправления. *Zakon.ru.* 17.12.2021. URL: https://zakon.ru/blog/2021/12/17/tehnokratizaciya_mestnogo_samoupravleniya#comment_595203 (режим доступа: 05.05.2022).
Zikeev V. A. Technocratization of local self-government. *Zakon.ru*, 17 Dec 2021. URL: https://zakon.ru/blog/2021/12/17/tehnokratizaciya_mestnogo_samoupravleniya#comment_595203 (accessed 5 May 2022). (In Russ.)
8. Чертков А. Н. Государство и местное самоуправление в России: принцип единства публичной власти и проблемы разграничения ее компетенции. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция.* 2020. № 2. С. 39–50. https://doi.org/10.18384/2310-6794-2020-2-39-50
Chertkov A. N. State and local self-government in Russia: principle of unity and problems of delimiting competences. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2020, (2): 39–50. (In Russ.) https://doi.org/10.18384/2310-6794-2020-2-39-50
9. Васильев В. И. К вопросу о территориальных уровнях местного самоуправления. *Журнал российского права.* 2017. № 1. С. 80–91. https://doi.org/10.12737/23706
Vasiliev V. I. On the territorial levels issue of local government. *Journal of Russian Law,* 2017, (1): 80–91. (In Russ.) https://doi.org/10.12737/23706
10. Тимофеев Н. С. К проблеме развития одной из конституционных основ местного самоуправления. *Конституционное и муниципальное право.* 2018. № 12. С. 66–72.
Timofeev N. S. On the issue of the development of one of constitutional bases of local self-government. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2018, (12): 66–72. (In Russ.)
11. Bukhvald E. M. New basic principles of the state policy in an area of local self-government development in Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast,* 2020, 13(4): 125–135. https://doi.org/10.15838/esc.2020.4.70.7
12. Бьюкенен Дж. М. Сочинения. Т. 1: Конституция экономической политики. Расчет согласия. Границы свободы. М.: Таурус Альфа, 1997. 556 с.
Buchanan J. *Essays. Vol. 1: The constitution of economic Policy. Calculation of consent. The limits of liberty*. Moscow: Taurus Alfa, 1997, 556. (In Rus.)

оригинальная статья

Угольный регион как дискурсивный конструкт: смыслы угля в медиаповседневности Кузбасса

Пискунова Александра Евгеньевна
Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского государственного университета, Россия, Новокузнецк
https://orcid.org/0000-0002-1928-0722
alexpiskunova@mail.ru

Поступила 30.03.2022. Принята после рецензирования 05.06.2022. Принята к публикации 06.06.2022.

Аннотация: Предложено осмысление угля как локально маркированного социокультурного конструкта, реализующего свое предметное содержание благодаря публичным дискурсам в медиапространстве Кузбасса. Данная работа аналитически расположена в рамках широкого концептуального поля социальных исследований экстрактивизма, утверждающих глубокую укорененность и значительное влияние практик добычи ресурсов на организацию современных форм социальности. В основу понимания медиасвидетельств, задающих региональную специфичность темы угля, положен дискурсивный анализ, выступающий феноменологической стратегией социокультурного описания. Применяемый подход позволяет прояснить содержание мышления локального (медиа)сообщества и зафиксировать конкретно-историческое состояние дискурсивной среды. Медиадискурсия угольного региона производит устойчивое понимание угля как значимого ресурса, способного обеспечить общее благосостояние, и угледобычи как экстрактивной практики, основанной на несправедливом распределении выгод и издержек. Порядок дискурса, объективирующий акты коллективного означивания региональной деятельности по освоению угля, составляют экономический дискурс, культивирующий представление об устойчивом экономическом развитии Кузбасса, и экологический дискурс, определяющий понимание специфической «угольной» экологии. В медиаповседневности «угольного» региона дискурсивно представлены два отличающихся источника и, соответственно, режима смыслопорождения: 1) отфильтрованные значения и образы, которые производятся субъектами, имеющими исключительное право на формирование доминирующих публичных дискурсов, такие как СМИ, представители политической и экономической элиты; 2) некоторые частные опыты взаимодействия с проявлениями угледобычи, которые могут стать доступными другим благодаря интернет-возможностям для высказывания. Медиаповседневность образует социальное поле присутствия, и в его рамках члены регионального сообщества воспроизводят коллективную идентичность и «нащупывают» адекватный язык описания реальности, в которой уголь является точкой пересечения экономики и политики, экологии и культуры.
Ключевые слова: уголь, экстрактивизм, медиа, дискурс, угольный регион, Кузбасс

Цитирование: Пискунова А. Е. Угольный регион как дискурсивный конструкт: смыслы угля в медиаповседневности Кузбасса. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2022. Т. 7. № 3. С. 285–297. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-3-285-297

full article

Coal Region as a Discursive Construct: Meanings of Coal in the Kuzbass Media Routine

Aleksandra E. Piskunova
Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute of the Kemerovo State University, Russia, Novokuznetsk
https://orcid.org/0000-0002-1928-0722
alexpiskunova@mail.ru

Received 30 May 2022. Accepted after peer review 5 Jun 2022. Accepted for publication 6 Jun 2022.

Abstract: In the Kemerovo Region, coal is a local socio-cultural construct that receives its substantive content through the local mass media discourse. Social studies of extractivism reveal the deep-rooted and significant impact of resource extraction on the modern society. This research relied on a discourse analysis of media routine and the meanings of coal it specifies. The method of discourse analysis is a phenomenological strategy of socio-cultural description; it clarifies the conceptual content of local media communities and registers the current state of the discursive environment.

© 2022. Автор(ы). Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

In the Kuzbass media, coal is an important resource that provides well-being, while coal mining is an extractive practice based on an unfair distribution of benefits and costs. This discourse objectifies the acts of collective signification of regional coal development activities. The economic discourse cultivates the idea of sustainable economic development of Kuzbass, while the ecological discourse defines the understanding of the specific coal-mining ecology. Media routine forms a social field of presence, where the regional community reproduces its collective identity and develops a language to describe the reality in which coal is the intersection point of economics, politics, ecology, and culture.
Keywords: coal, extractivism, media, discourse, coal region, Kuzbass

Citation: Piskunova A. E. Coal Region as a Discursive Construct: Meanings of Coal in the Kuzbass Media Routine. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(3): 285–297. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-3-285-297

Введение

В последние годы добыча полезных ископаемых настойчиво помещается в фокус внимания социогуманитарных исследователей из разных областей по нескольким причинам. Экстракция, в наиболее общем виде понимаемая как процесс извлечения, выемки объектов / веществ из недр Земли с помощью технических средств [1], насчитывает несколько сотен лет человеческой истории, однако современные процессы уникальны по своей скорости, масштабу, структурной сложности. Изъятие и потребление человеком полезных ископаемых никогда не росли так быстро, как сегодня [2]. Речь идет даже о складывании т. н. эры минерализации: антрополог Дж. Джака предложил термин *минеральный век* для описания текущего исторического момента с его беспрецедентным уровнем производства и потребления минеральных ресурсов [3]. Кроме того, нынешняя интенсификация экстрактивных практик, глубоко вписанная в устройство глобального капитализма и неолиберальной экономики, проистекает из доминирующей логики роста и ускорения и основополагающей парадигмы жестокой эксплуатации. Соответствующую экономическую модель определяют термином *экстрактивизм*, который подразумевает изъятие ресурсов в больших масштабах, диспропорцию в доступе к материальным благам (в том числе отсутствие социально справедливого распределения ресурсной ренты), навязывание и контроль экстрактивных операций извне [4].

Обеспокоенность экологическими кризисами и проблематизация значительного воздействия человеческой деятельности на геологические процессы и окружающую среду, оформившиеся в концепцию антропоцена [5], демонстрируют, что насильственная природа экстракции, лежащая в основе экстрактивистских моделей развития, не только приводит к необратимым преобразованиям ландшафтов и экологии, но и затрагивает сферу политико-экономических и социокультурных отношений индивидуальных и коллективных субъектов. В связи с этим экстрактивизм все чаще понимается исследователями в более широком значении – не как последовательность операций и система экономического производства, но главным образом как политическая конструкция, особый образ мышления, идеология, которые лежат в основе быстрого крупномасштабного изъятия ресурсов, воспроизводящего траектории (европейской) экспансии и колониализма [6]. В данной перспективе экстрактивизм может быть рассмотрен как культурная линза, определяющая формы взаимодействия людей с окружающим миром и отношение к нему [7]. Актуализация такого подхода к изучению экстракции и экстрактивизма делает востребованным осмысление (в различных контекстах и конкретных кейсах) социальных и культурных последствий экстрактивизма, значений, воздействий, интеракций и повседневных практик, а также того, как они формируют особые локальные социокультурные системы.

В таком социальном и интеллектуальном контексте точкой динамического напряжения является добыча угля – одного из ключевых видов ископаемого топлива в мировой энергетике. И хотя социально-экономические противоречия угольной экономики вкупе с социально-экологическими преимуществами укрепляющейся нефтяной экономики подорвали позиции угля как топлива в послевоенную эпоху, он являлся ведущим источником энергии на протяжении большей части XX в. и играет существенную роль в мировой истории [8]. Несмотря на научный консенсус в отношении необходимости глобального поэтапного отказа от угля для смягчения последствий изменения климата, угольная промышленность тем не менее продолжает процветать во многих регионах мира, а уголь остается ядром достаточно спорных программ развития корпораций и государств [9; 10]. В российском контексте показательным регионом, базовым сектором экономики которого выступает экстенсивное освоение угля, является Кемеровская область – Кузбасс[1] Здесь уголь становится тем конструктом, где сходятся проблематика исторической памяти и механизмы политической экономии, приемы политической риторики и представления о (социальной)

[1] Кузбасс – родина сильных. *Министерство угольной промышленности Кузбасса*. URL: https://mupk42.ru/ru/press-center/300-let-kuzbassu/lyudi.php (дата обращения: 25.11.2021).

экологии. В рамках данной работы сделана попытка описать угольный регион как концептуальный сюжет, связывающий культуру, историю и залежи природных ископаемых.

Кузбасс как один из наиболее развитых регионов Сибири с многоотраслевым народным хозяйством и высокой концентрацией сырьевых и перерабатывающих производств является предметом устойчивого исследовательского интереса. Однако обращение к региональному научному дискурсу обнаруживает заметную экономизацию многоаспектной реальности региона [11], укрепляющую его понимание в основном как административно-политического и экономического объекта. Наибольшую исследовательскую проработку получили проблемы устойчивого развития региона, связываемого с экономическим потенциалом угольной отрасли [12; 13], оценка прогнозов добычи и проблем и рисков развития сектора [14; 15], в том числе в аспекте обеспечения безопасности добывающей деятельности [16; 17].

Также внимание исследователей устремлено к пониманию социально-политических реалий, в которых складывается ресурсная экономика региона. Так, установлению специфических рентоориентированных практик в региональном управлении способствуют низкое качество социальных институтов, апатия населения, отчуждение граждан от власти, слабость гражданского общества, имитация публичного дискурса и бесконтрольность правящей элиты [18; 19]. В перспективе интенсивной экономической деятельности в данной отрасли рассматриваются и сложившиеся напряжения в состоянии экологической среды и социальной сферы Кузбасса. Погоня за быстрой прибылью и хищнический характер эксплуатации природных ресурсов [20] оказывают существенное негативное воздействие на окружающую среду [21; 22], а существующая система институтов в сфере социально-экономических отношений негативно отражается на условиях и качестве жизни [23; 24], что в высокой степени относится к местам традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов, расположенным на территории региона [25].

Однако особую актуальность все больше приобретает осмысление феноменов, символически и ментально детерминирующих региональную реальность. Главным образом речь идет о прояснении содержания коллективных представлений регионального сообщества, образов, ценностей и мотивов в общественном сознании. По результатам исследований, в образе восприятия региона молодежью прослеживается амбивалентность оценок угольной отрасли: с одной стороны, она вызывает гордость, а с другой – тревогу за будущее и экологию [26]. Также особенно остро воспринимаются социальные проблемы региона, такие как безработица, высокая преступность, низкие зарплаты, плохое качество медицинского обслуживания [27]. Миграционные установки жителей Кузбасса, артикулированные в коммуникативном фрейме интернет-обсуждения, обнаруживают в своей основе низкие оценки региона как места жительства по таким основным параметрам, как экологическая ситуация, уровень и качество жизни, ограниченные возможности для самореализации [28]. При этом исследователями фиксируется очевидная работа по целенаправленному позиционированию региона, которая своим результатом имеет формирование определенного имиджа. Кузбасс чаще ассоциируется с пространством экономической деятельности (угольной промышленности). Отмечается противоречивость образа региона, выражающаяся в альтернативных значениях: *развивающийся и погибающий в долгах одновременно, смог / чистота, боль / гордость* [29].

На конструирование имиджа оказывает влияние политическая власть и СМИ, что также помещается в фокус научного интереса. Установлена динамическая взаимосвязь между имиджем региона и публичным дискурсом регионального лидера. В политическом дискурсе губернатора преобладает экономический субимидж – формируется образ Кузбасса как экономически устойчивого региона с интенсивно развивающимся промышленным производством, семантическую связность которому придает использование идеологем *Родина, патриотизм, честность, порядочность, достоинство, благополучие* [30]. Учитывая идейно-концептуальный контекст региональных исследований, широким потенциалом обладает осмысление реалий региона (с особой акцентуацией практик и институциональных образований в рамках освоения угля) в их связи и взаимодействии со смысловыми, знаково-символическими структурами и коллективными представлениями.

С учетом обозначенного аналитического контекста настоящая работа стремится прояснить содержание локального *ресурсного воображения* – системы представлений, возникающих в результате специфических способов понимания отношений между сообществами и окружающей средой и превращения конкретных объектов или веществ в ресурсы. При этом дискурсивное конструирование чего-либо как ресурса всегда влечет за собой использование широкого набора значений, практик и властных отношений, регулирующих, как отношения между природой и обществом культурно производятся и осуществляются в разных ситуациях во временных и пространственных контекстах. Такая исследовательская оптика требует применения социокультурного подхода, который предполагает комплексное изучение форм социальности с акцентуацией основополагающей роли культуры в организации социальной жизни [31]. Потенциал осмысления заявленной проблематики аналитически расположен в проблемно-концептуальном поле изучения региональной культуры, понимаемой как особая форма бытия, результат социально-исторического опыта людей в определенных пространственных координатах, оформленный в подвижную конфигурацию культурных свойств и признаков конкретного региона [32; 33].

Таким образом, основной интерес данной работы сосредоточен на пространстве социокультурных измерений Кузбасса как конкретного угольного региона со своим материальным и историческим наследием, местом динамического напряжения которого является многообразие отношений, возникающих вокруг и по поводу угля. Важно отметить, что в сложившихся социально-экономических условиях Кузбасса сформировано самобытное социокультурное пространство, где в политическом и культурном воображаемом центральное место занимает уголь [34].

Кроме того, данная работа вдохновлена идеями *energy humanities*, в которых, в частности, определено понимание полезных ископаемых как культурных артефактов, имеющих широкое эстетическое и дискурсивное наследие в различных медиа [35]. При этом исследователь имеет дело с реальными жизненными формами, сложившимися в конкретных социоприродных и культурных условиях. В данной работе культура угля – это производство и трансляция имеющих отношение к угледобыче смыслов-содержаний, имеющих знаково-символическое выражение, в том числе зафиксированное в текстах. Речь идет, прежде всего, об их «схватывании» средствами определенного языка, где эти смыслы так или иначе проговариваются, который требует оформления в соответствующих дискурсивных и коммуникативных практиках. Вместе с тем мы говорим о *локальной* культуре угля, подразумевая предельный континуум смыслов, находящихся в распоряжении определенного социального сообщества, им поддерживаемый, используемый и изменяемый.

В такой перспективе социокультурная реальность региона рассматривается главным образом как результат символического конструирования субъектами собственного жизненного пространства, который опосредуется механизмами идеализации и реализации, интернализации и экстернализации. Поскольку производство и трансляция «угольных» смыслов происходит на всей территории области, релевантно использование медиапространства для продуктивной проблематизации истории, наследия, общественного благосостояния на территории угледобычи. Объект изучения статьи – региональные медиасвидетельства, представляющие поле взаимодействия социокультурных систем, институтов и индивидов, где уголь является ядром смыслопорождения. Обращаясь к пониманию медиасреды Кузбасса, в данной работе применяется дискурсивный анализ, выступающий продуктивной стратегией социокультурного описания в конкретных культурно-исторических и социально-экономических контекстах [36]. Дискурсивно-медийный факт как элемент социокультурной реальности функционирует в качестве точки потенциального развертывания смыслов, поддерживая общий контекст ценностно-смысловой среды регионального сообщества.

Цель работы – через исследование медийного пространства и публичных дискурсов угольного региона описать проблему взаимосвязи социально-политической и экономической субстанции угля и дискурсивного производства.

Структурные компоненты публичного дискурса угольного региона

Локальная модель угольного экстрактивизма культурно задана системой выраженных в медиапространстве диспозитивов дискурсивной реальности Кузбасса. В первую очередь, добыча угля получает свое смысловое наполнение благодаря экономическому дискурсу, в рамках которого конструируется понимание экономической деятельности угольных компаний и значение угольной промышленности для региональной экономики. В медиаполе широко представлена позиция добывающих предприятий, оперирующих управленческой риторикой в отношении угледобычи: понятия *цели, планирование, прибыль, отчетность* являются ключевыми в дискурсе угольного бизнеса: *«Разрез Распадский» Распадской угольной компании* ***для повышения производительности*** *переходит на блочную систему отработки угольных пластов. <…>* ***Реализация проекта*** *по переходу на блочную систему отработки пластов осуществляется* ***в рамках программы развития*** *«Разреза Распадский» на 2021–2026 гг. Первые* ***результаты повышения эффективности*** *ожидаются в 2022 году.* ***Запланировано****, что объемы добычи угля марки ГЖ, ГЖО вырастут до 4,5 млн тонн*[2].

При этом понимание ландшафтов сведено к набору показателей, таких как площадь, глубина залегания ресурсов, ряд показателей биоразнообразия и т. д. В такой перспективе пространства добычи предстают не как сложные взаимосвязанные экосистемы, а редуцируются до геологической *плоскости* – территория рассматривается как *ничейная*, *пустая*, доступная для подземного освоения. Основанная на этом логика беспрепятственной эксплуатации природы порождает погоню за рентой, сопровождающуюся грубыми нарушениями обязательных норм охраны труда и техники безопасности, а также экологических нормативов. Так, в ноябре 2021 г. произошла крупная авария на шахте «Листвяжная», принадлежащей компании АО ХК «СДС-Уголь». В результате происшествия погиб 51 человек, 106 человек пострадали. Как указано в новостных сообщениях, среди причин трагедии отмечаются грубые нарушения правил безопасности (фальсификация работы системы аэрогазового контроля, нарушение правил эксплуатации метан-реле, вентиляторов для проветривания забоя, ошибки в проектировании объектов), халатность со стороны регионального

[2] «Разрез Распадский» переходит на блочную систему отработки пластов. 18.02.2022. URL: https://www.metalinfo.ru/ru/news/134301 (дата обращения: 13.05.2022). Здесь и далее по тексту курсивом приведены фрагменты медиасвидетельств; смысловые акценты, оформленные через выделение полужирным начертанием отдельных словосочетаний, сделаны автором.

управления Ростехнадзора[3]. Последовавшие после инцидента проверки промышленной безопасности на угледобывающих предприятиях региона с начала 2022 г. выявили многочисленные нарушения, их устранение потребовало приостановления деятельности[4].

Представления угольных компаний о способах ведения экономической деятельности не случайны и являются результатом локальной культуры ресурсов, которая подразумевает добычу угля любой ценой. Такие механизмы способствуют социально и экологически насильственным экономическим процессам, поощряющим максимизацию прибыли и ее концентрацию в руках немногочисленной группы людей (топ-менеджмент и собственники угольных компаний) за счет экстернализации издержек: *Вызывает недоумение деятельность некоторых угольщиков, не выплачивающих налогов и находящихся в предбанкротном состоянии. При этом* ***даже финансово состоятельные угледобывающие предприятия, судя по всему, рекультивацию после завершения деятельности по извлечению полезных ископаемых из земных недр проводить не собираются****. Государство нынче никак их к тому не мотивирует, а нести многомиллионные затраты постфактум дураков нет*[5].

На оценке экономических эффектов освоения угольных запасов основана и позиция регионального правительства, которая при этом принципиальным образом отличается от позиции добывающих компаний, обоснованной логикой собственного обогащения. В дискурсе регионального управления уголь прочно связан с идеей модернизации и благосостояния Кузбасса. Ресурсное богатство представляется всеобщим благом, обрамляется патриотической риторикой общего достояния. В медиаполе региона имеет место возгонка местной культурной гордости, связанной с историческим статусом угля как важного национального товара и его способностью обеспечивать самостоятельность и независимость. Наиболее рельефно подобная дискурсивная позиция прослеживается в высказываниях губернатора региона С. Е. Цивилева: *Вся история Кузбасса связана с углем. Угольная промышленность и связанные с ней производства были и будут одной из основ нашей экономики. Сегодня на шахтах и угольных разрезах Кузбасса трудятся более 97 тысяч человек. А если посчитать людей, занятых в транспортировке и переработке угля, тех, кто выполняет заказы угольной промышленности, прибавить их семьи, получится огромная цифра – более полутора миллионов человек.* ***От работы угольной отрасли напрямую зависит уровень доходов и жизни двух третей населения Кузбасса****.* ***Кузбасс добывает больше половины всего российского угля.*** *Наш уголь поставляется практически во все регионы России, а также в 61 страну мира*[6].

Чувство долга, проистекающее из истории самопожертвования и служения Кузбасса, подкрепляет это отношение. Особое место угледобычи в политическом воображаемом региона за последние несколько лет было манифестировано как минимум в двух решениях. Указом Президента России от 27.03.2019[7] Кемеровская область переименована в Кемеровскую область – Кузбасс (при этом оба названия равнозначны) в честь сокращенного названия Кузнецкого угольного бассейна. В 2020 г. в Кузбассе создали единственное в России Министерство угольной промышленности[8], которое, по словам губернатора области, позволит обеспечить стабильную работу угольной промышленности и создаст условия для ее развития. В основе идеи устойчивого развития региональной экономики, несмотря на все призывы к диверсификации, по-прежнему видится угольная отрасль. Этой значимой абстракции подчинена организация дискурсивного пространства угольного региона.

Медиаполе как особая среда социальной коммуникации предполагает постоянную динамику содержаний через непрерывное производство медиафактов. Благодаря этому угольный Кузбасс как социокультурный конструкт, туго вплетенный в герметичное пространство дискурсов, приобретает, кроме ощутимого пространственного измерения, связанного с образами геологических трансформаций и экосистем, особое временно́е содержание. Так, угледобыча может быть рассмотрена как сложный временной ландшафт, где ресурсное наследие переплетается с настоящими проблемами и ожиданиями местных сообществ, компаний и администраций на будущее [37].

[3] Лапина И. Спустя три месяца. Как идет следствие по трагедии на «Листвяжной». *Аргументы и Факты. Кузбасс*. 09.03.2022. URL: https://kuzbass.aif.ru/incidents/spustya_tri_mesyaca_kak_idyot_sledstvie_po_tragedii_na_listvyazhnoy (дата обращения: 15.05.2022).

[4] Епифанцев И. В Кузбассе суд частично запретил деятельность шахты из-за ряда нарушений. 13.05.2022. URL: https://ngs42.ru/text/incidents/2022/05/13/71326709/ (дата обращения: 15.05.2022); Левчук А. Нарушения промышленной безопасности нашли на шести угольных предприятиях Кузбасса. 07.04.2022. URL: https://ngs42.ru/text/incidents/2022/04/07/71238821/ (дата обращения: 11.05.2022); Епифанцев И. В Кузбассе суд частично запретил работу шахты из-за нарушений. Это четвертый раз за месяц. 30.03.2022. URL: https://ngs42.ru/text/incidents/2022/03/30/70727480/ (дата обращения: 11.05.2022).

[5] Бабиков С. «Вихри враждебные веют над нами…». *Кузнецкий Рабочий*. 14.02.2020. URL: https://kuzrab.ru/rubriki/vihri-vrazhdebnye-veyut-nad-nami/ (дата обращения: 11.05.2022).

[6] Уголь Кузбасса. Главное – поддержать шахтеров. *Газета «Кузбасс»*. 26.05.2020. URL: https://kuzbass85.ru/2020/05/26/ugol-kuzbassa-glavnoe-podderzhat-shahterov/ (дата обращения: 11.05.2022).

[7] О включении нового наименования субъекта РФ в ст. 65 Конституции РФ. Указ Президента РФ № 130 от 27.03.2019. *СЗ РФ*. 01.04.2019. № 13. Ст. 1390.

[8] О создании Министерства угольной промышленности Кузбасса. Постановление Правительства Кемеровской области – Кузбасса № 389 от 02.07.2020. *Консорциум Кодекс*. URL: https://docs.cntd.ru/document/570842167 (дата обращения: 10.11.2021).

Такая перспектива позволяет осмыслить способы, с помощью которых добывающая деятельность формируется как конфигурация идей и представлений о прошлом, настоящем и будущем. Добыча ресурсов является точкой пересечения множества взаимосвязанных темпоральностей, таких как сезонная динамика, экономические изменения на рынках ресурсов, технологические разработки, прогнозы и стратегические проекты, обыденные представления о перспективах регионального развития и ожидания, касающиеся устройства общественной жизни.

Стремясь ответить на вопрос, как разные темпоральности (вос)производятся и воспринимаются различными субъектами «угольного» сообщества, отметим, что медиа-Кузбасс артикулируется в двух темпоральных формах. Во-первых, некритическое празднование *великого прошлого*, насчитывающего трехсотлетнюю историю освоения Кузнецкого угольного бассейна. Цивилизаторский троп и романтизирующие воспоминания *тяжелого труда* и *настоящего дела* придают *широкоплечий*, социально-реалистический налет региональной истории. Помимо этого, укорененность экономического дискурса в поле «угольных» смыслов провоцирует презентистскую риторику, воплощенную в особой местной культурной гордости *настоящего*, связанной с ключевой ролью угольной промышленности в региональной экономике и ее способностью обеспечивать благополучие региона. Так формируется информационная повестка, в которой минимизируется долгосрочный ущерб окружающей среде, наносимый добычей угля, с одной стороны, в то же время подчеркиваются краткосрочные выгоды для местных сообществ и экономики – с другой. Отчетливо фиксируется сдвиг темпоральных измерений в медиаобразе Кузбасса в сторону прошлого и настоящего, а представления о будущем региона затушевываются.

Основным содержанием медиадискурса угольного региона является событийный опыт: освоение угольных запасов предстает как череда ограниченных во времени, но важных для местного сообщества изменений. Пронизанность локальной картины мира событиями, возникающими по поводу и благодаря углю, связана с широким кругом процессов и смыслов: с одной стороны, с обсуждениями и административными решениями относительно развития отрасли, с достижениями, касающимися масштабов угледобычи; с другой стороны с публичными выступлениями и решениями конфликтов между субъектами, чьи интересы напрямую затронуты освоением ресурсов, или чрезвычайными ситуациями на шахтах и разрезах. Поскольку определяющей характеристикой события является его соотнесенность с субъектом, событийность медиадискурса угольного региона способствует конструированию специфических коллективных сущностей, которые А. Голуб назвал «левиафанами» [38]. Медиапространство Кузбасса становится реальностью, где действуют индивидуальные, олицетворяемые конкретными людьми, но коллективные акторы, такие как региональные власти или угольный бизнес.

Поскольку в регионе политико-экономические механизмы, поощряя экстернализацию и в то же время ослабляя регулирующие усилия, создают риски, которые сложно уменьшить и предсказать, устойчивым региональным сюжетом в медиаполе Кузбасса являются нарушения угледобычи. Сложившиеся инфраструктура и культура добычи в регионе непременно сопровождаются производством уязвимостей и опасностей. Они приобретают свое содержание в дискурсе чрезвычайной ситуации: такие «угольные» катастрофы широко представлены в медиаповседневности региона – от взрывов, пожаров и обвалов на шахтах до падающих камней, нарушенных валунами водоемов и экосистем на территории разрезов. Дискурс чрезвычайной ситуации в угольной отрасли внедряется в медиаповседневность благодаря коммуникативной тактике ориентации, представленной в виде обозначающих позицию власти, бизнеса, контрольных органов заявлений, направленных на формулирование и разъяснение кризисной ситуации и почти никогда – на выявление причин и идентификацию виновных. В предъявлении чрезвычайных ситуаций в угледобыче значимой является их семантизация как управляемых и контролируемых. Дискурсивные конструкции с позиционированием пострадавших, напротив, объединены риторикой бедствия.

Смысловое пространство угледобычи оказывается сложным полем социальной напряженности, поскольку в нем в свернутом виде содержится понимание экстрактивизма как изъятия ресурсов в больших масштабах, которое не приносит прибыли на местном уровне и почти всегда навязывается извне. Присущий публичному дискурсу угольного региона антагонизм разрешается благодаря ресурсным конфликтам. В контексте медиаповседневности Кузбасса конфликты по поводу добычи угля рассматриваются как социокультурный механизм установления локального социального порядка. Примером одного из угольных конфликтов последних лет является обострение напряженности социально-политических отношений в контексте угледобывающей деятельности в районе г. Киселевск. Местные жители, выражая недовольство тяжелыми условиями жизни и бездействием власти, записали видеообращение к премьер-министру Канады Джастину Трюдо, попросив убежища, и обратились с жалобой на геноцид в Гаагский международный уголовный суд, в последующем принявший заявление[9].

В рамках угольных конфликтов непримиримо сталкиваются две дискурсивные позиции: 1) сторонники добычи

[9] Тарабукин Д. Огонь и рак. Почему угольному бизнесу в Кузбассе объявили партизанскую войну. 06.07.2020. URL: https://zen.yandex.ru/media/id/5df5cbfc118d7f00b252f59f/ogon-i-rak-pochemu-ugolnomu-biznesu-v-kuzbasse-obiavili-partizanskuiu-voinu-5f0290bca587243e6e91ecb1 (дата обращения: 16.05.2022).

угля, стремящиеся к максимизации прибыли и минимизации убытков; 2) пострадавшие и эксперты, претерпевающие негативные последствия угледобычи и выступающие против экстрактивистской экспансии любой ценой. Причем понятие конфликта охватывает несколько уровней интенсивности – от ненасильственных споров до длительных насильственных столкновений: *Конфликт между угольщиками и экологами давний и, можно сказать, классический: имея* ***диаметрально противоположные интересы****, недропользователи и защитники среды обитания человека на многое смотрят по-разному. Но их противостояние долгое время носило, скорее, формальный характер. Но сегодня все поменялось. В последнее время громко заявили о себе и своих интересах и* ***местные жители, чья среда обитания все больше меняется в угоду угольным прибылям****, а живых мест, пригодных для безопасного с точки зрения экологии проживания человека, на «теле» Кузбасса остается все меньше и меньше*[10]. В рамках угольных конфликтов противостояние сторон, в центре которого – оспаривание status quo сформированной в регионе практики добычи ресурсов, высвечивает проблемы легитимности сформированных формальных и неформальных институтов управления ресурсами и социальной справедливости.

Таким образом, дискурсивная традиция угольного региона воплощается в медиапространстве через множество образов и сюжетов, центрированных на представлении различных субъектов об угле как ресурсе и угледобыче, включенных в первую очередь в смысловое пространство экономических реалий.

Представление об «угольной» экологии и его социокультурные импликации

В воображаемом сообществ, для которых экстрактивизм и его последствия стали неотъемлемой частью локального порядка, понимание окружающей среды является магистральным, поскольку предлагает непротиворечивые интерпретации и ответы на то, что такое ресурсы, как следует понимать природу и какое место в экологии занимает человек.

В социогуманитарных исследованиях все большее распространение получает понимание конструируемого характера реальности: демонстрируется, что значения, которые мы придаем природной среде, культурно обусловлены [39]. Устойчивая культурная конструкция и интерпретация природного мира оформляют то, что может быть названо *работой природы* – тем, как люди приспосабливают свое поведение и отношение к социально сконструированным символам [40].

В контексте дискурсивной традиции региона можно говорить об особой «угольной» экологии – многообразии взаимоотношений и взаимодействий местного сообщества и среды его обитания. Их мировоззренческое толкование связано с тем, каким образом природа, включая человека, последовательно организуется – символически и материально – посредством различных проектов окружающей среды.

Дискурс угольной промышленности, коммуникативными «патронами» которого выступают добывающие компании и региональные администрации, обрамляет природу как отдельную, независимую сущность, формируя тем самым ощущение дистанции. В данной перспективе избавленный от чувства ответственности перед природой угольный бизнес укрепляет отношения власти над природой, легитимизируя ее эксплуатацию. Доминирование такой позиции воспроизводит картезианское разделение общества и природы, неразрывно связанное с его капиталистическими, колониальными и патриархальными измерениями [41]. В региональной картине мира природа присутствует в бесспорно антропоцентрическом пространстве, человек в нем является единственным истинным действующим лицом. Антропос творит себя и окружающий мир, завоевывая, овладевая и присваивая *нечеловеческое* – ландшафты, экосистемы, ресурсы – как *ничейное*. Проект природы угольной промышленности оперирует риторикой господства – идеей укрощения природы, подчинения ее желаниям человечества (точнее, желаниям некоторых членов местного сообщества). Поэтому она предстает в публичном дискурсе как *измеримая, классифицируемая, используемая* и т. д. В символической политике «угольной» экологии окружающая среда выступает как ресурсный резервуар, из которого человек черпает природные ресурсы, и, в зависимости от пространства и времени, как локус и архе потенциальных угроз его жизни. Добывающие компании натурализуют природу-бизнес [42] посредством разработки словаря и грамматики, позволяющих им управлять природными пространствами таким же образом, как они способны управлять своими корпоративными стратегиями и деловыми операциями.

По представленности в медиасреде можно заключить, что местные жители, существуя в материальных условиях угольного Кузбасса, заданных геологическими, экологическими, технологическими трансформациями жизненных пространств добывающей деятельностью угольных компаний, при этом развивают иное понимание природной среды. В его основе – идея о взаимосвязанности и вписанности человеческой жизни в общий экологический порядок, концептуально фиксируемая выражением *человек и природа*. В своих медиареакциях пользователи демонстрируют, что угледобыча оказывает существенное влияние не на автономную Природу, а на жизненное пространство конкретного человека: *Пыль, грязь. Нет покоя ни днем ни ночью: постоянный шум. Речки – черные. Природоохранное законодательство явно нарушают,*

[10] Соловьева И. Почему сегодня каждый новый разрез – это конфликт. *МК в Кузбассе*. 19.10.2020. URL: https://www.mk-kuzbass.ru/social/2020/10/19/pochemu-segodnya-kazhdyy-novyy-razrez-eto-konflikt.html (дата обращения: 10.05.2022).

но на это закрывают глаза. <… > Шум, дым. Пройдешься по огороду – ноги черные. Дом не могу продать, о переселении и речи нет. У меня дети-школьники, как быть – не знаем. О головной боли и кашле уже молчу… [11]

Осмысление окружающей среды раскрывается через позицию, которая критична к порядкам практик, характерным для региональной экономики. Проблема наследия экстрактивных проектов и последствий добычи полезных ископаемых актуализирует ценностные и морально-этические вопросы о том, сколько можно брать у природы, как следствия локальных практик повлияют на мировую экологию (например, в перспективе обострения глобальных проблем изменения климата), приведет ли деятельность человека к невосполнимым или неисправимым изменениям.

Региональный экологический упадок все чаще включается в повседневный опыт, вызывая сильные психоэмоциональные реакции. Такие личные и коллективные отклики на ухудшение экологии воплощаются в обусловленных региональной культурой формах экологической скорби [43]. В медиапространстве она становится возможностью выражения жизненного опыта людей в связи с пережитыми или ожидаемыми экологическими потерями, включая потерю биоразнообразия, экосистем и значимых ландшафтов из-за хронических изменений окружающей среды. Поскольку экологические проблемы часто остаются незамеченными в повествованиях о добывающей деятельности и политике угольной отрасли, переживание такого «бесправного горя» может негативно сказываться на представлениях о коллективной (региональной) идентичности.

В контексте различных пониманий природы в дискурсивной традиции Кузбасса значимой и парадоксальной оказывается проблема социальной видимости (или ее отсутствия), поскольку многообразие конфигураций видимого и невидимого, смотрения и незамечания имеет тенденцию разделять включенных субъектов по смысловым линиям, предложенным самим экстрактивизмом. В данном ракурсе необходимо сфокусироваться на особой экологической эстетике угольного региона. Повседневное производство медиафактов организуется набором формальных стратегий, позволяющим ресурсным логикам разных субъектов принимать визуальную форму.

Семиотической характеристикой дискурса, реализуемого сторонниками угля, является его сопротивление превращению в зрелище, сопротивление, которое, в свою очередь, приводит к необходимости задействовать репрезентативные возможности, связанные с относительной невидимостью. Ландшафтные трансформации и инфраструктурные комплексы демонстрируются как впечатляющие символы развития и процветания. Характерный мотив вторжения технологической реальности в природное пространство стимулирует к появлению особых эстетических аффектов. Представления технологического возвышенного угледобычи, включенные в визуальный словарь индустриальных образов региона, изображающих БелАЗы, груженные углем, или гигантские экскаваторы на угольных карьерах, стали важнейшим компонентом визуального канона медиаповседневности Кузбасса. При этом природная среда, непосредственно подвергнувшаяся изменениям в результате извлечения угля, демонстрируется в перспективе технологической оснащенности и – символически – как торжество человеческих усилий по освоению ресурсов, оставляя визуально невыразимым разрушительное и опустошающее воздействие на ландшафты (рис. 1[12]).

В такой дискурсивной традиции уголь семиотически устроен как дар природы, редкое сокровище, которое с трепетом принято человеком во благо общественной жизни (рис. 2[13]). В такой оптике ресурс не превращен в вещь как потенциальный товар, не помещен в капиталистический обиход и масштабную добывающую индустрию, а предстает как самоценный.

Рис. 1. Образы «угольной» экологии – оптика угольной отрасли
Fig. 1. Images of the "coal" ecology – the coal industry optics

Рис. 2. Визуальное представление угля как сокровища
Fig. 2. Visual representation of coal as a treasure

[11] Марикян М. «Их не остановить»: что угрожает жителям Сибири. *РИА Новости*. 16.03.2022. URL: https://ria.ru/20220316/ugol-1778252911.html (дата обращения: 16.05.2022).

[12] Экология. *Кузбассразрезуголь*. URL: https://www.kru.ru/ru/activity/ecology/ (дата обращения: 08.10.2021).

[13] День шахтера: баннер. URL: Banner-Den-Shahtera_031-1280x629.jpg (дата обращения: 08.10.2021).

Проект природы, легитимизирующий центральную роль человека в региональной онтологии, мобилизует социальное воображение, которое помещает фигуру Шахтера в символический центр региональной ресурсной культуры. В Кузбассе сильно наследие советской эпохи, его можно увидеть не только в инфраструктуре городов и организации экономики, но и в более глубоких аспектах социальной жизни – в сложившихся социальных отношениях и культурных практиках. В данном регистре романтический историзм, окружающий труд в промышленности, приводит к формированию стереотипного угольщика – шахтера как архетипического пролетария и народного героя. Локальным культурным каноном стало изображение улыбающегося шахтера, мужественного и красиво взъерошенного после тяжелого дня в шахте, немного переутомленного, но очищенного честным трудом (рис. 3[14]).

Визуальное воплощение представлений об окружающем мире в дискурсе местных жителей пронизано экологической этикой, фиксирующей все более жестокий и разрушительный характер взаимодействия между локусами социальности, в основе которых находится экстрактивистский проект, и природой. Пользователи активно размещают фотографии, демонстрирующие глубокие воронки и груды поднятой породы на угольных разрезах, темноту подземных тоннелей на шахтах, разросшиеся инфраструктуры погрузки и доставки добытого угля. Кузбасс представляется как *грязный* регион: *грязь* символически определяет весь процесс добывающей деятельности. В медиапространстве региона можно наглядно наблюдать структурирующую силу социальных представлений о *грязном*, концептуально оформленную в работе антрополога М. Дуглас [44]. Черный снег, загрязненные реки и озера, темный налет на поверхностях домов и растений есть все «то, что не на своем месте».

Рис. 3. Типичное изображение шахтеров в медиаповседневности Кузбасса
Fig. 3. A typical image of miners in the Kuzbass media routine

Экстрактивные ландшафты позиционируются как символы разрушения и смерти. Такие картины поднимают важные вопросы (индустриального) наследия, которое оставляет добыча угля, и того, кто будет нести ответственность за негативные изменения. В публичном дискурсе региона «угольный» оптимизм, продвигаемый горнодобывающими лобби и их сторонниками, замалчивающий истинные масштабы ущерба, наносимого местной экологии угледобычей, соседствует с антиутопическими образами кузбассовцев об экологическом коллапсе и политическом бездействии. Видение местных жителей демифологизирует экстрактивистские практики, которые, вопреки упрощениям или мистификациям сторонников угля, определяют *мрачное будущее*, связанное с деградацией окружающей среды, ухудшением здоровья местного населения, опустением ландшафтов и залежей полезных ископаемых: *Собственники* [угольных компаний] *нарушают гражданские права, ужасные трудовые условия и копеечная зарплата. Триллионы кубометров вынутого угля и триллиарды денег, а* ***люди в нищете, без здоровья, а многих закопали молодыми. Вот такой вот угольный оазис. Уголь – основной источник гибели экологии***[15]*; Я не против угледобычи. Но мы ведь видим, что работают спустя рукава. К тому же, в последние годы среди местного населения резко увеличилась заболеваемость онкологией, смертность.* ***На это упорно закрывают глаза***[16].

Медиаповседневность Кузбасса демонстрирует чрезвычайно сложную и противоречивую символическую нагрузку представлений об окружающем мире. Оспаривание доминирующей концепции природы и ресурсов, вписанной в региональную модель угольного экстрактивизма, свидетельствует о расколе, в котором ценности, убеждения и практика местных сообществ сопоставляются с интересами промышленности и местных администраций.

Символическая сила угледобычи в организации медиаповседневности Кузбасса

Смысловая субстанция угля особым образом вписана в дискурсивное производство социокультурной реальности Кузбасса. Отметим, что разные, порой противоречивые, семантические коды и дискурсивные стратегии образуют в пространстве региона густо переплетенный клубок имеющих к углю смыслов и медиатекстов. В первую очередь практика угольного экстрактивизма оказывается встроенной в более широкую региональную космологию обмена.

[14] Шахты Кузбасса: фотогалерея. URL: https://mupk42.ru/ru/#photo-5 (дата обращения: 08.10.2021).

[15] Комментарий от 27.05.2020 к: Уголь Кузбасса. Главное – поддержать шахтеров. *Газета «Кузбасс»*. 26.05.2020. URL: https://kuzbass85.ru/2020/05/26/ugol-kuzbassa-glavnoe-podderzhat-shahterov/ (дата обращения: 11.05.2022).

[16] Марикян М. «Жгут дома, угрожают расправой»: что не так с добычей угля в Кузбассе. *РИА Новости*. 24.02.2022. URL: https://ria.ru/20220224/sibir-1774138803.html (дата обращения: 16.05.2022).

Ландшафты, ресурсы, сообщества, так или иначе отмеченные влиянием угледобычи, которая резонирует значительно дальше непосредственных областей, подчинены многообразию отношений социального обмена. Общая семантика обмена артикулирована не только в экономических практиках (превращение угля-ресурса в угольтовар и включение в капиталистическое производство). Социально-политические взаимодействия в рамках региональной действительности также выступают в качестве даров-обменов, подразумевающих акты символического признания: угольная промышленность в лице местной власти и добывающих компаний обеспечивает экономическое благополучие и независимость региона, а «одариваемое» население, парадоксальным образом не получая дара-блага, оказывается должным к отдариванию (политической лояльности). Понятие эквивалентности, возникающее при оценке изъятия ресурсов и оказываемого воздействия, указывает на процесс согласования обменов между человеком и природой: *Угольная буря накрыла город в Кузбассе (видео). Природа «**поздравила**» с юбилеем; Примечательно, что 6 июля в Кузбассе отмечали 300-летие региона. В соцсетях шутят о «**подарке природы**» **к юбилею***[17]. Таким образом, в реалиях «угольного» региона основным принципом социального существования становится логика обмена, приводящая к асимметрии тех, кто обменивается (элиты и местного сообщества, бизнеса и природы).

Отличительной особенностью региональной традиции осмысления угля является ее принципиальная антиномичность. Публичные дискурсы имплицитно оперируют регионом как «зоной жертвоприношения», ландшафтом, считающимся расходуемым в погоне за тем, что правительство и промышленные заинтересованные стороны воспринимают как общее благо. При этом реальное экономическое неравенство, во многом определяемое структурой распределения доходов от продажи угля, маскируется патриотической риторикой общего достояния. Семантика жертвоприношения позволяет схватить ту культурную политику и риторику в регионе, которая представляет непропорциональное воздействие угледобычи, выраженное в деградации окружающей среды, бедности и конфликтах, как цену, добровольно уплаченную в обмен на национальную безопасность и обещание мощной внутренней энергетической экономики. Практика стереотипизации является средством поддержания социального порядка в условиях огромного неравенства. Поэтому медийное пространство изобилует представлениями исторической гегемонистской мужественности региона. При этом производимую снизу в рамках непредзаданной коммуникативной активности пользователей идентичность регионального сообщества возможно определить через набор атрибутов и режимов деятельности социальных субъектов. Жителей характеризует традиционализм, семейственность, высокий уровень социального недоверия и подозрительности, нетерпимость и фатализм. Региональный этос породил ранимых, тревожных и зависимых людей, способных на почти героическую форму уступчивости.

Богатый ресурсами, но достаточно бедный Кузбасс, вероятно, несет на себе ресурсное проклятие – центральную черту добывающего капитализма, при котором ресурсоемкий регион страны тем не менее не получает социальных выгод, а вместо этого страдает от нищеты, конфликтов и деградации окружающей среды.

Заключение

В медиаповседневности «угольного» региона дискурсивно представлены два отличающихся источника и, соответственно, режима смыслопорождения. С одной стороны, это отфильтрованные значения и образы, которые производятся субъектами, имеющими исключительное право на формирование доминирующих публичных дискурсов, такие как СМИ, представители политической и экономической элиты. С другой – некоторые частные опыты взаимодействия с проявлениями угледобычи, которые могут стать доступными другим благодаря интернет-возможностям для высказывания. В контексте напряженных экономических и социально-экологических ландшафтов Кузбасса в медиаповседневности разыгрываются многие из центральных тем региональной культурной идентичности. На основе многообразия медиасвидетельств в рамках работы осуществлено своего рода гирцевское «плотное описание» кодов, дискурсивных стратегий и символов, формирующих текстурированные сети социальных смыслов угля.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Durante F., Kröger M., LaFleur W. Extraction and extractivisms. Definitions and concepts. Our extractive age. *Expressions of violence and resistance*, eds. Shapiro J., McNeish J.-A. London: Routledge, 2021, 19–30.
2. *Mining encounters: extractive industries in an overheated world*, eds. Pijpers R. J., Eriksen T. H. London: Pluto Press, 2018, 192.

[17] Лысенко А. Угольная буря накрыла город в Кузбассе (видео). *Погода Mail.ru.* 07.07.2021. URL: https://pogoda.mail.ru/news/47027747/ (дата обращения: 17.08.2021).

3. Jacka J. K. The anthropology of mining: the social and environmental impacts of resource extraction in the mineral age. *The Annual Review of Anthropology,* 2018, 47: 61–77. https://doi.org/10.1146/annurev-anthro-102317-050156
4. Wapner P. Thresholds of injustice. Challenging the politics of environmental postponement. *Our extractive age. Expressions of violence and resistance*, eds. Shapiro J., McNeish J.-A. London: Routledge, 2021, 48–67.
5. Clark N., Yusoff K. Geosocial formations and the anthropocene. *Theory, Culture & Society,* 2017, 34(2-3): 3–23. https://doi.org/10.1177/0263276416688946
6. *The anthropology of resource extraction*, eds. D'Angelo L., Pijpers R. J. London: Routledge, 2022, 248.
7. Junka-Aikio L., Cortes-Severino C. Cultural studies of extraction. *Cultural Studies,* 2017, 31(2–3): 175–184. https://doi.org/10.1080/09502386.2017.1303397
8. Willow A. J. *Understanding ExtrACTIVISM. Culture and power in natural resource disputes*. London: Routledge, 2019, 294.
9. Brown B., Spiegel S. J. Coal, climate justice, and the cultural politics of energy transition. *Global Environmental Politics,* 2019, 19(2): 149–168. https://doi.org/10.1162/glep_a_00501
10. Lehotský L., Černoch F., Osička J., Ocelík P. When climate change is missing: Media discourse on coal mining in the Czech Republic. *Energy Policy*, 2019, 129: 774–786. https://doi.org/10.1016/j.enpol.2019.02.065
11. Рещикова И. П. Шахтерская территория как региональный бренд. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2010. № 1. С. 119–125.
Reshchikova I. P. Miner's territory as a regional brand. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, (1): 119–125. (In Russ.)
12. Манаков Ю. А., Куприянов А. Н., Копытов А. И. Добыча каменного угля в Кузбассе в аспекте устойчивого развития региона. *Уголь*. 2018. № 9. С. 89–94. https://doi.org/10.18796/0041-5790-2018-9-89-94
Manakov Yu. A., Kupriyanov A. N., Kopytov A. I. Kuzbass coal mining for the region stable development. *Ugol*, 2018, (9): 89–94. (In Russ.) https://doi.org/10.18796/0041-5790-2018-9-89-94
13. Шевелева О. Б., Слесаренко Е. В. Устойчивое развитие угледобывающего региона: технико-технологический и экологический аспекты. *Актуальные проблемы экономики и права*. 2019. Т. 13. № 4. С. 1537–1548. https://doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.4.1537-1548
Sheveleva O. B., Slesarenko E. V. Sustainable development of a coal-mining region: technological and ecological aspects. *Russian Journal of Economics and Law*, 2019, 13(4): 1537–1548. (In Russ.) https://doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.4.1537-1548
14. Дрыгин М. Ю. Оценка перспектив добычи угля в Кузбассе. *Вестник Кузбасского государственного технического университета*. 2020. № 2. С. 87–96. https://doi.org/10.26730/1999-4125-2020-2-87-96
Drygin M. Yu. Evaluation of the perspectives of coal production in Kuzbass. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2020, (2): 87–96. (In Russ.) https://doi.org/10.26730/1999-4125-2020-2-87-96
15. Новоселов С. В., Оганесян А. С. Проблемы, риски и прогнозы развития угольной промышленности Кемеровской области на период до 2035 года. *Уголь*. 2021. № 2. С. 38–41. https://doi.org/10.18796/0041-5790-2021-2-38-41
Novoselov S. V., Oganesyan A. S. Problems, risks and forecasts for the development of the coal industry in the Kemerovo region for the period 2025–2035. *Ugol*, 2021, (2): 38–41. (In Russ.) https://doi.org/10.18796/0041-5790-2021-2-38-41
16. Хорошилова Л. С., Осипова А. А. Безопасность угольных шахт как условие социально-политической стабильности региона. *Вестник научного центра по безопасности работ в угольной промышленности*. 2015. № 2. С. 32–36.
Khoroshilova L. S., Osipova A. A. Coal mine safety as condition of the region social-political stability. *Vestnik nauchnogo tsentra po bezopasnosti rabot v ugolnoi promyshlennosti*, 2015, (2): 32–36. (In Russ.)
17. Кожевников А. А. Региональная политика и социальная безопасность угольных шахт (на примере Кемеровской обл.). *Горный информационно-аналитический бюллетень*. 2009. № 12. С. 26–31.
Kozhevnikov A. A. Regional policy and social safety of the coal enterprises. *Mining Informational and Analytical Bulletin,* 2009, (12): 26–31. (In Russ.)
18. Урбан О. А. Институциональные особенности взаимодействия бизнеса и власти в Кемеровской области. *Вестник Международного института экономики и права.* 2012. № 1. С. 39–47.
Urban O. A. Institutional features of the interaction of business and government of the Kemerovo region. *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta ekonomiki i prava*, 2012, (1): 39–47. (In Russ.)
19. Чирун С. Н. Проблемы функционирования регионального политического режима на примере Кемеровской области. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология.* 2018. № 44. С. 253–268. https://doi.org/10.17223/1998863X/44/24
Chirun S. N. Problems of the functioning of the regional political regime on the example of Kemerovo oblast. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2018, (44): 253–268. (In Russ.) https://doi.org/10.17223/1998863X/44/24

20. Невзоров Т. Б., Манаков Д. А. Проблемы реализации норм экологического права в промышленной провинции России (на примере Кузбасса). *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2017. № 4. С. 77–87.
Nevzorov T. B., Manakov D. A. Implementation problems of the environmental law norms in the industrial regions of Russia (the case of Kuzbass). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2017, (4): 77–87. (In Russ.)
21. Синьков Л. С., Мартемьянова А. Н. Анализ воздействия угледобывающих предприятий Кузбасса на природную среду. *Записки Горного института*. 2014. Т. 208. С. 65–69.
Sinkov L. S., Martemyanova A. N. Impact analysis coal mining enterprises of Kuzbass on the environment. *Zapiski Gornogo instituta*, 2014, 208: 65–69. (In Russ.)
22. Копытов А. И., Куприянов А. Н. Новая стратегия развития угольной отрасли Кузбасса и решение экологических проблем. *Уголь*. 2019. № 11. С. 89–93. https://doi.org/10.18796/0041-5790-2019-11-89-93
Kopytov A. I., Kupriyanov A. N. A new strategy for the development of the coal industry of Kuzbass and solving environmental problems. *Ugol*, 2019, (11): 89–93. (In Russ.) https://doi.org/10.18796/0041-5790-2019-11-89-93
23. Бабина С. И., Егорова Н. М. Анализ уровня жизни населения Кемеровской области – Кузбасса в контексте ресурсной зависимости экономики региона. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2021. Т. 6. № 3. С. 357–373. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-357-373
Babina S. I., Egorova N. M. Effect of resource economy on the standard of living in the Kemerovo Region. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(3): 357–373. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-3-357-373
24. Шутько Л. Г., Самородова Л. Л. Влияние угледобывающей промышленности Кузбасса на здоровье населения региона. *Уголь*. 2021. № 9. С. 46–50. https://doi.org/10.18796/0041-5790-2021-9-46-50
Shutko L. G., Samorodova L. L. The impact of the Kuzbass coal mining industry on the health of the region's population. *Ugol*, 2021, (9): 46–50. (In Russ.) https://doi.org/10.18796/0041-5790-2021-9-46-50
25. Поддубиков В. В., Осипов К. И. Поземельные конфликты в местах традиционного хозяйствования шорцев: типология, факторы, модели конфликтогенеза. *Вестник Кемеровского государственного университет*а. 2014. № 3-3. С. 122–127.
Poddubikov V. V., Osipov K. I. Land-use conflicts in the areas of the shor people's traditional economic activities: types, factors and origin patterns. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, (3-3): 122–127. (In Russ.)
26. Авилов Г. М. Особенности региональной идентичности молодежи Кузбасса. *Профессиональное образование в России и за рубежом*. 2019. № 4. С. 6–17.
Avilov G. M. Features of the regional identity of young people of Kuzbass. *Professional Education in Russia and Abroad,* 2019, (4): 6–17. (In Russ.)
27. Яницкий Л. С. Имидж Кузбасса в восприятии студенческой молодежи региона. *Профессиональное образование в России и за рубежом*. 2020. № 3. С. 99–106.
Yanitskiy L. S. Image of Kuzbass in the perception of student youth of the region. *Professional Education in Russia and Abroad*, 2020, (3): 99–106. (In Russ.)
28. Протасова Т. Н. Оценка места жительства как фактор формирования миграционных установок жителей Кузбасса. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2019. Т. 4. № 4. С. 367–375. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2019-4-4-367-375
Protasova T. N. Residency assessment as a factor of migration tenets of Kuzbass residents. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2019, 4(4): 367–375. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2019-4-4-367-375
29. Герасимчук Д. М., Мельник Н. В. Образ Кемеровской области в обыденном языковом сознании жителей страны как результат политического позиционирования региона. *Филология и человек*. 2019. № 2. С. 111–123. https://doi.org/10.14258/filichel(2019)2-10
Gerasimchuk D. M., Melnik N. V. The image of "Kemerovo region" in everyday language consciousness of the country residents as a result of the region political positioning. *Filologiya i chelovek*, 2019, (2): 111–123. (In Russ.) https://doi.org/10.14258/filichel(2019)2-10
30. Чепкасов А. В. Моделирование имиджа Кузбасса по данным СМИ. *Мир русского слова*. 2018. № 2. С. 36–40.
Chepkasov A. V. Modelling of the image of the Kuznetsk basin according to the media. *The World of Russian Word*, 2018, (2): 36–40. (In Russ.)
31. Резник Ю. М. Социокультурный подход как методология исследований. *Вопросы социальной теории*. 2008. Т. 2. С. 305–328.
Reznik Yu. M. Sociocultural approach as a research methodology. *Voprosy sotsialnoi teorii*, 2008, 2: 305–328. (In Russ.)

32. Горлова И. И., Бычкова О. И., Костина Н. А., Саркисова Е. Г. Методологические основания исследования понятия «региональная культура». *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание.* 2022. № 3. С. 11–15. https://doi.org/10.37882/2500-3682.2022.03.05
Gorlova I. I., Bychkova O. I., Kostina N. A., Sarkisova E. G. Methodological basis for studying the concept of "regional culture". *Sovremennai'a nauka: aktualnye problemy teorii i praktiki. Seriia: Poznanie*, 2022, (3): 11–15. (In Russ.) https://doi.org/10.37882/2500-3682.2022.03.05
33. Яковлева Е. Н. К определению понятия «региональная культура». *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета.* 2013. № 4. С. 256–262.
Yakovleva E. N. The definition of the concept of regional culture. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, (4): 256–262. (In Russ.)
34. Поддубиков В. В., Арцемович С. А., Функ Д. А. «Ресурсное проклятие» с антрацитовым отблеском: коренные народы и добывающие компании Кузбасса в ситуации конфликта. *Сибирские исторические исследования.* 2018. № 2. С. 142–163. https://doi.org/10.17223/2312461X/20/8
Poddubikov V. V., Artsemovich S. A., Funk D. A. The "resource curse" with a shade of anthracite: indigenous peoples and extractive companies of Kuzbass in a conflict situation. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia,* 2018, (2): 142–163. (In Russ.) https://doi.org/10.17223/2312461X/20/8
35. *Energy humanities: an anthology,* eds. Szeman I., Boyer D. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2017, x+595.
36. Тимощук Е. А. Дискурсивный анализ как феноменологическая стратегия социокультурного описания. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2012. № 4. С. 66–73.
Timoshchuk E. A. Discourse analysis as a phenomenological strategy of socio-cultural description. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiia. Psihologiia. Sociologiya*, 2012, (4): 66–73. (In Russ.)
37. D'Angelo L., Pijpers R. J. Mining temporalities: an overview. *The Extractive Industries and Society*, 2018, 5(3): 215–222. https://doi.org/10.1016/j.exis.2018.02.005
38. Golub A. *Leviathans at the gold mine: Creating indigenous and corporate actors in Papua New Guinea*. Durham, London: Duke University Press, 2014, 264.
39. Aldeia J., Alves F. Against the environment. Problems in society / nature relations. *Frontiers in Sociology*, 2019, 4. https://doi.org/10.3389/fsoc.2019.00029
40. Islam M. S. Sustainability through the lens of environmental sociology: an introduction. *Sustainability*, 2017, 9(3). https://doi.org/10.3390/su9030474
41. Mets A. Female mountain, masculine mining: an interpretation of entbergen. *Eidos: Journal of Philosophy of the University Del Norte*, 2018, (29): 119–149. http://dx.doi.org/10.14482/eidos.29.7129
42. Brown M. Managing nature-business as usual: resource extraction companies and their representations of natural landscapes. *Sustainability*, 2015, 7(12): 15900–15922. https://doi.org/10.3390/su71215791
43. Cunsolo A., Ellis N. R. Ecological grief as a mental health response to climate change-related loss. *Nature Climate Change,* 2018, 8: 275–281. https://doi.org/10.1038/s41558-018-0092-2
44. Douglas M. *Purity and danger: an analysis of concepts of pollution and taboo*. London: Routledge, 2002, 272.

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
POLITICAL, SOCIOLOGICAL AND ECONOMICS

оригинальная статья

Олимпийские волонтеры о волонтерстве

Сухарькова Марина Петровна
Научно-учебная лаборатория междисциплинарных исследований некоммерческого сектора, Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального Исследовательского Университета «Высшая школа экономики», Россия, Москва
https://orcid.org/0000-0002-5461-7925
marina_116@bk.ru

Поступила 17.01.2022. Принята после рецензирования 22.05.2022. Принята в печать 06.06.2022.

Аннотация: В мировой практике все больше внимания уделяется крупным спортивным мероприятиям, таким как Олимпийские или Паралимпийские игры. Эти мероприятия не только вносят вклад в экономику, оказывают влияние на политические процессы, но и способствуют развитию некоммерческой сферы страны-организатора через реализацию комплексных волонтерских программ – олимпийского волонтерства. Количество исследований, посвященных пониманию мнения волонтеров о наследии Олимпийских игр, их планов на дальнейшую волонтерскую деятельность, ограничено. Цель – рассмотреть отношение волонтеров к наследию крупного спортивного мероприятия; определить проблемы, мешающие, по мнению волонтеров, развитию волонтерства в нашей стране. В рамках поставленной цели был проведен онлайн-опрос волонтеров Олимпийских и Паралимпийских игр 2014 года (n=332). Большинство олимпийских волонтеров удовлетворены участием в данном направлении волонтерства и более ориентированы на продолжение волонтерской деятельности именно в этом направлении. Участники исследования выделили увеличение числа волонтерских центров и количества волонтеров в нашей стране как наиболее значимые последствия Олимпийских игр в сфере волонтерства. Результаты исследования могут использоваться в качестве оценки результатов олимпийской волонтерской программы, рассматриваться в международных сравнительных исследованиях для получения информации о международном олимпийском движении.
Ключевые слова: спортивные мега-события, Олимпийские игры, Паралимпийские игры, волонтерство, олимпийское волонтерство, олимпийская волонтерская программа, олимпийское наследие

Цитирование: Сухарькова М. П. Олимпийские волонтеры о волонтерстве. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2022. Т. 7. № 3. С. 298–304. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-3-298-304

full article

Volunteers on Volunteering

Marina P. Sukharkova
Laboratory for Interdisciplinary Studies in Non-Commercial Sector, Centre for Studies of Civil Society and the Nonprofit Sector, National Research University Higher School of Economics, Russia, Moscow
https://orcid.org/0000-0002-5461-7925
marina_116@bk.ru

Received 17 Jan 2022. Accepted after peer review 22 May 2022. Accepted for publication 6 Jun 2022.

Abstract: Sporting mega-events improve local economy, affect political processes, and develop such non-commercial sector as volunteering. The article examines the attitude of volunteers to the legacy of such sporting mega-events as Olympic or Paralympic Games. An online survey of volunteers (n=332) who participated in the Olympic and Paralympic Games in 2014 defined various problems that hinder the development of volunteering in Russia. Most respondents were satisfied with their volunteering experience and expressed eagerness to volunteer specifically in this area. They remarked on the increase in the number of volunteer centers and volunteers in Russia as the most significant consequences of the Olympic Games in the field of volunteering. The research results contribute to the Olympic studies and cast light on the public attitude to Olympic volunteering.
Keywords: sport mega-events, Olympic Games, Paralympic Games, volunteering, Olympic volunteering, Olympic volunteer program, Olympic legacy

Citation: Sukharkona M. P. Volunteers on Volunteering. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(3): 298–304. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-3-298-304

© 2022. The Author(s). This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

Введение

Спортивные мероприятия международного масштаба являются объектом повышенного внимания средств массовой информации, спортивных работников разного уровня и исследователей. Спортивные мега-события – это «мероприятия фиксированной продолжительности, которые привлекают большое количество посетителей, имеют большой опосредованный охват, сопряжены с большими затратами и оказывают большое влияние на окружающую среду и население, проживающее на территории проведения мероприятия»[1] [1, p. 629].

Спортивные мега-события – мероприятия с уникальными характеристиками. Эксперты подчеркивают, что спортивные мега-события – это всемирные спортивные мероприятия, которые чрезвычайно популярны, кратковременны, широко освящаются в средствах массовой информации по всему миру и имеют долгосрочное значение на национальном и международном уровнях, требуют длительной подготовки и включают в себя множество аспектов (экономических, социальных, экологических) [2; 3]. Также спортивные мега-события имеют значительные последствия для принимающего региона или страны, например, в сфере экономики, туризма, досуга или инфраструктуры спортивных объектов и др. [4], что, в свою очередь, может стать катализатором изменений в этом регионе, как положительных, так и отрицательных. Исследователи выявили различия между мега-событиями и другими мероприятиями меньшего масштаба, заключающиеся в том, что мега-события обладают высокой популярностью и влиянием, их легко распознать и запомнить [5; 6].

Мега-события по своей природе являются эпизодическими и зачастую проходят на территории принимающих сообществ, при участии международных ассоциаций (например, Международного Олимпийского комитета, Международного Паралимпийского комитета или Международной федерации футбола); мероприятия такого уровня оказывают влияние на социальную, политическую и экономическую сферы и включают обширную культурную программу [7].

К спортивным мега-событиям относят Олимпийские и Паралимпийские игры, Чемпионаты мира по футболу [8], они всегда связаны с развитием дестинации [9]. Ранее считалось, что эти события приносят долгосрочные выгоды для проводящей стороны, однако увеличение затрат, политические конфликты и рост внимания заинтересованных сторон поставили это предположение под сомнение [10]. В ответ эксперты предложили другой подход к планированию наследия крупных событий. Наследие можно трактовать как «все запланированные и незапланированные, позитивные и негативные, материальные и нематериальные структуры, созданные для спортивного мероприятия и в результате него, которые остаются дольше, чем само мероприятие» [11, p. 211]. Несмотря на важность структурных изменений в этом определении, большинство исследований дезагрегировали концепцию наследия, чтобы сосредоточиться только на воздействиях, связанных с отдельными аспектами [12].

В общем виде было установлено, что устойчивость применительно к управлению спортивными мега-событиями – это достижение через мероприятия положительного воздействия на людей и планету, а также получение прибыли в результате вклада в удовлетворение экономических, социокультурных и экологических потребностей всех вовлеченных сторон, включая принимающее сообщество [13].

Наследие спортивных мега-событий

На сегодняшний день существует несколько работ, которые посвящены анализу различных аспектов наследия спортивных мероприятий [10–12; 14]. Выявлено, что мега-события трансформируют местность, которая выступает площадкой мероприятия [12]. Страны и города были заинтересованы в проведении мега-событий, ожидая положительных изменений, и наследие мега-событий активно исследовалось [15]. В то время как организаторы мероприятий и организации по управлению дестинациями подчеркивают положительный эффект, наследие не всегда является только положительным [16]. Более того, эффект различается для каждого события в зависимости от типа события, условий города-организатора [17] и от того, с какой точки зрения оценивается событие [12].

Различие между уровнями наследия крупного мероприятия (например, наследие на местном уровне или национальном) важно для понимания того, как наследие развивается и как его можно оценивать. Оценка наследия мега-события может включать следующие аспекты: изменения в структурах, последствия и восприятие события заинтересованными сторонами [10]. Другими словами, изучение наследия мега-события можно проводить по следующим направлениям: новые или измененные объекты, концепции или идеи, которые внедряются в результате проведения мероприятия; эффекты, связанные с этими изменениями; мнения людей или организаций, которые принимают прямое или косвенное участие в процессе подготовки или проведения спортивного мероприятия.

Международный Олимпийских комитет признал волонтеров основными участниками процесса проведения спортивных мероприятий, и без них Олимпийские и Паралимпийские игры не могут функционировать [18]. Этот же вывод сделали на основе многолетних исследований ученые, которые пишут о том, что современные олимпийские мероприятия «перестанут существовать» без волонтеров [19]. Это делает волонтеров наиболее

[1] Здесь и далее перевод автора статьи.

важными заинтересованными сторонами мероприятия. Существует ограниченное количество исследований, посвященных пониманию того, что волонтеры думают о своем участии в олимпийском наследии и других аспектах Олимпийских игр.

Предыдущие исследования олимпийского волонтерства были сосредоточены на изучении волонтерского опыта и его последствий [7; 15; 20–23]. Изучая взгляды волонтеров не только на волонтерство, но и на наследие мега-события, олимпийские организации могут лучше подготовиться к набору и удержанию волонтеров, что, по мнению как азиатских [21], так и европейских экспертов [24], является неотъемлемой частью работы в сфере управления крупными спортивными мероприятиями. Действительно, исследование, посвященное Олимпийским играм, определило, что понимание мотивации, удовлетворенности волонтеров и других аспектов, связанных с волонтерами, помогает повысить устойчивость мега-событий [21]. Более того, известно о положительном влиянии волонтеров на социальное развитие и об их содействии устойчивому развитию сферы организации и проведения крупных спортивных мероприятий. Так, словацкие исследователи полагают, что поездки к местам проведения мероприятий являются устойчивой формой туризма, поскольку волонтеры желают помочь организаторам мероприятий и принимающей стране [25]. Разумно считать, что волонтеры вносят свой вклад в создание устойчивого наследия, поскольку их участие является формой регионального устойчивого развития.

Достаточно внимания уделено изучению олимпийских волонтерских программ и их участников, однако в международных исследованиях больший интерес сосредоточен на характеристиках волонтеров, таких как предыдущий опыт работы с организацией, выступающей организатором мероприятия, или волонтерство на мероприятиях [8; 22; 23; 26; 27], мотивы для волонтерства на спортивных мероприятиях [28–30]. Несколько зарубежных исследований посвящены выявлению различий характеристик волонтеров по возрасту и полу [8; 19; 20; 27; 29; 30]. Мотивы участия в мероприятии [31], рабочие характеристики волонтеров [32], неоднозначность их ролей [21], организационная и руководящая поддержка волонтеров мероприятия [26], удовлетворенность отдельными аспектами волонтерского опыта [33] и общее позитивное отношение волонтеров к своей деятельности [34], разнообразие направлений будущего участия в волонтерской деятельности также были изучены, включая вероятность волонтерства на крупном спортивном мероприятии, в различных общественных или некоммерческих организациях и увеличение / уменьшение степени текущего участия. В одном исследовании измерялось фактическое участие волонтеров крупных спортивных мероприятий в волонтерской деятельности после мероприятия, изучалась степень изменений относительно вовлечения в волонтерство по сравнению с тем, что было до мероприятия [8]. В качественных исследованиях рассматривались условия для долгосрочного или постоянного волонтерства при повторном крупном спортивном мероприятии в сообществе [35], а также анализировались рассказы волонтеров об опыте их работы на Олимпийских играх 2012 г. и после мероприятия [36]. На данный момент недостаточно изучено мнение участников олимпийских волонтерских программ об их результатах, наследии комплексных программ по работе с волонтерами крупных спортивных мероприятий.

Ученые могут исследовать наследие крупных спортивных мероприятий для сферы волонтерства, чтобы понять эффекты, которые оказывают мега-события на участие населения в практиках волонтерства, а также его причины и механизмы, влияющие на политику, планирование и проведение мероприятий. Отметим исследование, посвященное оценке предполагаемых затрат и выгод волонтерства, в котором описано негативное влияние спортивного мега-события на волонтерскую деятельность: волонтеры могут работать сверхурочно, у них могут возникать проблемы совмещения волонтерства и профессиональной деятельности, личные неудобства. Названы положительные эффекты мега-событий для волонтеров: возможности социального развития, повышения квалификации, вклада в развитие сообщества и уникальный позитивный жизненный опыт [22].

Олимпийская волонтерская программа в России

В нашей стране олимпийская волонтерская программа, являющаяся базой для реализации практик олимпийского и паралимпийского волонтерства, была сформирована для подготовки волонтеров, которые приняли участие в организации и проведении Олимпийских и Паралимпийских игр 2014 г. Российская олимпийская волонтерская программа – одна из первых комплексных волонтерских программ, реализующаяся уже на протяжении 10 лет на федеральном уровне и состоящая из следующих этапов: распространение информации о программе, поиск потенциальных волонтеров, их отбор, обучение и подготовка, управление работой волонтеров и их эффективностью, перепрофилизация волонтеров и Центров подготовки волонтеров после мероприятий. По данным СМИ, участниками олимпийской волонтерской программы «Сочи-2014» были 25000–30000 человек, задействованные в 17 областях деятельности: от встреч делегаций в аэропорту до помощи в организации церемоний открытия и закрытия Игр[2]. Официальной информации

[2] Бондаренко О. На Олимпиаде в Сочи работали 25 тысяч волонтеров. *Российская газета.* 24.02.2014. № 44. URL: https://sportrg.ru/2014/02/25/volontery.html (дата обращения: 17.01.2022); Ларионова Т., Чистяков И., Уалерианов К. На Олимпийских играх в Сочи работают почти 30 тысяч волонтеров. *ТАСС.* 16.02.2014. URL: https://tass.ru/sport/971425 (дата обращения: 17.01.2022).

о численности волонтеров на играх в Сочи нет. Инфраструктура (в первую очередь Центры подготовки волонтеров, открытые на базе средних специальных и высших учебных заведений), сформированная для работы с олимпийскими волонтерами в 2014 г., была трансформирована в Ассоциацию волонтерских центров с целью сохранения наследия волонтерской программы Олимпийских и Паралимпийских игр в Сочи и развития волонтерского движения в целом[3]. Важно проанализировать максимальное количество результатов и последствий олимпийской волонтерской программы для получения информации о ее эффективности; увеличения количества людей, принимающих участие в данном направлении волонтерства; усовершенствования программ по работе с волонтерами.

Методы и материалы

Для изучения мнения олимпийских волонтеров о наследии крупного спортивного мега-события нами проведен онлайн-опрос. Поиск респондентов проводился сплошным методом, главный критерий участия в исследовании – опыт участия в практиках олимпийского или паралимпийского волонтерства. Участниками исследования были волонтеры, принимающие участие в организации и проведении Олимпийских и / или Паралимпийских игр 2014 г. (332 человека): 66 % респондентов в возрасте от 18 до 30 лет; 20 % – от 31 до 55 лет; 14 % – старше 55 лет. 55 % – женщины; 45 % мужчины. 49 % – средне материально обеспеченные; 23 % – высоко материально обеспеченные; 12 % – низко материально обеспеченные; 4 % – живущие за чертой бедности; 12 % затруднились ответить на вопрос о своем материальном положении. 41 % – жители областных, краевых, республиканских центров; 40 % – жители мегаполисов; 11 % – жители небольших городов и районных центров; 6 % – жители сел; 2 % – жители поселков городского типа.

Результаты

Результаты опроса представляют собой часть масштабного исследования олимпийского волонтерского сообщества. Олимпийская волонтерская программа в России является одной из первых масштабных программ организованного волонтерства, которая реализуется на федеральном уровне. Поэтому изучение ее участников и эффектов может помочь оценить результаты многолетней волонтерской программы, указать на ее сильные и слабые стороны. В рамках исследования изучались следующие аспекты волонтерской деятельности: возможный вклад олимпийских волонтеров в систему целей устойчивого развития [37], процесс подготовки волонтеров крупных спортивных мероприятий в период пандемии [38], взаимодействие олимпийских волонтеров в социальных сетях после игр [39], мотивация и практики участия олимпийских волонтеров в волонтерской деятельности после игр [40].

Участникам исследования предлагалось ответить на вопрос ***Какие наиболее важные последствия олимпийской волонтерской программы в России Вы можете выделить?*** Опрашиваемые могли выбрать несколько вариантов ответа на этот вопрос. 64 % респондентов отметили увеличение числа волонтерских центров; 50 % – увеличение числа волонтеров; 46 % – повышенное внимание к волонтерской деятельности; 30 % – популяризацию волонтерства; 27 % – повышение доверия к волонтерской деятельности; 22 % – появление разнообразия направлений волонтерства в нашей стране. В итоге наиболее значимыми последствиями олимпийской волонтерской программы, по мнению волонтеров, являются увеличение количества площадок для практик волонтерства и повышение популярности этого вида деятельности в обществе.

На вопрос ***Удовлетворены ли Вы участием в качестве волонтера в Олимпийских и / или Паралимпийских играх?*** 69 % опрошенных ответили, что они удовлетворены участием; 27 % – не удовлетворены; 4 % затруднились ответить.

При ответе на вопрос ***Планируете ли Вы участвовать в волонтерской деятельности в будущем?*** 60 % волонтеров выразили утвердительную позицию; 37 % – отрицательную; 3 % затруднились ответить.

На вопрос ***Планируете ли Вы принимать участи в волонтерской деятельности в других сферах (например, социальной, образовательной, культурной и др.)?*** 48 % респондентов ответили отрицательно; 44 % – положительно; 8 % затруднились ответить.

Тем участникам исследования, которые при ответе на предыдущий вопрос указали, что планируют принимать участие в других направлениях волонтерства, предлагалось ответить на вопрос ***В каких направлениях волонтерства Вы планируете участвовать в будущем?*** Опрашиваемые могли выбрать несколько направлений предпочитаемой волонтерской деятельности. Наиболее популярные направления среди названных: социальное волонтерство – волонтерская деятельность, направленная на оказание помощи людям с ограниченными возможностями здоровья, пожилым людям, воспитанникам детских домов, или помощь нуждающимся во внимании и постоянном уходе (73 %); образовательное волонтерство – волонтерская деятельность в сфере образования, преподавание на безвозмездной основе по программам общего и дополнительного образования, организация мастер-классов, научных лагерей, экспедиций и олимпиад (47 %); корпоративное волонтерство – волонтерская деятельность представителей государственных и / или коммерческих структур, принимающих активное участие в социально значимой деятельности на безвозмездной основе при поддержке организации, в которой они работают (43 %);

[3] О нас. *Ассоциация волонтерских центров.* URL: https://xn--80ae4d.xn--p1ai/about (дата обращения: 17.01.2022).

культурно-просветительское волонтерство – волонтерская деятельность в проектах культурной направленности, проводимых в музеях, библиотеках, домах культуры, театрах, кинотеатрах, культурных центрах, парках и т. д. (40 %); онлайн-волонтерство – волонтерская деятельность в Интернете, создание и обновление веб-страниц и баз данных, ведение профилей в социальных сетях, написание, подготовка, оформление и редактирование пресс-релизов и новостных статей (40 %). Менее популярные направления: экологическое волонтерство – волонтерская деятельность, направленная на сохранение окружающей среды, решение экологических проблем (29 %); медицинское волонтерство – волонтерская деятельность в сфере здравоохранения, призванная повысить качество медицинской помощи на всех ее этапах: профилактическом, лечебном и реабилитационном (28 %); серебряное волонтерство – волонтерская деятельность, в которой безвозмездно принимают участие люди старшего возраста (10 %); волонтерство в чрезвычайных ситуациях – волонтерская деятельность в сфере защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах (8 %).

Анализ ответов на вопрос ***Какие проблемы мешают развитию волонтерской деятельности?*** (с возможностью выбора нескольких вариантов ответа) показал, что к числу наиболее часто отмечаемых отнесены следующие: отсутствие информации о возможности участия в волонтерских проектах (69 %); нехватка времени на все волонтерские инициативы (51 %); потребительское отношение людей к жизни (50 %); недоверие людей к волонтерам и их деятельности (48 %); высокая занятость: трудовая загруженность, семейные обязательства (47 %); опасность заражения в процессе работы (41 %); низкий уровень жизни населения, необходимость постоянного поиска источника дохода (40 %); лень тех, кто мог бы, но не захотел участвовать в волонтерской деятельности, недоверие граждан к некоммерческим (благотворительным) организациям (40 %); низкий уровень доверия людей друг другу (35 %); социальная апатия (34 %); необходимость соблюдения эпидемиологических требований (33 %). Такие варианты ответов, как недостаточность финансирования волонтерских программ или недостаточность подготовки волонтеров, не были выбраны. Менее популярные проблемы: сложность выбора направления для волонтерской работы (30 %); озлобленность людей (26 %); трудность получения теоретической и практической подготовки для работы в качестве волонтера (17 %); отсутствие государственной поддержки волонтеров (15 %); несовершенство законодательства, регулирующего сферу волонтерства (13 %); низкое качество управления волонтерами (13 %); разобщенность волонтерского сообщества (8 %). Отдельно отметим, что около трети респондентов (31 %) ответили, что они не сталкивались с такими проблемами, которые мешали бы развитию волонтерства.

Заключение

В этой статье мы изучили мнение участников волонтерских программ крупных спортивных мероприятий (Олимпийские и Паралимпийские игры) о сфере волонтерской деятельности. На сегодняшний день вклад волонтеров в организацию крупных спортивных соревнований высоко оценен: многие мега-события проходят с участием добровольцев, принимающих участие в организации и проведении мероприятий без прямого денежного вознаграждения. Волонтеры Олимпийских и Паралимпийских игр проходят специальное обучение и подготовку, имеют опыт волонтерства, поэтому являются ценным ресурсом для развития волонтерства. В этой связи мы провели онлайн-опрос олимпийских и / или паралимпийских волонтеров, чтобы выявить их удовлетворенность от участия в волонтерской программе и планы на дальнейшую волонтерскую деятельность.

Результаты опроса показали, что более половины респондентов удовлетворены участием в практиках олимпийского волонтерства, также более половины олимпийских волонтеров планируют продолжать волонтерство. Вместе с тем около половины опрошенных не планируют принимать участие в волонтерской деятельности, не связанной с событийным волонтерством.

Среди тех, кто ответил, что планирует принимать участие в других направлениях волонтерства в будущем, самым популярным направлением стало социальное волонтерство. Также участники отмечали образовательное, корпоративное, культурное и онлайн-волонтерство. Менее популярными направлениями были экологическое, медицинское, серебряное волонтерство и волонтерство в чрезвычайных ситуациях.

Говоря о наследии Олимпийских и Паралимпийских игр для волонтерства в нашей стране, респонденты выделили увеличение числа волонтерских центров и количества волонтеров как самые значимые последствия данных мега-событий в сфере волонтерства. Кроме того, участники исследования считают, что отсутствие информации о возможности участия в волонтерских проектах, нехватка времени на все волонтерские инициативы и потребительское отношение людей к жизни являются самыми важными причинами, мешающими развитию волонтерства.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Müller M. What makes an event a mega-event? *Definitions and sizes. Leisure Studies*, 2015, 34(6): 627–642. https://doi.org/10.1080/02614367.2014.993333
2. Horne J., Whannel G. *Understanding the Olympics*. 3rd ed. London: Routledge, 2020, 352. https://doi.org/10.4324/9780429345272
3. Horne J. Sports mega-events. *Research Handbook on Sports and Society*, ed. Pike E. C. J. Cheltenham-Northampton: Edward Elgar Publishing, 2021, 128–142. https://doi.org/10.4337/9781789903607.00017
4. Meza Talavera A., Al-Ghamdi S. G., Koç M. Sustainability in mega-events: beyond Qatar 2022. *Sustainability*, 2019, 11(22). https://doi.org/10.3390/su11226407
5. González-Serrano M. H., Añó Sanz V., González-García R. J. Sustainable sport entrepreneurship and innovation: a bibliometric analysis of this emerging field of research. *Sustainability*, 2020, 12(12). https://doi.org/10.3390/su12125209
6. Miles L., Shipway R. Exploring the COVID-19 pandemic as a catalyst for stimulating future research agendas for managing crises and disasters at international sport events. *Event Management*, 2020, 24(4): 537–552. https://doi.org/10.3727/152599519X15506259856688
7. Dickson T. J., Darcy S., Gadd C. P. Ensuring volunteer impacts, legacy and leveraging is not "fake news": lessons from the 2015 FIFA Women's World Cup. *International Journal of Contemporary Hospitality Managemen*t, 2020, 32(2): 683–705. https://doi.org/10.1108/IJCHM-04-2019-0370
8. Dickson T. J., Darcy S., Edwards D., Terwiel F. A. Sport mega-event volunteers' motivations and postevent intention to volunteer: the Sydney World Masters Games, 2009. *Event Management,* 2015, 19(2): 227–245. http://dx.doi.org/10.3727/152599515X14297053839692
9. Ziakas V. Embracing the event portfolio paradigm in academic discourse and scholarship. *Journal of Policy Research in Tourism, Leisure and Events*, 2019, 11(sup1): 27–33. https://doi.org/10.1080/19407963.2018.1556861
10. Preuss H. Event legacy framework and measurement. *International Journal of Sport Policy and Politics*, 2019, 11(1): 103–118. https://doi.org/10.1080/19406940.2018.1490336
11. Preuss H. The conceptualization and measurement of mega sport event legacies. *Journal of Sport & Tourism*, 2007, 12(3-4): 207–228. https://doi.org/10.1080/14775080701736957
12. Preuss H. A framework for identifying the legacies of a mega sport event. *Leisure Studies*, 2015, 34(6): 643–664. https://doi.org/10.1080/02614367.2014.994552
13. Mastromartino B., Ross W. J., Wear H., Naraine M. L. Thinking outside the 'box': a discussion of sports fans, teams, and the environment in the context of COVID-19. *Sport in Society*, 2020, 23(11): 1707–1723. https://doi.org/10.1080/17430437.2020.1804108
14. Mahtani K. R., Protheroe J., Slight S. P., Piva Demarzo M. M., Blakeman T., Barton C. A., Brijnath B., Roberts N. Can the London 2012 Olympics 'inspire a generation' to do more physical or sporting activities? An overview of systematic reviews. *BMJ Open*, 2013, 3(1). https://doi.org/10.1136/bmjopen-2012-002058
15. Kim H., Choe Y., Kim D., Kim J. J. For sustainable benefits and legacies of mega-events: a case study of the 2018 PyeongChang Winter Olympics from the perspective of the volunteer co-creators. *Sustainability*, 2019, 11(9). https://doi.org/10.3390/su11092473
16. Hayduk T., Rewilak J. What are the benefits of hosting a sporting mega event? Evidence from industrial firms in China. *Journal of Sport Management*, 2022, 36(2): 118–129. https://doi.org/10.1123/jsm.2020-0270
17. Kaplanidou K., Karadakis K. Understanding the legacies of a host Olympic city: the case of the 2010 Vancouver Olympic Games. *Sport Marketing Quarterly*, 2010, 19(2): 110–117.
18. *Legacy strategic approach: moving forward.* Lausanne: International Olympic Committee, 2017, 50.
19. Petrovic K., Stukas A. A. Volunteer motivation. *The Routledge Handbook of Volunteering in Events, Sport and Tourism*, eds. Holmes K., Lockstone-Binney L., Smith K. A., Shipway R. 1st ed. London: Routledge, 2021, 258–270. https://doi.org/10.4324/9780367815875
20. Hayton J. W., Blundell M. Exploring the relationship between social class and sport event volunteering. *Sport Management Review*, 2021, 24(1): 92–115. https://doi.org/10.1016/j.smr.2020.06.002
21. Kim D., Park C., Kim H., Kim J. Determinants and outcomes of volunteer satisfaction in mega sports events. *Sustainability*, 2019, 11(7). https://doi.org/10.3390/su11071859
22. Doherty A. The volunteer legacy of a major sport event. *Journal of Policy Research in Tourism, Leisure and Events*, 2009, 1(3): 185–207. https://doi.org/10.1080/19407960903204356
23. Bakhsh J. T., Lachance E. L., Thompson A., Parent M. M. Outcomes of the sport event volunteer experience: examining demonstration effects on first-time and returning volunteers. *International Journal of Event and Festival Management*, 2021, 12(2): 168–183. https://doi.org/10.1108/IJEFM-09-2020-0057

24. Bang H., Lee S., Swart K. Predicting volunteers' intention to return: an examination of brand personality, prestige, and identification of sporting events. *Event Management*, 2014, 18(2): 169–183. http://dx.doi.org/10.3727/152599514X13947236947509
25. Pompurová K., Marčeková R., Šebová Ľ., Sokolová J., Žofaj M. Volunteer tourism as a sustainable form of tourism – the case of organized events. *Sustainability*, 2018, 10(5). https://doi.org/10.3390/su10051468
26. Aisbett L., Randle E., Kappelides P. Future volunteer intentions at a major sport event. *Annals of Leisure Research*, 2015, 18(4): 491–509. https://doi.org/10.1080/11745398.2015.1079492
27. Sand T. S., Strittmatter A.-M., Hanstad D. V. 2016 Winter Youth Olympic Games: planning for a volunteer legacy. *International Journal of Sport Management and Marketing*, 2017, 17(4-6): 242–260. https://doi.org/10.1504/IJSMM.2017.087444
28. Giel T., Breuer C. The determinants of the intention to continue voluntary football refereeing. *Sport Management Review,* 2020, 23(2): 242–255. https://doi.org/10.1016/j.smr.2019.01.005
29. Koutrou N., Pappous A. S. Towards an Olympic volunteering legacy: motivating volunteers to serve and remain – a case study of London 2012 Olympic Games volunteers. *Voluntary Sector Review*, 7(3): 269–291. https://doi.org/10.1332/096278916X14767760874050
30. Lee Y., Kim M. Serious leisure characteristics of older adult volunteers: the case of an international sporting event. *World Leisure Journal*, 2018, 60(1): 45–57. https://doi.org/10.1080/16078055.2017.1305441
31. Cnaan R. A., Meijs L., Brudney J. L., Hersberger-Langloh S., Okada A., Abu-Rumman S. You thought that this would be easy? Seeking an understanding of episodic volunteering. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 2022, 33(3): 415–427. https://doi.org/10.1007/s11266-021-00329-7
32. Cunningham G. B., Ahn N. Y. Moderation in sport management research: room for growth. *Measurement in Physical Education and Exercise Science*, 2019, 23(4): 301–313. https://doi.org/10.1080/1091367X.2018.1472095
33. Dickson T. J., Benson A. M., Blackman D. A., Terwiel F. A. It's all about the Games! 2010 Vancouver Olympic and Paralympic Winter Games volunteers. *Event Management*, 2013, 17(1): 77–92. https://doi.org/10.3727/152599513X13623342048220
34. Han H., Meng B., Chua B.-L., Ryu H. B., Kim W. International volunteer tourism and youth travelers – an emerging tourism trend. *Journal of Travel & Tourism Marketing*, 2019, 36(5): 549–562. https://doi.org/10.1080/10548408.2019.1590293
35. Kristiansen E., Skirstad B., Parent M. M., Waddington I. 'We can do it': community, resistance, social solidarity, and long-term volunteering at a sport event. *Sport Management Review*, 2015, 18(2): 256–267. https://doi.org/10.1016/j.smr.2014.06.002
36. Chen S., Preuss H., Hu X. R., Kenyon J. A., Liang X. Sport policy development in China: legacies of Beijing's 2008 Summer Olympic Games and 2022 Winter Olympic Games. *Journal of Global Sport Management*, 2021, 6(3): 234–263. https://doi.org/10.1080/24704067.2019.1566756
37. Сухарькова М. П. Олимпийское волонтерство в системе целей устойчивого развития. *Управление устойчивым развитием*. 2021. № 2. С. 69–77.
Sukharkova M. P. Olympic volunteering in the system of sustainable development goals. *Upravlenie ustoichivym razvitiem*, 2021, (2): 69–77. (In Russ.)
38. Сухарькова М. П. Обучение олимпийских волонтеров в период пандемии. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2022. Т. 22. № 1. С. 79–84. https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-79-84
Sukharkova M. P. The training of the Olympic volunteers during the pandemic period. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, 22(1): 79–84. (In Russ.) https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-79-84
39. Сухарькова М. П. Онлайн-взаимодействие олимпийских волонтеров после игр. *Цифровая социология*. 2021. Т. 4. № 3. С. 53–64. https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-3-53-64
Sukharkova M. P. Online interaction of Olympic volunteers after the Games. *Digital Sociology*, 2021, 4(3): 53–64. (In Russ.) https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-3-53-64
40. Сухарькова М. П. Постигровые практики участия российских олимпийских и спортивных волонтеров: COVID-контекст. *Теория и практика общественного развития*. 2021. № 7. С. 49–58. https://doi.org/10.24158/tipor.2021.7.7
Sukharkova M. P. Post-game volunteering practices of Russian Olympic and sports volunteers: COVID context. *Theory and Practice of Social Development,* 2021, (7): 49–58. (In Russ.) https://doi.org/10.24158/tipor.2021.7.7

оригинальная статья

Институционализация правовой культуры

Шумкин Евгений Михайлович
Новосибирский государственный университет экономики и управления, Россия, Новосибирск
https://orcid.org/0000-0002-3575-6161
9100020@bk.ru

Поступила 31.01.2022. Принята после рецензирования 01.06.2022. Принята в печать 06.06.2022.

Аннотация: Предметом внимания настоящей статьи является конвертация всех сфер общественных отношений через нормативное закрепление минимальных стандартов социальной и юридической ответственности. Данный процесс обусловлен необходимостью эволюционного согласования воли общества на правопорядок и воли государства на соблюдение прав и интересов людей, общества и государства. Институционализация представляет собой естественный ход развития любых общественных отношений с опорой на ответственность как необходимую стимуляцию людей к невозможности понижения стандарта рационального поведения (даже в случае рационального неведения). Правовая культура рассматривается в качестве агрегатора различных, присущих обществу, кодов, которые носят одновременно имплицитный и транспарентный характер. Оценить их представляется возможным с точки зрения социологического, философского, социолого-правового, аксиологического, политико-правового и деятельностного подходов с выделенными в них множественными аспектами: социально-системным, феноменологическим, общекультурным, экономическим, субкультурным, управленческим и ценностным соответственно. Институционализация как допустимая возможность конвертировать общественные отношения в нормативную среду продуктивна и логична, направлена на развитие общества и прогресса экономического развития государства. Представлено специальное определение термина *правовая культура*, раскрытие сути содержания которого необходимо для получения ответа на вопрос о допустимости формализации общественных отношений через их институционализацию. Результатом теоретического исследования стало наличие государственного довода уважать лучшие социальные практики и общественного неприятия агрессивного патернализма при нормотворчестве государства. Отказ от соблюдения баланса интересов грозит латентным оппортунистическим поведением субъектов права и нежеланием следовать идеям правовой культуры, постулируемым государством.

Ключевые слова: институционализация, правовая культура, социальный порядок, общественный договор

Цитирование: Шумкин Е. М. Институционализация правовой культуры. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2022. Т. 7. № 3. С. 305–314. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-3-305-314

full article

Institutionalization of Legal Culture

Eugenii M. Shumkin
Novosibirsk State University of Economics and Management, Russia, Novosibirsk
https://orcid.org/0000-0002-3575-6161
9100020@bk.ru

Received 31 Jan 2022. Accepted after peer review 1 Jun 2022. Accepted for publication 6 Jun 2022.

Abstract: The article features the conversion of public relations in the field of entrepreneurship through standardizing social and legal responsibilities. This process results from the evolutionary coordination of the social will for the rule of law and the state will to respect the rights and interests of society. Institutionalization is a natural development course of any social relations that are based on responsibility. It stimulates people to maintain the standard of rational behavior even in the case of rational ignorance. Legal culture is an aggregator of various implicit and transparent social codes. These codes can be evaluated from the point of view of sociological, philosophical, sociological-legal, axiological, political-legal, and activity approaches based on socio-systemic, phenomenological, cultural, economic, subcultural, managerial and axiological aspects. Institutionalization is an acceptable opportunity to convert social relations into a normative environment. It is a productive and logical way of social and economic development. The article introduces a new definition of legal culture, which highlights the admissibility of formalizing social relations through their institutionalization. The research made it possible to formulate

© 2022. Автор(ы). Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

the state reason to respect the best social practices and the public rejection of aggressive rule-making. Refusal to maintain the balance of interests may lead to latent opportunistic behavior of business entities and their unwillingness to follow the ideas of the official legal culture.
Keywords: institutionalization, legal culture, social order, social contract

Citation: Shumkin E. M. Institutionalization of the Legal Culture. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(3): 305–314. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-3-305-314

Введение

Академическая аффилиация между институционализацией и правовой культурой предполагает осознанный уход от оценочных терминов и движение в сторону темпоральных коллизий, дающих возможность отследить динамику влияния на нее общественных и государственных институтов [1]. Проблемой теоретического исследования является выявление взаимного столкновения интересов между обществом (социальным континуумом), государством (институтами государственной власти) и человеком (субъектом права). Цель институционализации правовой культуры включает в себя следование доминирующим правилам поведения в государстве, поддержание общей культуры, раскрытие смысла общего конформного поведения. Отметим, что правовая культура с ее неотъемлемыми элементами не абсолютна и ограничена императивными правилами государства в сфере тех общественных отношений, где осуществляется социальное взаимодействие, направленное на достижение баланса интересов общества и государства[1]. Применены новые подходы к рассмотрению конкуренции правовой культуры с другими субкультурами через институционализацию, поддерживаемую законодателем как дискреционное ее проявление в определенных правоотношениях, способствующее повышению ее качества и примату цивилизованного правопорядка, а также эволюции общественных и государственных институтов.

Современная проблема институционализации правовой культуры – ее универсальность и вероятность форм объективного применения, включая механизмы государственного регулирования, социальные и экономические обстоятельства. Ее абсолютность и возможность субъективного восприятия, государственный и общественный смыслы, правокультурное значение являются квинтэссенцией всех сфер деятельности человека, включая предпринимательскую. Все это происходит на острие конкуренции социального и правового порядков вкупе с социальной напряженностью, деструктивными экономическими прогнозами и повышением ожидаемых издержек для стимулирования конформного поведения субъектов. Ключевой вывод, который можно сделать, видится в том, что институционализация правовой культуры транслирует ее ценности в обществе, критично нивелируя архаизм деструктивного поведения и аномию социальных институтов, восстанавливая тем самым объективный баланс интересов человека, общества и государства.

Общая идея институционализации правовой культуры достаточно разнородна в своем содержательном значении, при этом отдельные ее элементы обладают признаками гомогенности. Представим общие определения некоторых значений институционализации:

1) реорганизация каких-либо общественных отношений в правоотношения ответственности, формализованные институты, имеющие определенные стандарты поведения [2];
2) процесс установления наилучших социальных практик в системе норм и правил, необходимых для реализации общественных благ [3];
3) трансформация любых общественных отношений в институты для их дальнейшей саморегуляции [4];
4) эволюционное развитие устоявшихся социальных практик в социальные институты под воздействием субъективных и объективных факторов, детерминирующих ее толерантность к легитимности большинства субъектов;
5) формализация дискреционных социальных отношений, ведущая к социально-организационной структуре построения общества с доминантой легализованной власти [5].

Подходы к генезису институционализации как субстрату мысли, воли, желаний и активностей человека стоит рассматривать вместе с развитием общества [6]. В данной статье рассмотрены некоторые из них.

Социологический подход

Принимая во внимание социологию как науку, дающую возможность проникнуть в суть любых общественных явлений и объяснить их, Герберт Спенсер рассматривал институт государства в контексте эволюционного развития общества [7]. Являясь регулятором всех отношений и явлений в обществе, государство, по мнению автора, через *юридический гормезис* (малые дозы стресса правового регулирования любых общественных отношений)

[1] Например, через обмен, создание и распределение благ, как в предпринимательской деятельности.

стимулирует естественный эволюционный путь развития общества, меняя его состояние от неопределенного к более определенному. Рассматривая таким образом законы развития животного мира и отождествляя их с законами развития мира общественного, Г. Спенсер находил, что государственная справедливость не строится элементарными мерами, при этом первенство права на *право* он отдавал человеку, т. к. считал, что первичность социальных явлений существовала еще до государственности, а потому они независимы от нее [8]. Государственность лишь облекает результаты социальных явлений в юридическую форму, обеспечивая тем самым объективность правил поведения во всех сферах человеческой активности, признавая незыблемость прав и свобод человека [9]. Выражая солидаритет идеям К. Бэра о том, что любое индивидуальное развитие нормально, а попытка уклониться от него патологична, автор признает индивидуальную личность частью целого, с необходимостью подчинения правилам общественной системы [10].

Социально-системный аспект социологического подхода обусловливает взаимосвязь частей целого, придавая последнему объективность через прямую связь институционализации и развития современного общества, т. к. абсолютно все активности человека реализовываются через интеграцию в структуру социальной системы, с необходимым порядком, обеспечивающим целостность ее пространства [11]. Именно в рамках социальной системы человек подчиняется внешней силе правопорядка, рассматривая личную свободу и свободу общества, частью которого он себя считает, через призму институциализации его прав и свобод, где его свобода тождественна свободе его общества [12]. Институционализация здесь рассматривается как самый необходимый подход к защите социальной реальности и объективного возвышения подлинных человеческих ценностей на основе жестких императивных предписаний, при этом абсолютная реализация свободы возможна лишь внесистемно [13].

Итак, имплицитно Г. Спенсер рассматривал институционализацию как эволюционную пользу, дающую возможность адаптировать субъективные состояния общества к внешним, возможно даже агрессивным, объективным условиям существования [14]. Ее основной целью представляется реализация прав и свобод человека с максимальным сохранением индивидуальных прав, свобод и энергий [15].

Социально-философский подход

Рассматривая и развивая идеи Г. Спенсера, Н. К. Михайловский также имплицитно рассуждал о неоднородности человечества в начале своего цивилизованного пути развития и сегодня – уже павшего жертвой институционализации [16]. Философское мировоззрение привело Н. К. Михайловского к пониманию утраты индивидуальности личности (от чего эволюционно уходит общество) под давлением институционализации, неизбежность которой он признавал, как признавал и ограниченность подхода Г. Спенсера. Такая точка зрения основывалась на неприятии субъективных представлений человека о морали, нравственности, добре и зле в процессе эволюционно-вынужденной формализации лучших социальных практик, задающих регулирующую связь между человеком, обществом и государством [17]. Автор полагал важным стремиться к соблюдению баланса интересов между институционализацией и индивидуальностью, т. к. последняя объективно «затирается» под давлением экстерналий, присущих институционализации. Чтобы избежать этого, общество должно складываться не под воздействием формализации правил необходимого поведения, а как ансамбль духовных ценностей людей. Солидаритет Г. Спенсера и Н. К. Михайловского нашелся в признании того, что в ходе эволюционного развития общества человек стремится к преодолению личных, социально-приемлемых границ другого человека, где купирование такого деструктивного поведения возможно только при наличии внешних регуляторных границ, обеспечивающих минимальный стандарт гражданской ответственности нормами права (правилами поведения).

Таким образом, философский идеал общества, находящегося в тисках институционализации и внедрения множества новых культурных кодов, заключается в индивидуализации человеческой личности как единственного творца материальных и нематериальных достижений (ценностей) в обществе.

Феноменологический аспект философского подхода рассматривал институционализацию как глубокий способ фиксации в общественном сознании нормативных правил поведения. Именно процесс институционализации, по мнению И. Л. Честнова, предполагает возникновение устойчивой связи общества с внешней регулятивной средой, определяющей социальную устойчивость тех или иных систем ценностей [18]. Реальна и жизнеспособна лишь та система ценностей, по мнению автора, которая опиралась на социальную нормативность, доказавшую свою объективную эффективность, соответствующую внешним институциональным закономерностям (например, экспансии нормативности в отношении всех общественных отношений) и необходимую для удовлетворения потребностей общества.

Оба подхода рассматривали институционализацию в жестких патерналистических рамках, где социальные институты призваны соблюдать баланс интересов между обществом и государством путем предоставления правовой защиты объективной справедливости [19]. При этом примат институционализации достигается институтом государства, призванного защищать интересы общества и государства, монополизируя власть (с добровольного дозволения общества), с возможностью применения внешних негативных экстерналий в самом широком содержательном значении [20]. Человек свободен при условии принятия прав и свобод другого человека,

а институционализация выступает гарантом этого принятия, сдерживая возможным применением негативных санкций желание индивида не признавать эти права и свободы. Хотя институционализация и довлеет над личностью, ее сохранение и потенциал культуры возможно сохранить только идя по пути установления общественных отношений в институциональные рамки [21]. Стоит отметить, что социальная и юридическая нормативность при институционализации, поддерживаемая властью правоприменительной практикой, обеспечивает государству принятие обществом рациональной модели поведения под необходимым давлением его (государства) внешних требований, чем и диктуется перманентное развитие общества.

Институционализация рассматривает социальную систему и правовой порядок во взаимосвязи с личностью и выступает в роли ресурсного поля, а не радикального модератора социальных норм и явлений, обеспечивая конкуренцию человеческого капитала в обществе и конформизм. Культурные коды при этом актуализируют институционализационный пейзаж времени, девальвируя «греховную природу человека» [22].

Социолого-правовой подход

Анализ советских и российских юридических традиций позволяет усматривать в правовых институтах лишь систему формальных норм поведения, регулирующих однородные отношения в государстве [23]. Г. В. Мальцев называет такое точечное воздействие институтов государственной власти на общественные отношения институциональным регулированием [24]. Точка зрения автора кажется идеализированной, выдерживающей критику только в теоретическом поле, например, автор считает, что законодатель является источником социально-правовых ценностей, главным интересантом по имплементации которых является общество, добавляя, что так выглядит институционализация интересов. Подобный подход кажется верным лишь отчасти, если учесть, что нивелирование конфликта права и правоприменения (несовпадение лучших социальных практик как исторически устоявшихся общественных ценностей и конфликтующих с законодательной практикой) является перманентной социальной и правовой проблемой под названием *правовая неопределенность* [25].

Социологический подход расширяет самодостаточную ценность правового, добавляя общественные ценности, социальные модели поведения, культурные коды, социальные установки и представления, приобретающие в ходе институционализации, по мнению С. А. Костишиной, устойчивую, объективно выраженную форму [26]. Такая позиция схожа с трактовкой институционализации как антипода формально не организованных социальных связей и общественных отношений. При этом один только правовой подход представляется узким к большему пониманию процессов институционализации, происходящих в обществе и государстве. Особенностью социолого-правового подхода является признание легитимности права, дающей возможность удерживать объективную действительность в рамках заданных стандартов поведения и поддерживая не только функции права, но и функции социального порядка (естественная форма, по Т. Парсонсу) по двум критериям:

1. Способность людей должным образом придерживаться минимального стандарта ответственного поведения, под угрозой внешних негативных экстерналий самостоятельно давать оценку этому поведению. Данное положение предполагает внутреннее выражение социального акта под перманентным влиянием институционализации как явления, монополизирующего насилие за принижение примата институтов государственной власти.
2. Индивидуальный прогноз нежелательных социальных последствий, неодобряемых государством, должен быть детерминирован объективной формализацией рамок, удерживающих такое поведение в системе норм и правил поведения для блага большинства. Данный критерий включает социальный способ измерения деструктивного развития общественных отношений, детерминирующий внешнее выражение того же социального акта на предмет пресечения социальных патологий формализованными юридическими рамками.

Настоящие критерии рассматривают институционализацию через социолого-правовую призму, охватывая все сферы общественных отношений, подчиненных социальным актам, подверженные юридической квалификации и оказывающие влияние на субстрат правовой культуры.

Аксиологический подход

Институционализация рассматривается апологетами данного подхода в качестве формирования устойчивого стандарта культурного поведения человека как способа выполнения социальных задач в соответствии с формальными требованиями. Процесс формирования такого стандарта призван обеспечить постоянную прочность всех социальных систем [27]. Важен анализ развития правовой культуры в процессе институционализации. Более того, по мнению Ю. В. Ларина, институционализация обязана культуре развитием своих институтов [29]. В рамках настоящей работы под культурой следует понимать систему объективно важных явлений и процессов для *правильного* ориентирования в человеческих активностях, призванных удовлетворять потребности как людей, так и общества на основе синкретизма, рассматриваемого нами в качестве неотъемлемой особенности институционализации.

Рассмотрим некоторые признаки правокультурного аспекта институционализации.

1. В рамках позитивного права ценности субъектов, несмотря на синкретизм, предполагаются равными, и свобода установления любых общественных отношений видится абсолютной, если реализация этих

свобод не поражает интересы других людей, общества и государства, в противном случае уровень правовой культуры видится низким, и уполномоченные институты государственной власти вступают с таким субъектом в правоотношения ответственности.

2. Правовая культура настаивает на стандартах гражданской ответственности, где внешнее выражение воли человека объективно принимается государством, если такое выражение не противоречит модели поведения, формально закрепленной институционализацией.
3. Субъективное представление о *правильном* и других ценностях, доступ к которым обеспечивает общий культурный код, носит компенсаторный характер за счет соблюдения баланса интересов человека, общества и государства, обеспечиваемого институционализацией.

Благодаря институционализации возникают стабильные активности людей по поводу извлечения и перераспределения общественных благ. Реагируя на меняющиеся потребности человека и общества, институционализация предлагает модель поведения, называемую рациональной, повышение уровня правовой культуры, генерируя этим новые виды социальной активности, избегание делинквентности и задавая всё новые стандарты личного организованного поведения. Таким образом, институционализация представляет собой эволюцию общественных отношений, формально не регулируемых, в сторону организации сложной структуры различных институтов с иерархией власти.

Общекультурный аспект аксиологического подхода показывает взаимодействие людей в социальном пространстве, направленное на получение новых возможностей путем ограничения их действий через правовую культуру, включающую в себя правила поведения, принимаемые большинством. Доминирование правовой культуры обеспечивается конкуренцией телеологических смыслов глубинного поведения людей [29]. Модели поведения участников такого поведения связаны. Так, ожидаемый результат зависит от модели поведения конкурирующих субъектов, и чтобы такое соперничество приводило к прогнозируемому результату, необходима опора на общий культурный код о праве и объективном отношении к рациональному стандарту поведения, доступному всем субъектам.

Экономический аспект аксиологического подхода раскрывает контекст, в частности, экономической деятельности как вида человеческой активности, находящегося на фронтире финансово-хозяйственной деятельности государства. Решение субъектов права одновременно принимать ее саморегулирование и быть объектом такого регулирования со стороны государства является процессом формализации набора социальных практик, показавших свою жизнеспособность на длительном временном промежутке, приводящим к его институционализации.

Тезисы данного аспекта рассматриваются следующим образом:

1. Концепция предпринимательской деятельности для большинства ее субъектов: никто не выигрывает, если никто не придерживается стандартов поведения, закрепленных институционально, и наоборот [30].
2. Результат проявления деятельности субъекта является и причиной, и следствием других таких же субъектов.
3. Если модель поведения субъекта конфликтует с моделями поведения других субъектов, то итог такого взаимодействия будет являться нерациональным и провоцировать делинквентность.
4. Постоянный анализ своей модели поведения и сравнение его с заданным институционально стандартом позволяет лучше понять механизм правоотношений ответственности с государством [31].

Итак, если каждый субъект является конформистом (способным идентифицировать свою правовую культуру) и придерживается выбора институциональной поддержки друг друга (все поддерживают всех), то такой выбор обеспечивает общее социальное и экономическое благосостояние. В противном случае полезная эффективность институционализации снижается, а значит снижается и общее благосостояние. Институционализация фиксирует наилучшие общественные практики, обеспечивая каждому игроку максимизацию его благ, что приносит долгосрочную пользу не только ему, но и обществу, и государству.

Политико-правовой подход

С позиции М. Аболафия, выражающего солидаритет Г. Саймону, равновесие любой организации, включая государство, достигается через отождествление с ней каждого субъекта [32]. Такое отождествление возможно через стимулирование мотивационного стремления сложить субъективные цели в единый объективный интерес. Подобное стимулирование достигается через создание побуждающих обстоятельств – правового регулирования: прав, обязанностей и возможных негативных экономических, социальных и юридических последствий за нарушение их баланса [33]. Это нормально, когда институционализация, обеспечивая социальный рост, обеспечивает и рост экономический, становясь его неотъемлемой частью, т. к. право юридически закрепляет нормы той или иной деятельности субъекта, очерчивая рамки дозволенного государством поведения, формируя тем самым их правовую культуру.

Субкультурный аспект политико-правового подхода помогает увидеть роль набора необходимых правил, регулирующих финансово-хозяйственную деятельность субъектов, уравнивая их в своих фрустрационных ожиданиях по отношению друг к другу. Право, кодируя мир институционализацией, регулирует все отношения в нем,

находясь под постоянным воздействием национальной системы ценностей, например, социальной ролью или оценкой субъекта, возлагаемой на него обществом, политических и экономических течений.

Управленческий аспект политико-правового подхода призван обеспечивать стройность социальных систем, вырабатывая толерантность к неопределенности для достижения позитивного эффекта от процесса институционализации, снижая риск социального и экономического дефолта в случае внешнего негативного воздействия на общество, как объект управления со стороны государства, обеспечивая тем самым акселерацию политического влияния институтов государственной власти на общественные институты.

Таким образом, задачей процесса институционализации в рамках политико-правового подхода является применение государством адаптивных мер, стимулирующих субъектов стремиться к состоянию равновесия. Это стремление обусловлено множественностью факторов: социальных, исторических, культурных, управленческих и т. д., – которые допускают политическое давление на необходимую среду через власть с целью *нормального* развития общества [19]. Данный подход, опирающийся на позиции объяснения негативных внешних санкций со стороны государства, раскрывает институционализацию в качестве естественной функции государства как монополиста в области открытого использования необходимых мер воздействия на граждан, понимание которых определяется уровнем правовой культуры общества [34].

Деятельностный подход

Идея данного подхода строится на прямой, но условной позиции зависимости субъекта от институциональных правил поведения в выбранной активности. Полагаясь на рациональность оптимального выбора модели поведения каждого субъекта, институционализация дозволяет ему на выбор совершить какое-либо действие или воздержаться от него. Внешнее силовое давление настигнет одного субъекта в том случае, если позитивный эффект его деятельности как последствие такого выбора будет получен за счет умаления выгод другого субъекта. Здесь институционализация помогает решить амбивалентный вопрос с социальными и правовыми основаниями этого выбора и ограничить его в нем, *собирая с делинквента плату за риск*[2]. Данная модель институциональных взаимоотношений отражает свойства, существенные для того или иного социального и правового порядка, отождествляемого с их правовой культурой [35].

Институционализация при *ценностном аспекте деятельного подхода* рассматривается как государственный механизм саморегулирования всех процессов социума через нормативное установление правил всем видам активностей человека, как единственный способ преодоления неопределенностей и снятия потенциала социального конфликта на пути развития общества и государства. Важно отметить, что каждый субъект, являясь частью общества, может имманентно к нему обратиться, равно как и к государству, за необходимыми разъяснениями по поводу тех нормативных рамок, которые они ему задают [36]. Отсюда и проистекает правовая определенность в логическом поддержании общего баланса интересов [37]. Нарушение институциональной логики приведет к неправомерному дозволению в деятельности как людей, так и государственных институтов, особенно учитывая то, что человек сам по себе ограниченно рационален [38]. Институционализация усиливает закрепившиеся социальные практики, обеспечивая сохранение в них ценностного аспекта в формализованном виде для будущих поколений, путем конвертации неоформленных правил поведения в рациональную модель поведения каждого, где государство, поддерживая рацио (лат. *ratio*) каждого человека, эффективно поддерживает и защищает общество в его развитии [39].

Качество институционализации определяется соотношением уровня правовой культуры в выбранной сфере общественных отношений и институциональным развитием, которое особенно чувствительно в предпринимательской деятельности. Предполагается, границы любой сферы общественных отношений шире в том государстве, где выше уровень правовой культуры, что обеспечивается вовлечением правовой культуры как агрегированной системы общих ценностей человека и общества в государственный оборот. Институциональной задачей видится увеличение размера правокультурного капитала в обществе, при решении которой недостаточно соблюдения внешней формы общественных отношений в виде закрепленного стандарта поведения человека. И тем более маловероятно ожидать, что уровень правовой культуры вырастет от фиксации правил рационального поведения [40].

Укажем, что формализация социальных институтов важна, но явно недостаточна. Для увеличения «стоимости» правовой культуры необходимо капитализировать общий культурный код, т. е. качественно институционализировать все сферы общественных отношений. Таким образом, если в государстве складываются *правильные* правила поведения, отвечающие интересам каждого, то такой подход будет мотивировать к социально-экономическому развитию общества и государства. В попытке уравновесить сказанное, стоит задаться следующим вопросом: Допустима ли при наличии лучших и устоявших во времени и в пространстве социальных практик нормативная формализация общественных отношений через их институционализацию, совершенство процесса конвертации которых в правовую форму вызывает сомнение?

[2] Любой вид ответственности.

Отвечая на данный вопрос, являющийся квинтэссенцией настоящей работы, укажем, что общей основой институционализации является совокупность внутренних: моральных, нравственных и номологических – сознательных процессов, происходящих в человеке, без которых его формирование как личности, как субъекта права или экономической (предпринимательской) деятельности не представляется возможным.

Развивая идеи правокультурного капитала Л. Харрисона и его прогресса (как нового витка развития с позиции М. Вебера), стоит уклониться от попытки раскрыть широкое содержательное значение термина *правовая культура*, имеющего множество значений в системе общего научного знания, и определить его для данной работы как *критический и системный анализ социальных, моральных, правовых и других субкультурных кодов, транспарентно транслируемых обществом и государством* (К. Маркс, Ф. Энгельс). Л. Харрисон показал, что основой для любого роста, социального или экономического, служит культурный капитал [41]. Объем данного капитала оповещает нас об исключительных особенностях его бенефициаров – людей, неотъемлемой содержательной частью такого капитала является право как стандарт поведения, дискретно задаваемый регулятором, а потому рассматривается здесь синонимично с правокультурным капиталом. При этом смысл такого стандарта может быть наполнен только обществом, и его эволюционное изменение через институционализацию объясняется особенностями развития тех или иных общественных отношений, в том числе и предпринимательской деятельности. В этом заключается, на наш взгляд, идея институционализации, объединяющей общество и государство.

Говоря о *нормативной формализации общественных отношений*, укажем на характерную особенность правовой культуры предпринимательской деятельности[3]. Социальная действительность общественных отношений рисует прототип идеальной модели поведения людей в выбранных ими активностях, т. е. через упречный аспект социальных агентов отбирается оптимальный вариант взаимодействия в обществе. Контроль перманентного процесса создания такого варианта остается также за обществом. Доступность объективной действительности возможна при подчинении ее нормативному аспекту Левиафана, ведь именно правила последнего формально регулируют общественные отношения. Таким образом, социальная действительность может оппонировать объективной действительности, а институционализация правовой культуры направлена на установление принципа *правильного* (по праву) отбора оптимальной модели любой активности человека через законодательную, судебную и правоприменительную практики. Принцип этот прост и имплицитно проходит через все цивилизованные правовые порядки, шифруя множество социальных фактов, трансформируя сигналы, подаваемые обществом, в более рациональную форму общения *всех со всеми* – это суверенитет правовой культуры, с помощью которого можно оценить уровни социального, экономического и социального развития, а значит оценить *процесс конвертации* общественных отношений в правовую форму. Контроль за реализацией такого принципа возложен на общество и государство.

Заключение

Любая человеческая активность, включенная в общую сферу коммуникации на тему эффективного получения или перераспределения благ, нематериальных в том числе, подчинена юридическим стимулам, информирующим субъектов права (равно как и социальных субъектов) о превенции правовой культуры в жизни государства. Усиление социальной мощи современного человека, развитие его социальных связей, расширение социальных фактов – все это провоцирует государство поступательно (в параллели с обществом) развивать институционализацию правовой культуры, выводя совокупную человеческую деятельность на новую парадигму существования. Критериями такой парадигмы должны являться: признание важности правовой культуры как части общей культуры; развитие правовых знаний об обществе и государстве; корреспондирующее признание обществом и государством социально-правовых ценностей; принятие ответственности за институционализацию правовой культуры в разрезе социальной и объективной действительности.

Единая цель новой парадигмы – снизить субъективное ожидание от незаконных выгод субъектов за счет ожидаемого институционального насилия на основе повышения уровня правовой культуры.

Детерминирующим признаком институционализации правовой культуры является внимание к общественным ценностным установкам, практикам и институтам, т. е. принятие государством совокупности культурных ценностей человека в любом виде деятельности. В таком виде институционализация правовой культуры приобретает *правильное* содержание, где суверенитет наполняется социальным смыслом, основное содержание которого объясняет социально-экономические, социально-политические, социокультурные и иные обстоятельства, окружающие человека и характеризует выбранные им активности. В противном случае архаизм *не*институционализированных общественных отношений, отсутствие баланса интересов общества и государства неминуемо приведут к их дефолту. Институционализация как допустимая возможность конвертировать общественные отношения в нормативную среду [42] продуктивна и логична, направлена на развитие общества и прогресса экономического развития государства.

[3] Как части общего вопроса: Допустима ли при наличии лучших и устоявших во времени и в пространстве социальных практик *нормативная формализация общественных отношений* через их институционализацию, совершенство процесса конвертации которых в правовую форму вызывает сомнение?

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс. *Экономическая социология*. 2002. Т. 3. № 2. С. 62–73.
   Polanyi K. Economics as an institutionalized process. *Journal of Economic Sociology*, 2002, 3(2): 62–73. (In Russ.)
2. Синютин М. В. Институциональный подход в экономической социологии. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т, 2002. 313 с.
   Sinyutin M. V. *Institutional approach in economic sociology*. St. Petersburg: St. Petersburg University, 2002, 313. (In Russ.)
3. Глотов М. Б. Методология институционального анализа культуры. *Проблемы теоретической социологии,* отв. ред. А. О. Бороноев. СПб.: СПбГУ, 2007. Вып. 6. С. 144–155.
   Glotov M. B. Methodology of the institutional analysis of culture. *Problems of theoretical sociology*, ed. Boronoev A. O. St. Petersburg: SPbSU, 2007, iss. 6, 144–155. (In Russ.)
4. Давыденкова А. Г., Туфанов А. О. Институционализация социокультурной и экономической жизни общества: социально-философские аспекты. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2011. Т. 2. № 4. С. 98–107.
   Davydenkova A. G., Tufanov A. O. The institutionalization of social, cultural and economic life of the society: social and philosophical aspects. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina*, 2011, 2(4): 98–107. (In Russ.)
5. Кравченко И. И. Институционализация. *Новая философская энциклопедия,* ред. В. С. Степин. М.: Мысль, 2001. Т. 2: Е–М. С. 125.
   Kravchenko I. I. Institutionalization. *New philosophical encyclopedia*, ed. Sternin V. S. Moscow: Mysl, 2001, vol. 2: E–M, 125. (In Russ.)
6. Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. СПб.: Азбука-классика, 2007. 270 с.
   Machiavelli N. *Discourses on the first decade of Titus Livius.* St. Petersburg: Azbuka-klassika, 2007, 270. (In Russ.)
7. Курсков Д. Ю. Г. Спенсер о государстве и праве. *Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право»*. 2011. № 8. С. 239–242.
   Kurskov D. Yu. H. Spencer about state and law. *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, 2011, (8): 239–242. (In Russ.)
8. Аристотель. Политика. *Сочинения*. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 376–644.
   Aristotle. Politics. *Works*. Moscow: Mysl, 1983, vol. 4, 376–644. (In Russ.)
9. Спенсер Г. Синтетическая философия Герберта Спенсера. Киев: Вист-С, 1997. 510 с.
   Spencer H. *The synthetic philosophy by Herbert Spencer.* Kiev: Vist-S, 1997, 510. (In Russ.)
10. Шумкин Е. М. Правовая культура как фактор легитимности социального и правового порядка. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2021. № 3. С. 466–477. https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-3-466-477
    Shumkin E. M. Legal culture as a factor of legitimacy of the social and legal order. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia*, 2021, (3): 466–477. (In Russ.) https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-3-466-477
11. Парсонс Т. О социальных системах. М.: Акад. проект, 2002. 830 с.
    Parsons T. *The Social Systems*. Moscow: Akad. proekt, 2002, 830. (In Russ.)
12. Рассел Б. Логический атомизм. *Аналитическая философия: становление и развитие. Антология*. М.: Дом интеллектуальной книги; Прогресс-Традиция, 1997. С. 17–37.
    Russell B. Logical atomism. *Analytical philosophy: formation and development. Anthology*. Moscow: Dom intellektualnoi knigi; Progress-Traditsiia, 1997, 17–37. (In Russ.)
13. Карамзина Е. В. Концептуализация свободы в социально-системном аспекте. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2013. № 1. С. 204–210.
    Karamzina E. V. The conceptualization of freedom within the system theory framework. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2013, (1): 204–210. (In Russ.)
14. Алексеева Т. А. Справедливость: морально-политическая философия Джона Роулса. М.: Наука, 1992. 112 с.
    Alekseeva T. A. *Justice: John Rawls' moral and political philosophy*. Moscow: Nauka, 1992, 112. (In Russ.)
15. Спенсер Г. Личность и государство. СПб.: Вестник знания, 1908. 84 с.
    Spencer H. *Personality and State.* St. Petersburg: Vestnik znaniia, 1908, 84. (In Russ.)
16. Черкашина В. В. Понятие «воля»: на пути от философии к психологии. *Идеи и идеалы*. 2019. Т. 11. № 4-1. С. 107–118. https://doi.org/10.17212/2075-0862-2019-11.4.1-107-118

Cherkashina V. V. The concept of "will": on the way from philosophy to psychology. *Ideas and ideals*, 2019, 11(4-1): 107–118. (In Russ.) https://doi.org/10.17212/2075-0862-2019-11.4.1-107-118

17. Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях (I). *Полис. Политические исследования*. 2002. № 1. С. 6–17.
Merkel V., Croissant A. Formal and informal institutions in defective democracies. *Polis. Political Studies*, 2002, (1): 6–17. (In Russ.)
18. Честнов И. Л. Актуальные проблемы теории государства и права. Ч. 2. Актуальные проблемы теории права. СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т (ф-л) Ун-та прокуратуры РФ, 2020. 136 с.
Chestnov I. L. *Actual problems of the theory of state and law. Pt. 2. Relevant issues of legal theory*. St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2020, 136. (In Russ.)
19. Михайловский Н. К. Борьба за индивидуальность. *Сочинения*. СПб.: Рус. богатство, 1906. Т. 1. Стлб. 437–609.
Mikhailovsky N. K. Fight for individuality. *Complete works*. St. Petersburg: Rus. bogatstvo, 1906, vol. 1, 437–609. (In Russ.)
20. Гостюшева Е. М., Дягилева Ю. А. К проблеме взаимоотношения власти и личности в политико-философских теориях Н. К. Михайловского. *Известия АлтГУ*. 2014. № 4-1. С. 268–272. https://doi.org/10.14258/izvasu(2014)4.1-45
Gostyusheva E. M., Diagileva Y. A. On the issue of relations between the authorities and the individual in political and philosophical theories of N. K. Mikhailovsky. *Izvestiya Altai State University*, 2014, (4-1): 268–272. (In Russ.) https://doi.org/10.14258/izvasu(2014)4.1-45
21. Калинин А. Ю. Теневое право с позиций структурно-функционального подхода. *Юридическая наука*. 2011. № 4. С. 16–20.
Kalinin A. Yu. Shadow law from the standpoint of the structural-functional approach. *Legal Science*, 2011, (4): 16–20. (In Russ.)
22. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. СПб.: Азбука-Классика, 2020. 704 с.
Hobbes T. *Leviathan: the matter, form, and power of a commonwealth, ecclesiastical and civil.* St. Petersburg: Azbuka-Klassika, 2020, 704. (In Russ.)
23. Спиридонов Л. И. Теория государства и права. М.: Проспект, 1996. 300 с.
Spiridonov L. I. *Theory of state and law.* Moscow: Prospekt, 1996, 300. (In Russ.)
24. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М.: Норма; Инфра-М, 2011. 799 с.
Maltsev G. V. *Social foundations of law.* Moscow: Norma; Infra-M, 2011, 799 p. (In Russ.)
25. Кашанин А. В. Неопределенность права и усмотрение правоприменителя как ограничители использования централизованных методов регулирования. *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2013. № 4. С. 19–36.
Kashanin A. V. Legal indeterminacy and juridical discretion as limitations on the centralized methods of regulation. *Public Administration Issues*, 2013, (4): 19–36. (In Russ.)
26. Костишина С. А. Институциональный подход в современной юридической науке. *Юрист-Правоведъ*. 2012. № 5. С. 80–82.
Kostishina S. A. Institutional approach in modern jurisprudence. *Jurist-Pravoved*, 2012, (5): 80–82. (In Russ.)
27. Давыденкова А. Г. Философия личности и культурно-институциональные процессы. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2005. 220 с.
Davydenkova A. G. *Philosophy of personality and cultural and institutional processes.* St. Petersburg: Pushkin LSU, 2005, 220. (In Russ.)
28. Ларин Ю. В. Онто-логика культуры. Тюмень: Тюмен. гос. ун-т, 2004. 163 с.
Larin Y. V. *Onto-logic of culture*. Tyumen: UTMN, 2004, 163. (In Russ.)
29. Васильева Е. Н. Институционализация экономической деятельности как системообразующий фактор становления культуры предпринимательства. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии*. 2008. № 1. С. 70–72.
Vasilieva E. N. Institutionalization of economic activity as a system-forming factor in the formation of a culture of entrepreneurship. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 7. Filosofiia. Sotsiologiia i sotsialnye tekhnologii*, 2008, (1): 70–72. (In Russ.)
30. Жуковский В. И., Мухина Ю. С., Романова В. Э. Дифференциальная игра N лиц, в которой существует паретовское равновесие угроз и контругроз, но отсутствует равновесие по Нэшу. *Известия Института математики и информатики Удмуртского государственного университета*. 2021. Т. 57. С. 104–127. https://doi.org/10.35634/2226-3594-2021-57-04
Zhukovskii V. I., Mukhina Yu. S., Romanova V. E. A differential game of N persons in which there is a Pareto equilibrium of objections and counterobjections and no Nash equilibrium. I*zvestiya Instituta Matematiki i Informatiki Udmurtskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2021, 57: 104–127. (In Russ.) https://doi.org/10.35634/2226-3594-2021-57-04

31. Флигстин Н. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений. *Экономическая социология*. 2001. Т. 2. № 4. С. 28–55.
Fligstein N. Fields, power, and social skills: a critical analysis of new institutional trends. *Journal of Economic Sociology,* 2001, 2(4): 28–55. (In Russ.)
32. Аболафия М. Рынки как культуры: этнографический подход. *Экономическая социология*. 2003. Т. 4. № 2. С. 63–72.
Abolafia M. Markets as cultures: an ethnographic approach. *Journal of Economic Sociology,* 2003, 4(2): 63–72. (In Russ.)
33. Гарипова Р. Р., Хайруллина Ю. Р., Трошина Д. А. Институционализация социального предпринимательства в Республике Татарстан. *Вестник экономики, права и социологии*. 2021. № 2. С. 80–83.
Garipova R. R., Khayrullina Yu. R., Troshina D. A. Institutionalization of social entrepreneurship in the Republic of Tatarstan. *The Review of Economy, the Law and Sociology,* 2021, (2): 80–83. (In Russ.)
34. Кильдюшов О. Проблема социального порядка (Гоббсова проблема): к эвристике и прагматике конститутивного вопроса современной теории общества. *Социологическое обозрение*. 2016. Т. 15. № 3. С. 122–149. https://doi.org/10.17323/1728-192x2016-3-122-149
Kildyushov O. The problem of social order (a Hobbesian problem): towards the heuristics and pragmatics of the constitutive question of contemporary social theory. *Russian Sociological Review*, 2016, 15(3): 122–149. (In Russ.) https://doi.org/10.17323/1728-192x2016-3-122-149
35. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. 586 с.
Ortega y Gasset J. *The aesthetics. Philosophy of culture.* Moscow: Iskusstvo, 1996, 586. (In Russ.)
36. Armour J., Hansmann H., Kraakman R., Pargendler M. What is corporate law? In: Kraakman R., Armour J., Davies P., Enriques L., Hansmann H. B., Hertig G., Hopt K. J., Kanda H., Rock E. B. *The anatomy of corporate law: a comparative and functional approach*, 3rd ed. Oxford: Oxford Academic, 2017, 1–28. https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198739630.003.0001
37. Покровский А. В. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2013. 349 с.
Pokrovsky A. V. *Main problems of civil law*. Moscow: Statut, 2013, 349. (In Russ.)
38. Schmolke K. U. Expulsion and valuation clauses – freedom of contract vs. legal paternalism in German partnership and close corporation law. *European Company and Financial Law Review*, 2012, (3): 406–408. https://doi.org/10.1515/ecfr-2012-0380
39. Robinson J. *The generalization of the general theory and other essays.* 2nd ed. London: McMillan, 1952, 198.
40. Вебер М. Наука как призвание и профессия. *Избранные произведения.* М.: Прогресс, 1990. С. 707–735.
Weber M. Science as a vocation and profession. *Selected works*. Moscow: Progress, 1990, 707–735. (In Russ.)
41. Харрисон Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма. М.: Мысль, 2016. 286 с.
Harrison L. *Jews, confucians, and protestants: cultural capital and the end of multiculturalism*. Moscow: Mysl, 2016, 286. (In Russ.)
42. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 390 с.
Bauman Z. *Individualized society*. Moscow: Logos, 2002, 390. (In Russ.)

оригинальная статья

Оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации

Каган Елена Сергеевна
Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово
https://orcid.org/0000-0002-8470-961X

Рыжих Ксения Эдуардовна
Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово
https://orcid.org/0000-0002-5768-2554

Медянцева Светлана Геннадьевна
Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово
https://orcid.org/0000-0001-7682-2754
smedyanceva@yandex.ru

Поступила 14.03.2022. Принята после рецензирования 18.05.2022. Принята в печать 06.06.2022.

Аннотация: Актуальность оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации (ОЭФД РОИВ) как инструмента управления по результатам (УПР) обусловлена ее нацеленностью на измерение успешности деятельности регионов в направлении повышения качества жизни. Цель – характеристика ОЭФД РОИВ и оценка ее эффективности как инструмента УПР на основе сопоставления результатов оценки в 2019 г. с Рейтингом регионов РФ по качеству жизни – 2019 г. (на основе показателей 2018–2019 гг.), определяющим различия регионов в качестве жизни населения. Методы исследования: статистический анализ данных, включающий корреляционный анализ, анализ различий и дисперсионный анализ. Проведенный анализ показал, что система ОЭФД РОИВ находится в процессе становления и обладает ограниченной эффективностью: существует зависимость качества жизни населения в регионе от размера гранта. Выделены проблемы ОЭФД РОИВ: смешение понятий *эффективность* и *результативность*, отсутствие четких критериев ОЭФД РОИВ, неспособность органов власти влиять на многие оцениваемые показатели, недостаточное освещение результатов оценки. Сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования ОЭФД РОИВ как инструмента УПР в теоретическом и прикладном аспектах.
Ключевые слова: управление по результатам, оценка эффективности деятельности, грантовое поощрение, органы исполнительной власти, субъекты Российской Федерации, качество жизни, социально-экономическое различие, статистический анализ

Цитирование: Каган Е. С., Медянцева С. Г., Рыжих К. Э. Оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2022. Т. 7. № 3. С. 315–322. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-3-315-322

full article

Executive Authorities of the Subjects of the Russian Federation: Performance Assessment

Elena S. Kagan
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
https://orcid.org/0000-0002-8470-961X

Ksenia E. Ryzhikh
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
https://orcid.org/0000-0002-5768-2554

Svetlana G. Medyantseva
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
https://orcid.org/0000-0001-7682-2754
smedyanceva@yandex.ru

Received 14 Mar 2022. Accepted after peer review 18 May 2022. Accepted for publication 6 Jun 2022.

Abstract: The performance assessment of the Russian regional executive authorities is an important performance management tool that measures the progress the regions make in improving the quality of life. The research objective was to characterize the performance assessment of the executive authorities in Russian regions as a performance management tool.

© 2022. Автор(ы). Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

The authors studied the Quality of Life Rating 2019, which determined the differences between regions in this parameter. The research methods included statistical data analysis, correlation analysis, difference analysis, and variance analysis. The system of the performance assessment proved to be of limited effectiveness because it is still forming: the quality of life of the population in the regions depends on the size of the grant. The current performance assessment system confuses the concepts of *performance* and *effectiveness* and lacks clear criteria for the performance of the executive authorities. The regions are unable to influence the assessment indicators, the results of which are not transparent enough. Therefore, the performance assessment of the regional executive authorities needs to be improved as a performance management tool in theoretical and applied aspects.
Keywords: performance management, performance assessment, grant incentives, executive authorities, subjects of the Russian Federation, quality of life, socio-economic difference, statistical analysis

Citation: Kagan E. S., Medyantseva S. G., Ryzhikh K. E. Executive Authorities of the Subjects of the Russian Federation: Performance Assessment. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(3): 315–322. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-3-315-322

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что ОЭФД РОИВ как инструмент УПР должна измерять достижение показателей качества жизни, выявлять проблемы развития регионов и создавать конкуренцию между ними за гранты. Однако ее реализация сопряжена с проблемами: отсутствием единого понимания эффективности деятельности данных органов власти, ограниченностью влияния на показатели, недостаточной открытостью информации. С 2007 г. по настоящее время нормативно-правовое обеспечение подвергается значительным изменениям для обеспечения комплексности и объективности оценки. При этом сроки действия двух последних из утративших силу Указов Президента РФ (№ 548 от 14.11.2017 и № 193 от 25.04.2019) составили в среднем 2 года, что свидетельствует о повышенном внимании федерального центра к оценке качества жизни в регионах; подчеркивает сложность установления показателей, на которые регионы способны воздействовать в пределах собственного влияния.

Теоретическую основу исследования составили работы отечественных исследователей в сфере государственного управления (госуправление), изучающих ОЭФД РОИВ в качестве инструмента УПР, внедренного в практику госуправления в ходе административной реформы [1–15]. Помимо этого, научным вкладом в решение проблемы являются работы, освещающие ОЭФД РОИВ в контексте оценивания качества госуправления в целом [16–23]. Несмотря на значительное количество работ, важно отметить отсутствие исследований, опирающихся на методы количественного анализа ОЭФД РОИВ, в том числе ее эффективности. Во многом это связано с ограниченностью находящейся в открытом доступе информации о ее результатах. Целью статьи является характеристика ОЭФД РОИВ и оценка ее эффективности как инструмента УПР. Статистический анализ данных проводился с применением таких методов, как корреляционный анализ, анализ различий, дисперсионный анализ.

Становление ОЭФД РОИВ

ОЭФД РОИВ была создана в 2007 г. как инструмент УПР. Цель создания – измерять и контролировать достижение исполнительной властью регионов показателей качества жизни (из перечня, утвержденного Президентом РФ), характеризующих социально-экономическое развитие (СЭР). Достижение этих показателей давало регионам право на получение федеральных грантов. Выбирать показатели качества жизни было достаточно сложно. Так, в 2007–2012 гг. ввиду перехода от выборов к прямому назначению глав регионов процесс ОЭФД РОИВ требовал большей прозрачности [2]. Его правовой основой стала ст. 26.3-2 ФЗ № 184-ФЗ от 06.10.1999, установившая обязанности Президента (утверждать перечень показателей) и глав регионов (представлять Президенту доклады о фактически достигнутых и планируемых значениях показателей), право Президента и / или Правительства выделять гранты для содействия достижению и / или поощрения достижения показателей. Изданный Указ № 825 от 28.06.2007 включал 48 показателей, большинство из которых охватывали здравоохранение, образование, энергетику, занятость, доходы, экономику, жилье (табл. 1). Постановление Правительства РФ № 322 от 15.04.2009 закрепило методику оценки (ее предмет – результаты деятельности органов в 11 сферах), форму доклада глав регионов о достигнутых значениях порядка 319 показателей для оценки за отчетный год и их планируемых значениях на трехлетний период. Постановление № 608 от 14.08.2008 регламентировало Правила предоставления грантов 10 регионам с учетом значений оценки.

С 2012 по 2017 гг. вследствие необходимости сокращения показателей, повышения объективности оценки, установления стратегических целей на 2012–2020 гг., возврата прямых выборов глав регионов [21] был принят Указ № 1199 от 21.08.2012 с 12 основными показателями: большинство охватывали демографию, занятость, доходы, экономику (табл. 1).

Постановление № 1142 от 03.11.2012 утвердило перечень из порядка 44 особых индивидуальных показателей;

методику оценки (предмет – результаты деятельности органов в 5 сферах); Правила предоставления грантов 20 регионам на основе значений оценки, которые были выделены по итогам 2012 г. и 2013 г.

Постановление № 1408 от 23.12.2015 утвердило Правила предоставления межбюджетных трансфертов регионам, достигшим наиболее высоких темпов СЭР; методику оценки развития, для проведения которой применялись значения показателей ОЭФД РОИВ. По итогам 2014 г. и 2015 г. трансферты получили 20 регионов, по итогу 2016 г. – 40, т. е. фактически ОЭФД РОИВ была заменена на оценку темпов СЭР. Сохранилась тенденция роста количества показателей: сформированы рейтинги оценки по поддержке предпринимательства и некоммерческого сектора, исполнению переданных полномочий РФ, улучшению инвестиционного климата.

Изданный Указ № 548 от 14.11.2017 утверждал перечень из 24 показателей для совершенствования системы оценки, исключения возможности одновременного использования нескольких систем, наращивания экономического потенциала регионов: большинство показателей охватывали госуправление, занятость, доходы, экономику (табл. 1).

Постановление № 472 от 19.04.2018 закрепило две методики оценки и Правила предоставления грантов 40 регионам по итогам оценки наращивания экономического потенциала, которые были распределены по итогу 2017 г. Первая методика оценки – по повышению СЭР для формирования рейтинга по итогам оценки. Предмет – результаты деятельности органов в 5 сферах. Вторая – по наращиванию экономического потенциала для распределения грантов по итогам оценки. Предмет – результаты деятельности органов в 5 сферах.

Ввиду установления национальных целей (наццели) до 2024 г. был издан Указ № 193 от 25.04.2019 с перечнем из 15 показателей: большинство охватывали экономику, жилье и города (табл. 1). Постановление № 915 от 17.07.2019 утвердило методики расчета 14 показателей за отчетный период до 2024 г. включительно. Постановление № 1537 от 29.11.2019 определило порядок распределения грантов в 2019 г. между 50 регионами на основе итогового рейтинга оценки.

С учетом увеличения горизонта планирования наццелей до 2030 г. принят Указ № 68 от 04.02.2021 с перечнем из 20 показателей: большинство охватывают экономику, жилье и города (табл. 1). Постановление № 542 от 03.04.2021 утвердило методики расчета 19 показателей за отчетный период до 2030 г. включительно. Правила распределения грантов должны были быть утверждены Правительством до 01.07.2022, однако они не опубликованы, возможно, отсутствуют в открытом доступе. Ввиду утраты силы с 01.06.2022 ст. 26.3-2 ФЗ № 184-ФЗ от 06.10.1999 правовой основой оценки стала ст. 35 ФЗ № 414-ФЗ от 21.12.2021, устанавливающая обязанности Президента РФ (утверждать перечень показателей) и Правительства РФ (представлять ему доклады о достигнутых регионами и планируемых значениях показателей), право Президента РФ и / или Правительства РФ предоставлять гранты регионам на основе достигнутых ими фактических значений (уровней) показателей.

В табл. 1 представлены выделенные авторами группы показателей ОЭФД РОИВ, утвержденных Указами Президента РФ за 2007–2021 гг., где полужирным курсивом выделено максимальное количество показателей в рамках каждого Указа.

В целом с 2007 по 2021 гг. наблюдалось сокращение показателей, которые, однако, в большей степени становятся агрегированными, т. е. их перечень фактически предполагает расчет большего числа показателей при сохранении направленности на максимально возможный охват сфер качества жизни населения. Это снижает прозрачность оценивания с точки зрения того, какие показатели реально влияют на качество жизни. Наиболее актуальными группами остаются экономика и регулирование, жилье и города, а к новым можно отнести экологию, технологии. Важным остается оценка эффективности ОЭФД РОИВ как инструмента государственного управления. С этой целью обратимся к результатам ОЭФД РОИВ в 2019 г. и определим, выполняла ли она свои функции.

Табл. 1. Группы показателей ОЭФД РОИВ за 2007–2021 гг.
Tab. 1. Indicators groups of performance assessment of Russian regional executive authorities, 2007–2021

Группы	Указ № 825 от 28.06.2007	Указ № 1199 от 21.08.2012	Указ № 548 от 14.11.2017	Указ № 193 от 25.04.2019	Указ № 68 от 04.02.2021
Демография	2	***4***	3	2	2
Здравоохранение, здоровье	***6***	0	0	0	1
Образование	***6***	1	0	1	2
Культура	2	0	0	0	2
Госуправление	4	1	***6***	1	1
Занятость, доходы	***5***	***2***	***4***	2	2
Экономика, регулирование	***5***	***2***	***4***	***4***	***3***
Финансы	1	1	3	0	0
Социальные услуги	1	0	0	0	1
Экология	0	0	0	1	1
Жилье и города	***5***	1	2	***3***	***3***
Транспорт	1	0	1	1	1
Энергетика	***6***	0	0	0	0
Технологии	0	0	0	0	1
Сельское хозяйство	2	0	0	0	0
Безопасность	2	0	1	0	0
Итого показателей	**48**	**12**	**24**	**15**	**20**

Результаты ОЭФД РОИВ в 2019 г. и оценка ее эффективности

Конечной целью оценки является измерение и мониторинг качества жизни населения в регионах, поэтому необходимо определить, действительно ли гранты получают регионы с высоким качеством жизни. Для этого были использованы данные Рейтинга регионов РФ по качеству жизни – 2019 (Рейтинг), построенного рейтинговым агентством «РИА Рейтинг» на основе показателей 2018–2019 гг. и определяющего различия регионов в качестве жизни населения. Основа его методики – комплексный учет показателей из групп доходов, занятости, жилищных условий, безопасности проживания, демографии, экологии и климата, здоровья и образования, социальной инфраструктуры, экономического развития, малого бизнеса, транспорта. Места в Рейтинге определяются на основе интегрального рейтингового балла (максимально возможное значение – 100, минимально возможное – 1) путем агрегирования рейтинговых баллов регионов по всем группам. Рейтинг разделяет регионы на 3 группы:

- лидеры (1–10 место);
- середина (11–75 место);
- аутсайдеры (76–85 место)[1].

На сайте Правительства РФ не предусмотрено опубликование итогового рейтинга ОЭФД РОИВ, в открытом доступе есть лишь информация о распределении грантов на его основе (размер гранта, исходя из которого можно узнать место региона). Наиболее актуальным является распределение грантов в 2019 г. между 50 регионами (на основе достигнутых значений показателей за 2018 г. и за первого полугодие 2019 г.).

Для оценки эффективности ОЭФД РОИВ как инструмента государственного управления выдвинем две гипотезы.

1. Наблюдается прямая связь между качеством жизни в регионах, определяемым отнесением региона к одной из трех групп итогового рейтинга, и выделением региону федерального гранта.
2. Наблюдается прямая связь между качеством жизни в регионах, определяемым отнесением региона к одной из трех групп итогового рейтинга, и размером полученного регионом федерального гранта.

Для подтверждения (опровержения) первой гипотезы был проведен корреляционный анализ путем построения таблицы сопряженности (табл. 2) и сравнения процентов с помощью многофункционального критерия Фишера [24].

В табл. 2 представлена информация о распределении 85 регионов по предоставлению (непредоставлению) им грантов на основе итогового рейтинга ОЭФД РОИВ в 2019 г. в рамках групп регионов Рейтинга.

Табл. 2. Распределение регионов по предоставлению (непредоставлению) грантов в рамках групп Рейтинга регионов РФ по качеству жизни – 2019

Tab. 2. Distribution of regions for the provision (non-provision) of grants within the groups of the Quality of Life Rating 2019

Грант	Группы регионов			Всего
	Лидеры	Середина	Аутсайдеры	
Предоставлен	7 (70 %)	38 (58 %)	5 (50 %)	50
Не предоставлен	3 (30 %)	27 (42 %)	5 (50 %)	35
Всего	10	65	10	85

Согласно результатам сравнительного анализа, в группе лидеров по качеству жизни по сравнению с группой аутсайдеров большей доле регионов были предоставлены гранты (70 % и 50 % соответственно, p=0,18). При этом коэффициент корреляции между размером предоставляемого региону гранта и рейтингом региона по качеству жизни был равен 0,33 и являлся статистически значимым. Однако значение коэффициента детерминации, равное 0,11, свидетельствует о том, что распределение грантов лишь на 11 % зависит от качества жизни в регионе, а на 89 % – от неучтенных факторов. Таким образом, первая гипотеза не подтвердилась. Графические результаты корреляционного анализа представлены на рис. 1, где выделена группа регионов, которым гранты не предоставлены.

Для подтверждения (опровержения) второй гипотезы из общей выборки были исключены регионы, не получившие гранты, а для оставшейся группы был рассчитан коэффициент корреляции между двумя показателями: размером гранта и Рейтингом. Коэффициент корреляции был равен 0,51 ($p<0,05$). Можно сделать вывод, что наблюдается прямая зависимость между показателями: чем выше качество жизни в регионе, тем больший размер гранта он получает (рис. 2).

Для подтверждения предположения о том, что существует зависимость между принадлежностью регионов к группе в рамках Рейтинга и размером полученного гранта на основе итогового рейтинга ОЭФД РОИВ, был проведен однофакторный дисперсионный анализ. Он показал, что существуют статистически значимые различия в размерах гранта, выделяемых регионам, в зависимости от групп регионов в рамках Рейтинга (p=0,0051). Так, наиболее высокий средний размер грантов (1228689 тыс. руб.) – у регионов-лидеров, наименьший (560987 тыс. руб.) – у регионов-аутсайдеров (рис. 3).

По результатам статистического анализа данных, в целом выдвигаемое во второй гипотезе предположение подтверждено: наблюдается тенденция зависимости размера гранта от качества жизни населения в регионе. Таким образом, опровержение первой и подтверждение второй гипотезы

[1] Рейтинг регионов РФ по качеству жизни – 2019. *РИА Рейтинг*. М., 2020. 62 с. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2019.pdf (дата обращения: 29.11.2021).

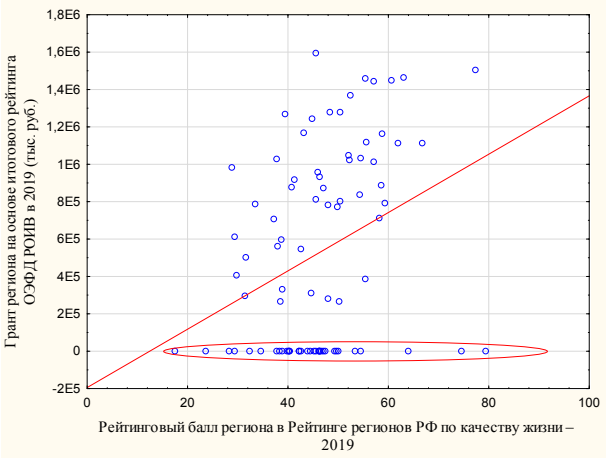


Рис. 1. Диаграмма рассеяния (выборка – 85 регионов)
Fig. 1. Scatter diagram (sample – 85 regions)

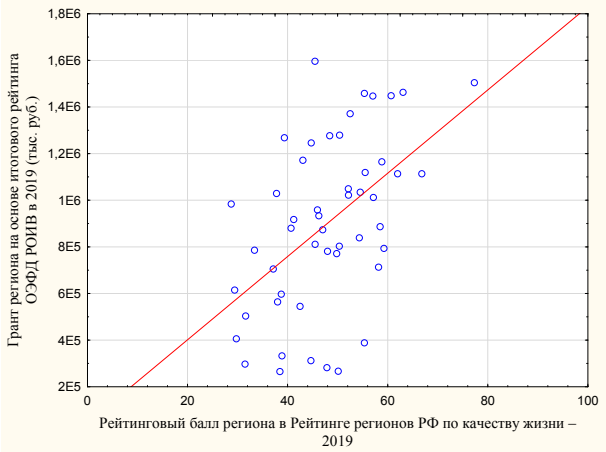


Рис. 2. Диаграмма рассеяния (выборка – 50 регионов, получивших гранты)
Fig. 2. Scatter diagram (sample – 50 regions that received grants)

позволило выявить наличие не получивших гранты регионов, принадлежащих к разным группам по качеству жизни (в группе *лидеры* 30 % не получили гранты, *середина* – 42 %, *аутсайдеры* – 50 %). С одной стороны, имеются регионы с высокими показателями качества жизни, не получающие грантовую поддержку, а с другой – регионы с относительно низкими показателями, получающие грантовую поддержку. Такой результат свидетельствует о несовершенстве системы ОЭФД РОИВ. При этом можно согласиться с тем, что на эффективность ОЭФД РОИВ оказывают влияние искажающие факторы. В литературе выделяются такие проблемы, как искажение данных и реального положения дел в регионах [7; 14; 16], связанное с неспособностью влиять на показатели [7; 14; 16; 18; 19], давлением федерального центра [7], наличием грантового поощрения [15; 22].

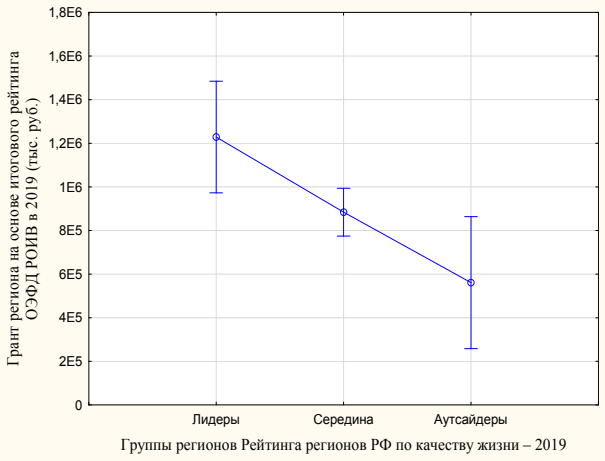


Рис. 3. График средних значений размеров грантов в группах регионов с различным качеством жизни
Fig. 3. Graph of average values of grant sizes in groups of regions with different quality of life

В целом можно выделить проблемы сформированной к настоящему времени ОЭФД РОИВ: смешение понятий *эффективность* и *результативность*, отсутствие четких критериев эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ [14]. Лишь в методиках за 2007–2019 гг. был установлен предмет оценки (результаты деятельности органов в определенных сферах), а с 2018 по 2019 гг. для показателя «Оценка населением эффективности деятельности органов государственной власти РФ», введенного согласно Указу № 548, рассчитываемого в среднем по РФ и в разрезе регионов, использовалось понятие *эффективность* («способность выполнять работу и достигать необходимого или желаемого результата с наименьшими затратами времени и усилий»[2]). Сравнение предмета и понятия свидетельствует о смешении терминов *эффективность* и *результативность*, что затрудняет использование данного инструмента УПР на практике. Терминологическая неточность может объясняться разными подходами к понятию *эффективность* [14], отсутствием адекватных количественных характеристик деятельности органов [18]. Важно нормативно обосновать терминологию при участии экспертного сообщества.

Органы власти не могут влиять на показатели из-за следующих факторов: 1) действий органа, отражающихся лишь в долгосрочной перспективе [7]; 2) внешних факторов (мировые экономические кризисы, решения федерального уровня, межрегиональное взаимодействие, разделение труда и др.) [7; 25][3]; 3) непостоянства системы оценки (даже в рамках отдельных этапов) при слабой математической обоснованности расчетов и сворачиваемости в индексы [17] ввиду направленности на текущее

[2] О методиках расчета показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Постановление Правительства РФ № 1373 от 14.11.2018. *СЗ РФ*. 26.11.2018. № 48. Ст. 7415.

[3] Маслов Д. В., Дмитриев М. Э., Айвазян З. С. Отдельные аспекты трансформации государственного управления: процессы и качество. *ЦСР*. М., 2018. 58 с. URL: https://www.csr.ru/upload/iblock/9d1/9d197cfc151443ba73dfee106afcc810.pdf (дата обращения: 29.11.2021).

решение проблем [21] и установления произвольных ориентиров, что приводит к несопоставимости данных за разные отчетные периоды и усилению проблем, потере общественного доверия и серьезного служебного отношения [11][4]. Показатели должны соответствовать конкретным собственным полномочиям регионов [19], которые, однако, не обозначены в законодательстве, формируются по остаточному принципу. Что касается совместных полномочий РФ и регионов, то не определен конкретный объем участия регионов [15].

Недостаточно освещены результаты оценки по причине отсутствия опубликования на сайте Правительства РФ итогового рейтинга регионов. Оценивание, по сути, является узким инструментом федерального центра для мониторинга достижения регионами заданных показателей. Не предусмотрено информирование населения [17], являющегося конечным потребителем, о качестве работы исполнительной власти регионов. В целях снижения искажения данных необходимо полное и своевременное представление информации об итогах оценки на сайте Правительства РФ, освещение в СМИ соответствующей деятельности, внешний независимый аудит.

Заключение

Таким образом, ОЭФД РОИВ, введенная в 2007 г., находится в процессе становления, что находит свое отражение в постоянном изменении процедур и критериев. Непостоянство процедуры оценки деятельности исключает возможность проведения сравнительного анализа по годам, подчеркивает сложность установления показателей, на которые регионы могут влиять с учетом имеющихся полномочий и ресурсов.

Проведенный статистический анализ данных ОЭФД РОИВ за 2019 г. показал, что нет зависимости между качеством жизни населения и получением регионом грантов. При этом есть зависимость качества жизни населения в регионе от размера гранта, что говорит об ограниченной эффективности ОЭФД РОИВ как инструмента государственного управления. Все это делает важным дальнейшее изучение ОЭФД РОИВ как с практической, так и с теоретической точек зрения.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.
Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Добролюбова Е. И. Внедрение принципов и процедур управления по результатам в Российской Федерации: промежуточные итоги и направления развития. *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2008. № 3. С. 133–165.
   Dobrolyubova E. I. Implementing performance management principles and procedures in the Russian Federation: interim results and further development priorities. *Public Administration Issues*, 2008, (3): 133–165. (In Russ.)
2. Мальцев А. В. Опыт применения контрольных показателей при реализации стратегии региона. *Вопросы государственного и муниципального управления.* 2009. № 2. С. 25–41.
   Maltsev A. V. Application of key performance indicators in regional strategy execution. *Public Administration Issues*, 2009, (2): 25–41. (In Russ.)
3. Барабашев А. Г., Клименко А. В. Административная реформа и реформа государственной службы в России – вопросы реализации и координации. М.: ГУ ВШЭ, 2010. 80 с.
   Barabashev A. G., Klimenko A. V. *Administrative and civil service reform in Russia: implementation and coordination issue.* Moscow: SU HSE, 2010, 80. (In Russ.)
4. Барабашев А. Г., Клименко А. В. Состояние и направления реформ российского госуправления. М.: НИУ ВШЭ, 2017. 88 с.
   Barabashev A. G., Klimenko A. V. *State and directions of reforms in Russian public administration*. Moscow: NRU HSE, 2017, 88. (In Russ.)
5. Александров О. В., Добролюбова Е. И., Южаков В. Н. Мониторинг внедрения управления по результатам в деятельность органов государственной власти и местного самоуправления. *Вопросы государственного и муниципального управления.* 2012. № 3. С. 135–146.
   Alexandrov O. V., Dobrolyubova E. I., Yuzhakov V. N. Monitoring of performance management introduction into bodies of public administration and into bodies of local government. *Public Administration Issues*, 2012, (3): 135–146. (In Russ.)

[4] Там же.

6. Добролюбова Е. И., Южаков В. Н., Александров О. В. Внедрение управления по результатам в рамках реализации административной реформы в Российской Федерации: на пути к созданию новой модели государственного управления. *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2014. № 2. С. 28–47.
Dobrolyubova E. I., Yuzhakov V. N., Alexandrov O. V. Implementation of the performance management as a part of administrative reform in Russia: towards the creation of a new model of public administration. *Public Administration Issues*, 2014, (2): 28–47. (In Russ.)
7. Калгин А. С. Управление по результатам на региональном уровне: контроль или результативность? *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2012. № 3. С. 35–60.
Kalgin A. S. Performance management at the regional level: control and efficiency? *Public Administration Issues*, 2012, (3): 35–60. (In Russ.)
8. Калгин А. С. Административная реформа и административные ценности: анализ реформ в русле Нового государственного управления. М.: НИУ ВШЭ, 2014. 22 с.
Kalgin A. S. *Administrative reform and administrative values: an analysis of reforms in the mainstream of the New Public Management*. Moscow: NRU HSE, 2014, 22. (In Russ.)
9. Гусарова М. В., Овчинникова М. А. Управление по результатам в системе государственного управления в России: подходы и результаты реформирования за последние 10 лет. *Вопросы государственного и муниципального управления.* 2014. № 1. С. 98–126.
Gusarova M. V., Ovchinnikova M. A. Introducing performance management in the system of public administration in Russia: approaches and lessons learnt from the last decade of implementation. *Public Administration Issues*, 2014, (1): 98–126. (In Russ.)
10. Клименко А. В. Десятилетие административной реформы: результаты и новые вызовы. *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2014. № 1. С. 8–51.
Klimenko A. V. The decade of administrative reform: results and new challenges. *Public Administration Issues*, 2014, (1): 8–51. (In Russ.)
11. Клименко А. В. Управление и бюджетирование, ориентированные на результат. М.: НИУ ВШЭ, 2021. 48 с.
Klimenko A. V. *Performance management and budgeting.* Moscow: NRU HSE, 2021, 48. (In Russ.)
12. Южаков В. Н., Александров О. В., Добролюбова Е. И., Клочкова Е. Н. Внедрение управления по результатам в деятельность органов государственной власти: промежуточные итоги и предложения по дальнейшему развитию. М.: Дело, 2014. 176 с.
Yuzhakov V. N., Alexandrov O. V., Dobrolyubova E. I., Klochkova E. N. *Implementing performance management in public administration activity: interim results and proposals for further development.* Moscow: Delo, 2014, 176. (In Russ.)
13. Южаков В. Н., Добролюбова Е. И., Александров О. В., Клочкова Е. Н. Потенциал и инструментарий государственного управления по результатам. *Государственное управление: в поисках результативности*, под науч. ред. В. А. Мау, С. Е. Нарышкина. М.: Дело, 2016. С. 7–53.
Yuzhakov V. N., Dobrolyubova E. I., Alexandrov O. V., Klochkova E. N. The potential and tools of result-based public management. *Public administration: in search of efficiency*, eds. Mau V. A., Naryshkin S. E. Moscow: Delo, 2016, 7–53. (In Russ.)
14. Чепус А. В., Трифонов Ю. Н., Иванов А. В., Кондратенко А. Б., Беспалов С. В., Марача В. Г., Калмыков Н. Н., Сатырь Т. С. Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по итогам 2014 года. *Professional Science*. 2016. № 3. С. 48–75.
Chepus A. V., Trifonov Yu. N., Ivanov A. V., Kondratenko A. B., Bespalov S. V., Maracha V. G., Kalmykov N. N., Satyr T. S. An estimate of the effectiveness of the executive authorities of the Russian Federation at the end of 2014. *Professional Science*, 2016, (3): 48–75. (In Russ.)
15. Еремина О. Ю. О правовых проблемах оценивания органов государственной власти. *Журнал российского права.* 2016. № 11. С. 86–94. https://doi.org/10.12737/21993
Eremina O. Yu. On the legal problems of assessment of public authorities. *Journal of Russian Law*, 2016, (11): 86–94. (In Russ.) https://doi.org/10.12737/21993
16. Бочарова А. К. Механизм оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. М.: НИУ ВШЭ, 2012. 68 с.
Bocharova A. K. *Mechanism for evaluating effectiveness of the regional executive authorities' performance in the Russian Federation*. Moscow: NRU HSE, 2012, 68. (In Russ.)

17. Красноглазов А. Ю. Специфика механизма оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*. 2013. № 3-2. С. 135–140.
Krasnoglazov A. Yu. Specifics of the evaluation mechanism of efficiency of activity of enforcement authorities of subjects of the Russian Federation. *Izvestiia Tulskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i iuridicheskie nauki*, 2013, (3-2): 135–140. (In Russ.)
18. Лексин В. Н. Результативность и эффективность действий региональной и муниципальной власти: назначение и возможности корректной оценки. *Регион: экономика и социология*. 2012. № 1. С. 3–39.
Leksin V. N. Effectiveness of regional and local authorities: purposes and possibilities of the correct assessment. *Region: ekonomika i sotsiologiya*, 2012, (1): 3–39. (In Russ.)
19. Бухвальд Е. М. Проблемы оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. *Федерализм*. 2012. № 1. С. 17–28.
Buchwald E. M. Estimation problems of activities' efficiency of executive authorities of subjects of Russian Federation. *Federalizm*, 2012, (1): 17–28. (In Russ.)
20. Коварда В. В. Направления развития нормативно-правовой базы оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти регионов России. *Общество: политика, экономика, право*. 2018. № 8. С. 49–52. https://doi.org/10.24158/pep.2018.8.9
Kovarda V. V. The development areas of laws and regulations to assess the effectiveness of executive authorities in Russian Regions. *Society: Politics, Economics, Law*, 2018, (8): 49–52. (In Russ.) https://doi.org/10.24158/pep.2018.8.9
21. Киселёва Н. В. Проблема оценки эффективности государственного управления в современной России. *Социальные и гуманитарные знания*. 2020. Т. 6. № 2. С. 152–161. http://dx.doi.org/10.18255/2412-6519-2020-2-152-161
Kiseleva N. V. The issue of evaluating the effectiveness of public administration in modern Russia. *Social'nye i gumanitarnye znanija*, 2020, 6(2): 152–161. (In Russ.) http://dx.doi.org/10.18255/2412-6519-2020-2-152-161
22. Лубенникова С. А. Об оценке эффективности деятельности исполнительных органов государственной власти Российской Федерации. *Lex russica*. 2020. Т. 73. № 6. С. 68–76. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.163.6.068-076
Lubennikova S. A. Evaluation of the governmental agency effectiveness in the Russian Federation. *Lex russica*, 2020, 73(6): 68–76. (In Russ.) https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.163.6.068-076
23. Клименко А. В., Ларионов А. В., Минченко О. С. Сфера государственного управления и ее основные характеристики. М.: НИУ ВШЭ, 2021. 44 с.
Klimenko A. V., Larionov A. V., Minchenko O. S. *The sphere of public administration and its main characteristics*. Moscow: NRU HSE, 2021, 44. (In Russ.)
24. Каган Е. С. Прикладной статистический анализ данных. Кемерово: КемГУ, 2018. 235 с.
Kagan E. S. *Applied statistical data analysis*. Kemerovo: KemSU, 2018. 235. (In Russ.)
25. Клисторин В. И. Федеративные отношения, региональная политика и проблема деформации экономического пространства России. *Регион: экономика и социология*. 2013. № 3. С. 79–95.
Klistorin V. I. The Russian federative relations, regional policy, and deformed economic space. *Region: ekonomika i sotsiologiya*, 2013, (3): 79–95. (In Russ.)

оригинальная статья

Возможности использования доказательного подхода для анализа промышленной политики

Капогузов Евгений Алексеевич
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Россия, Омск
http://orcid.org/0000-0001-8083-5654
egenk@mail.ru

Чупин Роман Игоревич
Омский научный центр СО РАН, Россия, Омск
http://orcid.org/0000-0002-8904-1380

Поступила 17.03.2022. Принята после рецензирования 20.05.2022. Принята в печать 06.06.2022.

Аннотация: Цель – рассмотреть развитие концепции доказательной политики (evidence-based policy) в государственном управлении России в аспекте потенциала применения ее инструментария к анализу промышленной политики и к оценке эффективности экологических программ. Предмет исследования – промышленная политика. Методы: контент-анализ научных публикаций, институциональный анализ, эконометрические методы. Анализируется академический дискурс применительно к содержанию промышленной политики в российской экономической науке, отмечается его родственность зарубежным подходам и акцент на научной обоснованности как политики в целом, так и ее инструментария в частности. Рассматриваются положения Федерального закона № 488-ФЗ от 31.12.2014 «О промышленной политике» в части возможности применения инструментов доказательной политики. Результатом исследования являются сформированный на примере научных работ авторов в сфере экологии аналитический инструментарий и возможности его применения при принятии решений в сфере социально-экономической политики для достижения целей устойчивого развития и анализа возможных альтернатив при модернизации промышленности. Выводы: исследование промышленной политики может позволить предсказать последствия использования инструментария промышленной политики на этапе ее формулирования, разработки и оценки *ex ante*.
Ключевые слова: промышленная политика, доказательная государственная политика, общественно-экономические эффекты, национальные проекты, экологические программы, государственные программы

Цитирование: Капогузов Е. А., Чупин Р. И. Возможности использования доказательного подхода для анализа промышленной политики. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2022. Т. 7. № 3. С. 323–330. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-3-323-330

full article

Evidence-Based Approach in Industrial Policy Analysis

Evgeny A. Kapoguzov
Dostoevsky Omsk State University, Russia, Omsk
http://orcid.org/0000-0001-8083-5654
egenk@mail.ru

Roman I. Chupin
Omsk Research Centre, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Omsk
http://orcid.org/0000-0002-8904-1380

Received 17 Mar 2022. Accepted after peer review 20 May 2022. Accepted for publication 6 Jun 2022.

Abstract: This research featured the concept of evidence-based policy in the public administration of Russia in terms of its potential application to the industrial policy analysis. The methods included the content analysis of scientific publications, the institutional analysis, and various econometric techniques. The academic discourse was analyzed in relation to the content of industrial policy in Russian economic science and its affinity to foreign approaches. The author studied the Federal Law No. 488-FZ On Industrial Policy for the prospects of evidence-based policy tools. The article introduces a case of sustainable development in socio-economic policy and an analysis of possible alternatives for industrial modernization. The study of industrial policy can predict the consequences of applying the industrial policy toolkit at the stage of its formulation, development, and evaluation *ex ante*.
Keywords: industrial policy, evidence-based public policy, socio-economic outcomes, national projects, environmental programs, government programs

Citation: Kapoguzov E. A., Chupin R. I. Evidence-Based Approach in Industrial Policy Analysis. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(3): 323–330. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-3-323-330

© 2022. Автор(ы). Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

Введение

Как уже неоднократно отмечалось руководителем Счетной палаты РФ А. Л. Кудриным[1], в практике российского государственного управления все большее значение должно приобретать прикладное использование инструментария «"доказательной государственной политики" (далее – ДГП), или "государственной политики, основанной на доказательствах" (от англ. "evidence-based policy", EBP, или "evidence-based policy-making", EBPM)» [1, с. 90]. Несмотря на то, что данный подход реализуется уже более двух десятилетий в зарубежных странах, в частности в рамках восточноевропейского сообщества исследователей и образовательных организаций в сфере государственного управления (NISPAcee), соответствующая рабочая группа существует уже с 2008 г.[2], в российском академическом дискурсе первые публикации по данной тематике появляются только в 2015 г. Хотя существует ряд исследований по разным направлениям с использованием потенциала ДГП [1–3], Россия в исследовательском академическом дискурсе находится в ситуации «догоняющего развития». В прикладном контексте институционализации процесса внедрения ДГП в практику государственного управления содействуют как отдельные российские «продвинутые» структуры, такие как Счетная палата и ЦБ РФ, так и независимый аналитический think tank «Центр перспективных управленческих решений» (ЦПУР)[3].

Сущность ДГП как научно-исследовательского и прикладного подхода «состоит в формировании подкрепленной результатами научных исследований и научно обоснованными фактами доказательной базы предлагаемых вариантов… мероприятий социально-экономической политики с целью повышения качества исполнения решений» [3, с. 405]. Как отмечается чешскими исследователями, «использование фактов не может быть отделено от процесса реализации политики, в которую они встроены»[4] [4, p. 232]. Отсюда вытекает важность учета социально-экономического и культурного контекстов при разработке, принятии и исполнении мер государственной политики, а также готовности адресатов норм применять данный инновационный подход в повседневной деятельности.

Одним из ключевых барьеров при имплементации ДГП является недостаток имеющихся для реализации соответствующих инструментов управления данных и необходимой для принятия обоснованных решений информации. Для устранения данной проблемы ЦПУР был создан специальный подпроект, посвященный возможностям доступа исследователей к государственным данным[5], который по мере развития и вовлечения все большего числа как государственных органов, так и исследователей, должен помочь развитию прикладного потенциала ДГП. Одна из тех сфер, где необходимо использование этого потенциала, – сфера промышленной политики, составляющая предмет данной статьи. Целью исследования является рассмотрение потенциала применения доказательного подхода в контексте российского академического дискурса о промышленной политике и иллюстрация возможности его применения к оценке эффективности экологических программ в России, а также оценивание перспектив его применения при анализе промышленной политики в целом.

Теоретические основы

Применительно к понятию промышленной политики в российской экономической науке сложился достаточно обширный академический дискурс, в котором анализируются как отечественные, так и зарубежные позиции к определению ее содержания, инструментов и механизмов. Как подчеркивалось А. И. Татаркиным и О. А. Романовой, промышленная политика в европейских странах ассоциировалась с поддержкой отдельных отраслей и секторов [5]. Аналогичная позиция была отражена в нормативных документах различных ведомств, вплоть до принятия ФЗ № 488-ФЗ от 31.12.2014 «О промышленной политике в Российской Федерации».

По мнению Е. С. Чикановой, «в основе промышленной политики лежит трансформация производства для повышения его производительности, формирование и улучшение состояния уже существующих основных фондов промышленности, создание необходимых условий для притока новых технологий и инвестиций на международном уровне» [6, с. 198]. В этом смысле оценку эффективности и результативности экономической политики можно разделить на улучшение потенциала (создание необходимых условий) и повышение производительности промышленных отраслей. При этом сам факт существования промышленной политики связан с возможностью государства легитимно ее реализовывать, причем «эта возможность реализуется в форме промышленной политики, как только у влиятельного представителя правительства возникает

[1] Кудрин А. Л. Институты подотчетности и доказательная политика в России: направления для развития: докл. юбилейной панельной дискуссии, посвященной 30-летию со дня основания Леонтьевского центра и 115-летию лауреата Нобелевской премии В. В. Леонтьева (Санкт-Петербург, 11 сентября 2021 г.). URL: https://leontief-centre.ru/conference251 (дата обращения: 15.01.2022); выступление на панельной дискуссии «Доказательная политика в России. Как исследования на основе данных могут помочь российскому госуправлению?» в рамках юбилейной конференции экономического факультета МГУ (9 декабря 2021 г.). URL: https://www.econ.msu.ru/science/Article.20211123032431_9609/ (дата обращения: 15.01.2022).

[2] Working group evidence-based public policy making. *NISPAcee*. URL: https://www.nispa.org/conference2022.php?cid=300&sid=2397 (accessed 15 Jan 2022).

[3] Доказательная политика. *Центр перспективных управленческих решений*. URL: https://ebpm.cpur.ru/ (дата обращения: 15.01.2022).

[4] Здесь и далее по тексту перевод выполнен авторами статьи.

[5] Вяткин И. О., Комин М. О., Копыток В. К. Модели институционализации доступа исследователей к данным государства. М.: ЦПУР, 2021. 47 с.

идея о том, как должна быть устроена экономика, какими структурными свойствами она должна обладать» [7, с. 34], т. е. с нормативными представлениями политиков о том, какой должна быть структура экономики (какой должна быть «хорошая экономика»), в пользу кого (в случае селективного варианта промышленной политики) можно перераспределять общественные ресурсы в виде субсидий и иных преференций.

По Е. Н. Старикову, в применении к содержанию промышленной политики выделяются ресурсно-отраслевой и институциональный подходы [8, с. 8]. Содержание термина *промышленная политика* в рамках первого подхода близко к содержанию терминов *отраслевая политика* или *секторальная политика*, которое предполагает действия государства, направленные на поддержку или развитие конкретных секторов и отраслей экономики, в том числе на формирование «национальных чемпионов» как среди секторов, так и среди отдельных фирм, которым может быть оказана специальная поддержка. В этом смысле промышленная политика вступает в противоречие с антимонопольной, ключевая задача которой – создание равных возможностей для конкуренции и отсутствие специальных преференций для секторов, отраслей и фирм [9]. В контексте институционального подхода ключевым элементом промышленной политики на уровне региона является соответствующий формальный институт – региональная концепция – «идейно-ценностный ориентир, закладывающий фундамент стратегических, тактических и операционных действий по развитию промышленности региона» [10, с. 190]. Если анализировать определения сторонников институционального подхода, приведенные в монографии Е. Н. Старикова [8, с. 11], обращают на себя внимание неконкретность и методологический волюнтаризм в трактовке понятия *институт*, под которым понимается в том числе государство. На наш взгляд, речь идет о том, что промышленная политика не имеет конкретных инструментов и механизмов, с помощью которых достигает заявленных нормативных целей. Вместе с тем иногда промышленную политику разделяют на жесткую, в рамках которой используется селективный механизм поддержки отдельных отраслей через субсидии, протекционистские меры и др., и мягкую, когда промышленности предоставляются условия для развития через инфраструктурную поддержку или через иные механизмы (страхование, поддержка НИОКР, техническое регулирование, обучение и др.) [8, с. 38–39].

По Г. И. Идрисовой, «промышленная политика рассматривается как деятельность, направленная на компенсацию "провалов рынка", формирование благоприятной бизнес-среды, которая приводит к трансформации структуры экономики и формированию предпосылок экономического роста» [11, с. 7]. Схожую точку зрения имеет Д. Родрик, показывающий эволюционный характер политики. Изначально под промышленной политикой понимали политику по изменению структуры экономики, в частности направленную на формирование в экономике новых видов деятельности, реализация которой приводит к ускорению развития экономики и росту доходов. В дальнейшем был сделан акцент на то, что регулирование «провалов рынка» (в частности возникающих вследствие информационной асимметрии и координационных экстерналий) относится не только к промышленности или обрабатывающему производству, но и к сектору услуг, сельскому хозяйству, финансовым рынкам и даже к рынку труда [12].

Относительно инструментария промышленной политики Д. Родрик выделяет «вертикальные инструменты, которые поддерживают отдельно взятые, конкретные отрасли и виды деятельности, и горизонтальные инструменты, воздействующие на экономических агентов в различных отраслях в зависимости от какого-либо признака (экспортоориентированность, капитало- или трудоемкость, рентабельность, социальная значимость, наукоемкость)» [цит. по: 11, с. 10]. При этом вертикальные инструменты ассоциируются с традиционной промышленной политикой, носящей селективный характер, а горизонтальные – с новой (промышленной политикой «новых приоритетов», более рамочной и тем самым менее волюнтаристской и субъективной), входящей в противоречие с другими видами экономической политики, в частности с антимонопольной. Г. И. Идрисов считает, что «неявными отраслевыми приоритетами стали высокотехнологичные отрасли промышленности и высокомаржинальные сектора услуг (информационные технологии, связь, услуги финансового посредничества, бизнес-образования)» [11, с. 40].

Согласно опросу экспертов, приведенному в работе С. А. Толкачева и А. Ю. Теплякова, большая их часть отмечает, что «ни одна национальная модель промышленного развития не может служить институциональным образцом для России» [13, с. 113–114]. В этом плане заимствование инструментов промышленной политики из зарубежного опыта должно учитывать специфику российской институциональной системы, задачи и цели, стоящие перед страной в рамках национального развития. В этой связи, обращаясь к ФЗ № 488-ФЗ – основному формальному институту, определяющему развитие промышленной политики в России, отметим, что в ст. 3 дается следующее определение: «промышленная политика – комплекс правовых, экономических, организационных и иных мер, направленных на развитие промышленного потенциала Российской Федерации, обеспечение производства конкурентоспособной промышленной продукции»[6]. По сути, «за все хорошее против всего плохого»[7]. В ст. 4 провозглашаются

[6] О промышленной политике в РФ. ФЗ № 488-ФЗ от 31.12.2014. *СЗ РФ*. 05.01.2015. № 1. Ч. 1. Ст. 41.

[7] Яшин А. Я. Жизнь требует! *Разговор перед съездом,* сост. К. Озерова. М.: Сов. писатель, 1954. С. 310.

цели промышленной политики: «1) формирование высокотехнологичной, конкурентоспособной промышленности, обеспечивающей переход экономики государства от экспортно-сырьевого типа развития к инновационному типу развития; 2) обеспечение обороны страны и безопасности государства; 3) обеспечение занятости населения и повышение уровня жизни граждан Российской Федерации»[8].

Как полагают Ю. В. Вертакова с соавторами, в рамках закона выделяются «три основных траектории развития промышленной политики: стимулирование деятельности в сфере промышленности, территориальное развитие промышленности, особенности промышленной политики в оборонно-промышленном комплексе» [14, с. 49].

В целом инструментарий промышленной политики России заявлен в ФЗ № 488-ФЗ и, на наш взгляд, включает традиционные инструменты как рамочного регулирования экономики в целом (в классификации Е. Н. Старикова – институциональные), так и секторального регулирования, связанного с поддержкой отдельных отраслей промышленности. Большое влияние на инструментарий накладывает необходимость решения задач импортозамещения, которые, по Г. И. Идрисову, «не являются мерами промышленной политики в полном смысле, так как отсутствуют четкие критерии государственной поддержки с точки зрения как выбора приоритетных направлений (отраслей, отдельных предприятий и т. п.), так и выбора форм, объемов и сроков предоставляемой поддержки (прямые субсидии, налоговые льготы и др.)» [11, с. 85–86].

Среди принципов промышленной политики, предусмотренных ст. 4 ФЗ № 488-ФЗ, определены релевантные инструментарию ДГП (в расширенном понимании) элементы: «программно-целевой метод формирования документов стратегического планирования в сфере промышленности; измеримость целей развития промышленности и реализации мер стимулирования субъектов деятельности в сфере промышленности; мониторинг эффективности промышленной политики и контроль за ее реализацией»[9] и др. Соответственно, текст закона предусматривает некоторую взаимосвязь между ДГП и промышленной политикой, хотя и не конкретизирует инструментарий, по которому можно оценивать ее эффективность и разрабатывать инструментарий, содействующий учету обоснованности мероприятий и решений, принимаемых в сфере промышленной политики.

Данный вопрос об обоснованности (фундированности) промышленной политики рассматривался В. Л. Тамбовцевым. Исследователь отмечает (с опорой на работу К. Вайс [15], что использование научно обоснованных результатов для подтверждения (или оправдания) утверждений зачастую носит, с точки зрения общественности, политический характер, «когда полученные данные используются выборочно, чтобы подкрепить уже сформированные политические установки» [7, с. 38]. Это, по сути, может приводить к «симулякрам» ДГП, особенно с учетом того, что часто политики, как указывал Дж. М. Кейнс, имея собственное представление о целях экономического развития, находятся при этом в плену идей прошлого [16]. Такая ограниченная рациональность, согласно позиции Дж. Барона, может проводить к тому, что «как рядовые граждане, так и высокопоставленные политики ищут доказательства подтверждения правильности уже занятой ими позиции, придают большую значимость последней, чем она того в действительности заслуживает, и придают больший вес последним по времени подтверждениям» [7, с. 39]. Это во многом объясняет то, что даже в условиях подотчетности правительств и лиц, принимающих решения, зачастую наблюдается некорректное использование научных данных в сфере экономической политики [17].

Подводя итоги, можно констатировать, что вопрос о применении ДГП в сфере промышленной политики не является приоритетным в работах отечественных исследователей, и лишь в отдельных элементах ФЗ № 488-ФЗ находит свое отражение. Между тем использование данного подхода для методологического обоснования экономической политики в целом и промышленной политики в частности является, на наш взгляд, одним из ключевых резервов совершенствования механизмов принятия управленческих решений. В этой связи рассмотрим прикладное применение ДГП в сфере реализации экологических программ в России.

Результаты

Иллюстрацией применения доказательного подхода к экономической политике является возможность принятия решений в части поддержки или ограничения промышленности в конкретном регионе, исходя из комплекса взаимосвязанных факторов. Напиример, в рамках социально-экономической политики возникает выбор между необходимостью развития промышленных предприятий, обеспечивающих рабочие места, бюджетные отчисления и т. д., и экологическими аспектами устойчивого развития. Согласно логике целей устойчивого развития, общемировой тенденцией является поиск компромисса в сторону неухудшающего окружающую среду воздействия промышленных предприятий, вплоть до полного запрета их деятельности. Особо ярко это проявляется в последние годы в рамках концепции углеродной нейтральности, или снижения углеродного следа [18].

При отсутствии современной технологической базы, содействующей протеканию производственных процессов с минимальным воздействием на окружающую

[8] О промышленной политике в РФ...

[9] Там же.

среду, предприятия не заинтересованы нести дополнительные затраты на обеспечение соответствия экологическим стандартам. В данном случае действует правило ухудшающего отбора, при котором организации, не реализующие «зеленые» инвестиции, несут меньшее количество издержек и могут обеспечить меньшую цену при сохранении высокого уровня маржинальности готовой продукции.

Масштаб проблем гораздо шире и не сводится к борьбе с локальными опасными объектами, рекреации отдельных природных зон, контролю воздуха в крупных промышленных центрах. На сегодняшний день в сфере природопользования РФ напрямую или косвенно задействовано множество предприятий, на которых заняты десятки миллионов человек. Исходя из этого, практически невозможно, опираясь на традиционный подход к оценке полноты представления данных и аналитических материалов, произвести прогноз и обеспечить профилактику потенциально опасных воздействий. Так, в 2020 г. в России произошла катастрофа при участии ГМК Норильский Никель, в результате которой свыше 180 тыс. м^2 уникальной арктической территории подверглось негативному воздействию. При этом не представляется возможным считать, что данная ситуация стала следствием случайной аварии, вероятность которой сложно оценить. Ведущие российские эксперты солидарны во мнении, что норильскую трагедию можно было избежать посредством обеспечения текущего формирования больших данных о состоянии промышленных объектов; практиках компании по модернизации оборудования и процессов; внедрении систем обеспечения экологической безопасности; мнении граждан и иных организаций о ситуации «на местах». Следует отметить, что жители Норильска регулярно обращают внимание на экологическую ситуацию в регионе, тогда как федеральные службы (в том числе Ростехнадзор) выносили предписания и предупреждения компании о проблемах с хранением топлива.

В России анализируемая тематика отражена в двух ключевых нормативных документах: государственной программе «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» (Постановление Правительства РФ № 328 от 15.04.2014) и «Стратегии развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 года» (Распоряжение правительства РФ № 84-р от 25.01.2018). Проанализируем, как положения данных программ и предлагаемые в них меры могут воздействовать на стейкхолдеров – благополучателей. Основанием для обоснования аналитической работы в сфере промышленной политики в части природопользования является табл. 1.

Помимо этого, аналитическое обеспечение для принятия решений может быть связано с анализом данных, получаемых статистически. В этом плане вклад промышленной политики в благосостояние общества заключается в решении более широкой задачи, связанной с охраной общественного здоровья. Именно оно может рассматриваться как объект воздействия в рамках факторного анализа различных переменных, включающего как социальные, так и промышленные факторы / показатели (подробнее см. в [3]). Сгруппированный перечень факторов и заключение об устойчивости сводных результатов по оценке их значимости представлены в табл. 2.

В ходе исследований, проводимых в 2020–2021 гг., авторами была разработана модель, оценивающая влияние факторов на общественное здоровье (подробнее см. в [3]). Оценка модели показала, что экологические факторы как следствие деятельности промышленных объектов существенно влияют на заболеваемость населения.

Табл. 1. Группировка мероприятий государственных программ и стратегий, определяющих их воздействие на благополучателей
Tab. 1. State programs and strategies according to their impact on beneficiaries

Группа мер	Характер мер	Благополучатели
Меры по созданию системы обращения с твердыми бытовыми отходами и ликвидации несанкционированных свалок	• строительство комплексов по переработке отходов и мусорных полигонов; • разработка комплекса мероприятий по сортировке отходов с учетом территориальных схем • организация работы с промышленными отходами	• граждане • предприниматели
Меры по экологической реабилитации крупных водных объектов	• контроль над химическими стоками (в том числе грунтовых вод) в водные объекты • расчистка водоемов • обеспечение текущего учета заборов воды с целью ее промышленного использования	• граждане
Создание стимулов к использованию инструментов «зеленого» финансирования	• обеспечение дополнительных стимулов для локализации передовых технологий производства • учет износа хранилищ и иных потенциально опасных объектов промышленного назначения • установление критериев экологичности проектов для получения инвестиционных кредитов	• малые и средние предприниматели

Прим.: приведена по: [3, с. 407].

Табл. 2. Факторы, оказывающие влияние на общественное здоровье, результаты моделирования и устойчивость оценок
Tab. 2. Public health determinants, Simulation results and robustness of estimates

Фактор	Статистический показатель	Устойчивость оценок (по результатам моделирования)
Степень урбанизации	• удельный вес городских жителей в общей численности населения, % • численность постоянного населения в среднем за год, человек	–
Уровень преступности	• число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. человек	–
Уровень бедности	• доля населения с доходами ниже прожиточного минимума в общей численности населения, %	–
Самосохранительное поведение	• доля расходов на алкогольные напитки и табачные изделия в структуре расходов домохозяйств, % • доля расходов на медицинские цели в структуре расходов домохозяйств, %	+
Загрязнение водных объектов	• сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты, млн м^3	–
Выбросы в атмосферу	• выбросы загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников, в атмосферный воздух, тыс. т	+
Индустриализация	• доля промышленности в ВРП, %	+
Доступность и качество здравоохранения	• доля расходов на здравоохранение в консолидировованном бюджете, %	–

Прим.: приведена по: [3, с. 412]; источники информации: МВД России – для фактора *уровень преступности*, Федеральная служба государственной статистики – для всех остальных факторов.

Так, самосохранительное поведение оказывает несущественное, но значимое влияние на общественное здоровье: заболеваемость на 1000 человек (среди заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые) возрастает от потребления алкоголя, табака и наркотических веществ на 17 единиц. С увеличением выбросов загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников, в атмосферный воздух на единицу (т на душу населения) – на 107 единиц; с увеличением доли промышленности в ВРП на 1 % – на 3 единицы. Данный фактор подтверждает, что российские старопромышленные предприятия загрязняют окружающую среду и отрицательно воздействуют на человеческий капитал.

Заболеваемость значимо различается по федеральным округам. При прочих равных условиях в Центральном федеральном округе заболеваемость меньше на 52 единицы; в Северо-Кавказском – на 135 единиц; в Южном – на 109 единиц; в Северо-Западном – больше на 113 единиц.

В результате моделирования определена значимость влияния экологических факторов на уровень общественного здоровья. Отметим, что фактор атмосферных выбросов от стационарных объектов является наиболее существенным из анализируемых индикаторов. Данный факт свидетельствует о неудовлетворительном состоянии атмосферного воздуха в крупных индустриальных центрах, что, в свою очередь, напрямую связано с высоким уровнем заболеваемости (в том числе онкологическими заболеваниями) и отсутствием стабильного прироста качества жизни населения в крупных агломерациях.

При этом значимость социально-психологических и инфраструктурных эффектов не подтверждена, за исключением уровня индустриализации региональных экономик. Удельный вес промышленности в ВРП пусть и является значимым, но существенного прямого влияния не оказывает. В связи с этим следует предположить, что неудовлетворительное состояние атмосферного воздуха связано в первую очередь с наличием старопромышленных комплексов, имеющих малую долю в структуре ВРП, но обеспечивающих высокий уровень выбросов в окружающую среду. Возникает логичный вопрос: насколько важно сохранение старопромышленного «грязного» комплекса для устойчивого развития конкретной территории, и возможно ли, модернизировав данный объект (осуществляя «зеленые» инвестиции), существенно повысить инвестиционную привлекательность территорий и тем самым остановить отток населения или, напротив, привлечь новых жителей на обновленную рекультивированную территорию (как, например, это делает Кемеровская область – Кузбасс в части модернизации угледобывающих объектов [19]).

Заключение

В. Л. Тамбовцев относительно прикладных последствий применения потенциала ДГП к анализу промышленной политики пишет: «Наиболее плодотворны, с нашей точки зрения, исследования и разработки, способные доказательно демонстрировать вероятные экономические, социальные и политические последствия для различных стейкхолдеров, к которым приведет вариант промышленной политики, фактически осуществляемый правительством

той или иной страны» [20, с. 62]. Исследование промышленной политики фактически становится аналогичным использованию инструментария оценки регулирующего воздействия, уже более десяти лет применяемой в практике государственного управления на федеральном, региональном и местном уровнях. Уже имеющийся при имплементации оценки регулирующего воздействия опыт социального обучения стейкхолдеров должен помочь и при внедрении ДГП в практику деятельности государственных органов. В свою очередь, это может позволить предсказать последствия использования инструментария промышленной политики на этапе ее формулирования, разработки и оценки *ex ante*. Тем самым ДГП уже содействует возможности оценивать последствия принимаемых решений проактивно, а не реактивно, моделируя выгоды и издержки стейкхолдеров и обосновывая возможные их реакции на вводимые меры.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflicts of interest: The authors have declared no potential conflicts of interest in relation to the research, authorship and/or publication of this article.

Критерии авторства: Е. А. Капогузов – концептуализация, подбор литературы, теоретическое обоснование, подготовка введения и заключения. Р. И. Чупин – подбор и применение расчетно-аналитического инструментария, анализ и интерпретация результатов, заключения.
Contribution: E. A. Kapoguzov developed the research concept, reviewed scientific publications, defined the theoretical foundation, and wrote Introduction and Conclusion. R. I. Chupin selected and applied calculation and analytical tools, as well as interpreted the results.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках государственного задания Омского научного центра СО РАН (№ госрегистрации проекта: 121022000112-2).
Funding: The research was part of state task for the Omsk Research Centre, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Registration No.121022000112-2).

Литература / References

1. Волошинская А. А., Комаров В. М. Доказательная государственная политика: проблемы и перспективы. *Вестник Института экономики Российской академии наук.* 2015. № 4. С. 90–102.
   Voloshinskaya A. A., Komarov V. M. Evidence-based policy: problems and prospects. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences,* 2015, (4): 90–102. (In Russ.)
2. Сидорова А. А. Доказательная образовательная политика: методологические основы. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2016. № 57. С. 322–339.
   Sidorova A. A. Evidence-based educational policy: methodological foundations. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik,* 2016, (57): 322–339. (In Russ.)
3. Капогузов Е. А., Чупин Р. И., Харламова М. С. Доказательная политика как научное обоснование экологических программ в России. *Журнал экономической теории*. 2021. Т. 18. № 3. С. 403–416. https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-3.6
   Kapoguzov E. A., Chupin R. I., Kharlamova M. S. Evidence-based approach in environmental policy-making in Russia. *Zhurnal ekonomicheskoj teorii*, 2021, 18(3): 403–416. (In Russ.) https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-3.6
4. Veselý A., Ochrana F., Nekola M. When evidence is not taken for granted: the use and perception of "evidence" in the Czech Republic ministries. *NISPAcee Journal of Public Administration and Policy*, 2018, 11(2): 219–234. https://doi.org/10.2478/nispa-2018-0020
5. Татаркин А. И., Романова О. А. Промышленная политика: генезис, региональные особенности и законодательное обеспечение. *Экономика региона*. 2014. № 2. С. 9–21. https://doi.org/10.17059/2014-2-1
   Tatarkin A. I., Romanova O. A. Industrial policy: genesis, regional features and legislative provision. *Ekonomika regiona,* 2014, (2): 9–21. (In Russ.) https://doi.org/10.17059/2014-2-1
6. Чиканова Е. С. Новый этап развития промышленной политики Российской Федерации. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2021. № 10. С. 198–203. https://doi.org/10.47475/1994-2796-2021-11022
   Chikanova E. S. A new round of industrial development of the state. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta,* 2021, (10): 198–203. (In Russ.) https://doi.org/10.47475/1994-2796-2021-11022
7. Тамбовцев В. Л. Нуждается ли промышленная политика в теоретических оправданиях? *Вопросы экономики*. 2017. № 5. С. 29–44. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-5-29-44
   Tambovtsev V. L. Does industrial policy need theoretical justifications? *Voprosy Ekonomiki*, 2017, (5): 29–44. (In Russ.) https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-5-29-44
8. Стариков Е. Н. Промышленная политика: подходы к формированию и управлению реализацией. Екатеринбург: Урал. гос. лесотехн. ун-т, 2017. 72 с.
   Starikov E. N. *Industrial policy: approaches to creating and manage of development*. Ekaterinburg: USFEU, 2017, 72. (In Russ.)

9. Авдашева С. Б., Шаститко А. Е. Промышленная и конкурентная политика: проблемы взаимодействия и уроки для России. *Вопросы экономики.* 2003. № 9. С. 18–32. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2003-9-18-32
Avdasheva S. B., Shastitko A. E. Industrial and competition policy: the issue of interrelation and lessons for Russia. *Voprosy Ekonomiki*, 2003, (9): 18–32. (In Russ.) https://doi.org/10.32609/0042-8736-2003-9-18-32
10. Мазилов Е. А. Промышленная политика как механизм регионального развития. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2013. № 1. С. 187–194.
Mazilov E. A. Industrial policy as a mechanism for regional development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast,* 2013, (1): 187–194 (In Russ.)
11. Идрисов Г. И. Промышленная политика России в современных условиях. М.: Ин-т Гайдара, 2016. 160 с.
Idrisov G. I. *Towards modern industrial policy for Russia.* Moscow: Gaidar Institute, 2016, 160. (In Russ.)
12. Rodrik D. *Industrial policy for the twenty-first century*. Harvard University, 2004, 58. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.617544
13. Толкачев С. А., Тепляков А. Ю. Закон «О промышленной политике» и реальная промышленная политика в Российской Федерации. *Мир новой экономики*. 2015. № 2. С. 113–116.
Tolkachev S. A., Teplyakov A. Yu. The industrial policy law and the real industrial policy in the Russian Federation. *Mir novoi ekonomiki,* 2015, (2): 113–116. (In Russ.)
14. Вертакова Ю. В., Плотникова Н. А., Плотников В. А. Промышленная политика России: направленность и инструментарий. *Экономическое возрождение России*. 2017. № 3. С. 49–56.
Vertakova Yu. V., Plotnikova N. A., Plotnikov V. A. Russia's industrial policy: directions and instruments. *Economic Revival of Russia*, 2017, (3): 49–56. (In Russ.)
15. Weiss C. H. The many meanings of research utilization. *Public Administration Review,* 1979, 39(5): 426–431. https://doi.org/10.2307/3109916
16. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Эксмо, 2022. 960 с.
Keynes J. M. *The general theory of employment, interest, and money*. Moscow: Eksmo, 2022, 960. (In Russ.)
17. Atkinson M. M. Policy, politics and political science. *Canadian Journal of Political Science / Revue canadienne de science politique*, 2013, 46(4): 751–772. https://doi.org/10.1017/S000842391300084X
18. Немтинова Ю. В., Немтинов В. А. Управление квотами на выбросы парниковых газов на пути к декарбонизации экономики. *Экология и промышленность России*. 2022. Т. 26. № 1. С. 19–23. https://doi.org/10.18412/1816-0395-2022-1-19-23
Nemtinova Yu. V., Nemtinov V. A. Managing greenhouse gas emissions quotas on the way to decarbonizing the economy. *Ecology and Industry of Russia,* 2022, 26(1): 19–23. (In Russ.) https://doi.org/10.18412/1816-0395-2022-1-19-23
19. Зеньков И. В., Ижмулкина Е. А., Юронен Ю. П., Логинова Е. В., Прохоров В. В., Юрковская Г. И., Карачева Г. А. Управление природоохранной деятельностью на угольных разрезах в восточной части Кузнецкой котловины. *Экология и промышленность России*. 2018. Т. 22. № 2. С. 46–51. https://doi.org/10.18412/1816-0395-2018-2-46-51
Zenkov I. V., Izhmulkina E. A., Yuronen Yu. P., Loginova E. V., Prokhorov V. V., Yurkovskaya G. I., Karacheva G. A. Management of nature conservation activities in coal mines in the eastern part of the Kuznetsk Basin. *Ecology and Industry of Russia*, 2018, 22(2): 46–51. (In Russ.) https://doi.org/10.18412/1816-0395-2018-2-46-51
20. Тамбовцев В. Л. Промышленная политика: к новому пониманию. *Известия Уральского государственного экономического университета*. 2017. № 5. С. 54–67. https://doi.org/10.29141/2073-1019-2017-17-5-5
Tambovtsev V. L. Industrial policy: towards new interpretation. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta,* 2017, (5): 54–67. (In Russ.) https://doi.org/10.29141/2073-1019-2017-17-5-5

оригинальная статья

Совершенствование методического обеспечения формирования и распределения финансовых ресурсов высшего образовательного учреждения в Российской Федерации

Кизиль Елена Витальевна
Комсомольский-на-Амуре государственный университет,
Россия, Комсомольск-на-Амуре
https://orcid.org 0000-0003-2831-1647
kisil_ev@mail.ru

Нагаев Георгий Владимирович
Комсомольский-на-Амуре государственный университет,
Россия, Комсомольск-на-Амуре
https://orcid.org/0000-0001-6328-6630

Усанов Илья Геннадьевич
Комсомольский-на-Амуре государственный университет,
Россия, Комсомольск-на-Амуре

Поступила 08.04.2022. Принята после рецензирования 20.05.2022. Принята в печать 06.06.2022.

Аннотация: Цель – разработка практических рекомендаций по планированию расходов учреждения высшего образования в соответствии с имеющимися в распоряжении финансовыми ресурсами. Методологической основой работы является эмпирическое исследование опыта российских вузов в области распределения затрат, связанных с организацией учебного процесса на этапе их планирования. Исследование показало, что недостатком используемой в настоящее время вузами методики распределения бюджетных средств является сохранение принципа затратного финансирования в части определения средней заработной платы профессорско-преподавательского состава образовательного учреждения. В результате обобщения существующей методики распределения формируемого фонда оплаты труда вуза предложен вариант ее корректировки с целью оптимизации затрат, обеспечивающих функционирование учебного процесса. Доработанный таким образом механизм определения средней заработной платы может стать основой комплексной методики расчета и формирования фонда оплаты труда профессорско-преподавательского состава учреждения высшего образования точно в соответствии с имеющимися финансовыми ресурсами, полученными в рамках нормативно-подушевого финансирования и в полном согласии с его принципами. Данный вариант заключается в использовании на практике преимущества способа формирования фонда оплаты труда профессорско-преподавательского состава от численности студентов и установленного законодательно норматива доли фонда оплаты труда профессорско-преподавательского состава в выделенной государственной субсидии на подготовку студентов в рамках государственного задания, который на сегодняшний день носит рекомендательный характер. Поскольку объем выделенных в рамках субсидии средств по конкретному направлению подготовки обучающихся за счет средств бюджетных ассигнований не может быть выше поступления финансовых ресурсов от внебюджетной образовательной деятельности по аналогичному направлению, то данный методический подход можно использовать как для определения экономической целесообразности сетевого сотрудничества с другими вузами, так и для образовательных программ с внебюджетным финансированием. Практическое использование предложенных методических разработок позволит вузу повысить прозрачность и эффективность распределения финансовых ресурсов, определить экономическую целесообразность сетевого сотрудничества для каждого конкретного случая и, как следствие, увеличить эффективность финансово-хозяйственной деятельности высшего учебного заведения в целом. Перспективы будущих исследований могут быть связаны с дальнейшим критическим осмыслением идеологии нормативно-подушевого финансирования в направлении более глубокого обоснования целесообразности перехода к сетевому сотрудничеству вузов.

Ключевые слова: нормативно-подушевое финансирование, профессорско-преподавательский состав, фонд оплаты труда, комбинированный подход к определению ФОТ ППС вузов, сетевое сотрудничество вузов

Цитирование: Кизиль Е. В., Нагаев Г. В., Усанов И. Г. Совершенствование методического обеспечения формирования и распределения финансовых ресурсов высшего образовательного учреждения в Российской Федерации. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2022. Т. 7. № 3. С. 331–341. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-3-331-341

© 2022. Автор(ы). Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
POLITICAL, SOCIOLOGICAL AND ECONOMICS

full article

Formation and Distribution of Financial Resources of a Higher Educational Institution in the Russian Federation: Improving the Methodological Support

Elena V. Kizil
Komsomolsk-on-Amur State University, Russia, Komsomolsk-on-Amur
https://orcid.org 0000-0003-2831-1647
kisil_ev@mail.ru

Georgy V. Nagaev
Komsomolsk-on-Amur State University, Russia, Komsomolsk-on-Amur
https://orcid.org/0000-0001-6328-6630

Ilya G. Usanov
Komsomolsk-on-Amur State University, Russia, Komsomolsk-on-Amur

Received 08 Apr 2022. Accepted after peer review 20 May 2022. Accepted for publication 06 Jun 2022.

Abstract: This article offers some recommendations on university budget planning based on an empirical study of cost distribution at various Russian universities. Russian universities appeared to allocate their budgetary funds by determining the average salary of the teaching staff. The authors developed some improvements for the existing academic staff payroll system to optimize the costs of the academic process. The teaching staff payroll should be based on the number of students and the share of the teaching staff payroll in the allocated state subsidy as part of the state assignment, which is non-regulatory today. The results obtained are of practical importance and can improve the financial and economic activities of universities, thus contributing to the transparency and efficiency of the financial resource distribution. Research prospects include further critical understanding of normative *per capita* financing principle as part of transition to university network cooperation.
Keywords: normative *per capit*a financing, teaching staff, payroll, a combined approach to the payroll of the university teaching staff, network cooperation of universities

Citation: Kizil E. V., Nagaev G. V., Usanov I. G. Formation and Distribution of Financial Resources of a Higher Educational Institution in the Russian Federation: Improving the Methodological Support. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(3): 331–341. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-3-331-341

Введение

Одним из составляющих элементов реализации государственной политики в области образования является перевод системы ресурсного обеспечения бюджетных учреждений российской высшей школы на подушевое финансирование. Несмотря на достаточно давнюю историю вопроса, большинство учреждений российской системы образования использует затратный принцип порядка формирования ФОТ ППС, основанный на расчете количества ставок преподавателей в целом по вузу, разнесенных по группам и откорректированных с учетом нормативов оплаты по должностям. Стимулирующие, социальные и премиальные выплаты могут добавляться исходя из возможностей самого образовательного учреждения. Таким способом формируется ФОТ ППС, занимающий, как правило, наибольшую долю в объеме направленных учреждению средств по нормативно-подушевому принципу финансирования. При этом на финансирование остальных расходов вуза приходится незначительная величина, в определенных случаях неспособная обеспечить эффективное функционирование образовательного учреждения. Страдает административно-хозяйственная, учебно-воспитательная, научно-исследовательская сферы деятельности образовательного учреждения; уменьшается потенциал развития предпринимательской инфраструктуры вуза (бизнес-инкубаторы, малые инновационные предприятия, центры коллективного пользования, инжиниринговые центры и т. д.).

Данная практика имеет и другие негативные последствия. Так, при использовании подобного подхода из-за влияния фактора неопределенности снижается эффективность финансового планирования вуза. Могут возникнуть проблемы как с окупаемостью отдельных образовательных программ, так и с организацией всего учебного процесса в целом. Имеется также ряд внутриорганизационных противоречий, обусловленных затратным подходом к распределению финансовых ресурсов между структурами образовательного учреждения, штатная численность которых зависит от общей нагрузки подразделений и средней учебной нагрузки по вузу.

Так как одним из главных источников финансовых ресурсов для российского образовательного учреждения является субсидия на выполнение государственного задания,

а основным направлением расходования средств – заработная плата научно-педагогического состава, то необходима разработка комплексной методики расчета и формирования ФОТ ППС организации высшего образования в соответствии с имеющимися финансовыми ресурсами, полученными в рамках нормативно-подушевого финансирования.

Немаловажное значение в данной связи имеет разработка методов определения диапазонов экономически целесообразного использования форм сетевого сотрудничества между вузами. Следует подчеркнуть, что процессы цифровизации образования, развития сетевых форм взаимодействия и внедрения проектных методов обучения неизбежно оказывают влияние на практику распределения финансовых ресурсов в высшем учебном заведении. Однако в некоторых случаях переход к сетевой форме образовательных программ продиктован лишь политическими причинами, своеобразной данью моде без предварительных расчетов экономической эффективности использования сетевых технологий для вуза. Между тем владение методикой определения финансового результата позволит образовательному учреждению применять сетевую форму реализации образовательного процесса, руководствуясь экономической целесообразностью.

В работах отечественных авторов подробно освещены вопросы функционирования механизма финансирования российского высшего образования [1–12]. Особое внимание отводится обсуждению конкретных методик распределения финансовых ресурсов внутри образовательного учреждения [13–17].

В соответствии с ФЗ от 29.12.2012 № 273-ФЗ (в ред. от 30.04.2021) «Об образовании в Российской Федерации», финансирование высшего образования в стране осуществляется на принципах нормативного подушевого метода, согласно которому бюджетные ассигнования выделяются в зависимости от численности бюджетных студентов.

Базирующийся на контрольных цифрах приема (КЦП) и утвержденных нормативах затрат в зависимости от программ различных направлений обучения объем финансирования вузов формируется на конкурсной основе с учетом заявок образовательных учреждений[1].

Таким образом, заявочный характер декларирования потенциальных возможностей вузов в области подготовки различных специалистов должен сочетаться с политикой министерств и ведомств в части разработки общих объемов и структуры КЦП по направлениям подготовки (специальности) и с региональной спецификой. Это осуществляется путем корректировки базовой нормативной стоимости обучения с учетом территориальных и отраслевых поправочных коэффициентов (районные и северные коэффициенты, коэффициенты уровня заработной платы, коммунальных услуг) в соответствии с приказом Минобрнауки России от 30.11.2015 № 1272 «О методике определения нормативных затрат на оказание государственных услуг по реализации образовательных программ высшего образования по специальностям (направлениям подготовки) и укрупненным группам специальностей (направлений подготовки)».

Уровень господдержки в рамках нормативно-подушевого финансирования дифференцируется не только по регионам, что влияет на разброс в нормативной стоимости образовательных услуг, но и в зависимости от значений показателей эффективности вузов, определяемых на федеральном уровне методикой расчета показателей мониторинга эффективности образовательных организаций высшего образования 2015 г.[2] К таким показателям законодатель относит: средний балл ЕГЭ студентов, принятых на специальность (направление подготовки); объем доходов от научных исследований и разработок в расчете на одного научно-педагогического работника; количество публикаций в изданиях, индексируемых Web of Science и Scopus в расчете на 100 научно-педагогических работников и др.

В большинстве развивающихся стран используется практика финансирования вузов на договорной основе, эффективность которой обусловлена привязкой объемов бюджетного финансирования к показателям функционирования образовательной организации, охватывающим широкий диапазон ее деятельности с учетом ретроспективного анализа аналогичных базовых данных [1; 9].

Успешность применения нормативно-подушевого принципа финансового обеспечения вузов в значительной мере определяется полнотой сбора, уровнем систематизации и качеством обработки многочисленных ключевых индикаторов, заложенных в основу методики необходимых расчетов, что на сегодняшний день проблематично из-за процедурных ограничений программно-информационного свойства [9].

Традиционная методика представляет собой носящие затратный характер алгоритмы распределения финансовых ресурсов, формирования штатного расписания и фонда оплаты труда. Они основаны на показателях суммарной нагрузки преподавателей, где штатная численность структурных подразделений определяется путем простого деления общей нагрузки структурного подразделения на среднюю учебную нагрузку по заведению в целом. Возможен и иной подход, когда формирование ФОТ ППС вуза осуществляется в зависимости от численности студентов как основного фактора, определяющего поступление финансовых ресурсов из бюджета в учреждение высшего образования. Основные черты, достоинства и недостатки двух рассмотренных подходов представлены в табл. 1.

[1] Об утверждении порядка проведения конкурса на распределение контрольных цифр приема по специальностям и направлениям подготовки и (или) укрупненным группам специальностей и направлений подготовки для обучения по образовательным программам высшего образования за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета. Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 03.04.2020 № 550.

[2] На основе данных формы № 1-мониторинг за 2014 г. Утв. Минобрнауки России 30.03.2015 № АК-30/05вн.

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-3-331-341

Табл. 1. Основные черты, достоинства и недостатки подходов к формированию ФОТ ППС
Tab. 1. Features, advantages, and disadvantages of teaching staff payrolls at Russian universities

Характеристика	Затратный подход	Подход от численности студентов
Содержание	Основной ФОТ формируется как произведение количества ставок на нормы оплаты труда ППС. Количество ставок рассчитывается исходя из учебной работы, определенной учебными планами.	Основной ФОТ формируется как произведение количества ставок на норму оплаты труда ППС. Количество ставок определяется согласно количеству приведенного контингента студентов и разносится по кафедрам в соответствии с пропорциями учебной работы, определенной учебными планами.
Основные достоинства	Данный подход традиционен, наиболее методически отработан.	Автоматическая привязка количества ставок ППС для расчета ФОТ к имеющимся в распоряжении учреждения финансовым ресурсам.
Основные недостатки	Нет встроенного механизма корректировки выделяемых финансовых ресурсов на формирование ФОТ ППС в зависимости от имеющихся в распоряжении учреждения средств.	Нормы оплаты труда ППС определяются традиционно: как среднее от норм предыдущих периодов с поправкой на действующее законодательство.

Следует отметить, что в современной практической деятельности вузов используются преимущественно методики определения ФОТ ППС, основанные на затратном подходе как традиционном и методически наиболее проработанном [1; 7; 14; 17].

Таким образом, в настоящее время отсутствует единый методический подход к формированию фонда оплаты труда ППС вуза. Как показывает теоретический анализ проблемы, исследования научного сообщества в этом направлении развиваются в контексте соотнесения затрат, связанных с организацией учебного процесса на этапе их планирования с располагаемыми финансовыми ресурсами учреждения высшего образования. Изучение подобного опыта может повысить экономическую эффективность учебного заведения и позволит избежать диспропорций в распределении средств.

Увеличению объемов финансовых ресурсов, которыми располагают вузы, служит внедрение современных достижений технического прогресса, а именно элементов дистанционного и электронного образования. Рост достигается за счет увеличения охвата потенциальных потребителей образовательных услуг.

Между тем в литературе подробно представлены в основном психолого-педагогический и организационный аспекты проблемы [18–23]. Следует отметить, что процесс по внедрению сетевых форм взаимодействия особенно ускорился после принятия в 2012 г. ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Позже вышли в свет методические рекомендации по организации образовательного процесса при сетевых формах реализации образовательных программ[3], подробно освещающие в том числе и ресурсную составляющую процесса цифровизации образования.

По нашему мнению, использование инновационных образовательных технологий способствует расширению источников финансирования и повышению конкурентоспособности образовательного учреждения, а также ведет к снижению затрат вузов. Вместе с тем необходимость эффективного планирования направлений расходования средств, располагаемых вузом, делает актуальными вопросы экономической целесообразности использования учреждениями новых образовательных технологий [24].

Механизмы составления смет, анализа экономической эффективности внедрения новых или перевода старых образовательных курсов в электронную и / или дистанционную форму достаточно широко освещены в трудах представителей как отечественной, так и зарубежной научных школ и имеют глубокую теоретическую и практическую проработку [25–27]. В то же время проблема определения целесообразности использования финансовых ресурсов образовательного учреждения в процессе реализации внешних сетевых дистанционных курсов на своей площадке в настоящее время рассмотрена недостаточно полно.

Результаты

Совершенствование методики формирования ФОТ ППС

На основании теоретических материалов по методике формирования ФОТ ППС авторами была сформулирована обобщенная методика, определяющая порядок распределения формируемого фонда оплаты труда ППС в образовательном учреждении высшего образования.

Основные этапы и положения методики:

1. Определяется средняя заработная плата ППС по вузу в текущем периоде (СЗ) по средней взвешенной с учетом должностей и их категорий (при наличии).

[3] Письмо Минобрнауки России от 28.08.2015 № АК-2563/05.

2. На основе численности контингента на данный учебный год, с учетом планируемого выпуска в данном году и приема в планируемом году, определяется общая численность студентов для всех направлений, специальностей подготовки всех уровней и форм обучения (КК).

3. По численности студентов определяется количество ставок для всех направлений, уровней образования и форм обучения, т. е. всех образовательных программ (ОП), реализуемых в вузе по отдельности. Количество ставок ППС определяется путем деления числа студентов данного уровня подготовки и формы обучения на количество студентов, приходящихся на одну ставку преподавателя. Плановое количество студентов на одну ставку преподавателя, согласно государственным нормативам, для очной формы – 12, для очно-заочной формы – 48, для заочной формы – 120 человек. В случае необходимости к плановому количеству ставок применяется коэффициент, понижающий или повышающий число ставок для учета аудиторной нагрузки на ППС, ГИА (государственная итоговая аттестация) и т. д.

$$КС_n = \frac{КК_n}{Н_n} \times p, \quad (1)$$

где $КС_n$ – количество ставок по n-й образовательной программе на предстоящий учебный год; $КК_n$ – планируемый контингент для n-й образовательной программы; $Н_n$ – государственно устанавливаемый норматив количества студентов (12, 48, или 120 человек, соответственно); p – коэффициент, понижающий или повышающий число ставок для учета аудиторной нагрузки на ППС, ГИА и т. д. (используется при необходимости).

4. Для каждой образовательной программы распределяются ставки по кафедрам, реализующим учебный процесс в предстоящем году, согласно закреплению нагрузки в учебном плане.

$$СР_{nк} = КС_n \times ДК_{nк}, \quad (2)$$

где $СР_{nк}$ – количество ставок, приходящихся на конкретную $к$-ю кафедру по n-й образовательной программе; $ДК_{nк}$ – доля $к$-й кафедры в образовательной программе на предстоящий учебный год согласно учебному плану по n-й образовательной программе.

5. По всем образовательным программам, реализуемым кафедрой, доли ставок суммируются. Таким способом определяется суммарное число ставок, выделяемых на кафедру для организации образовательного процесса в планируемом учебном году.

$$ССК_к = \sum СР_{nк}, \quad (3)$$

где $ССК_к$ – суммарное количество ставок к-й кафедры.

При необходимости, если количество переданных ставок не вполне соответствует учебному плану образовательной программы, производится корректировка учебного плана в части часов и / или закрепления дисциплин по кафедрам.

6. С целью учета различий состава ППС на кафедре (разное соотношение ассистентов, преподавателей, доцентов и профессоров, их категорий (при наличии)) по каждой кафедре определяется поправочный коэффициент к средней заработной плате по вузу. Умножение суммарного числа ставок по кафедре на среднюю заработную плату с учетом поправочного коэффициента определяет суммарный объем фонда оплаты труда ППС кафедры на планируемый учебный год.

$$ФОТ_к = ССК_к \times Д_к, \quad (4)$$

где $ФОТ_к$ – фонд оплаты труда ППС по $к$-й кафедре; $Д_к$ – коэффициент, вводящий поправку на состав ППС по $к$-й кафедре; $СЗ$ – средняя заработная плата ППС по вузу.

Графически последовательность реализации методики представлена на рис. 1[4].

Для большего удобства распределения долей нагрузки между кафедрами (пункт 4 и 5 методики) и учета разного состава ППС по кафедрам (пункт 6) возможно составление учебно-финансового плана.

Для того, чтобы методика формирования и распределения фонда оплаты труда ППС приобрела концептуальную законченность и позволила эффективно распределять средства в полном соответствии с имеющимися финансовыми ресурсами, предлагается использовать установленный законодательно норматив доли ФОТ ППС в выделенной государственной субсидии на подготовку студентов в рамках государственного задания, который на сегодняшний день носит рекомендательный характер. Для этого сумма ФОТ ППС, согласно субсидии по соответствующему направлению подготовки из расчета на одного студента, прописанная в детализации затрат стоимостных групп,

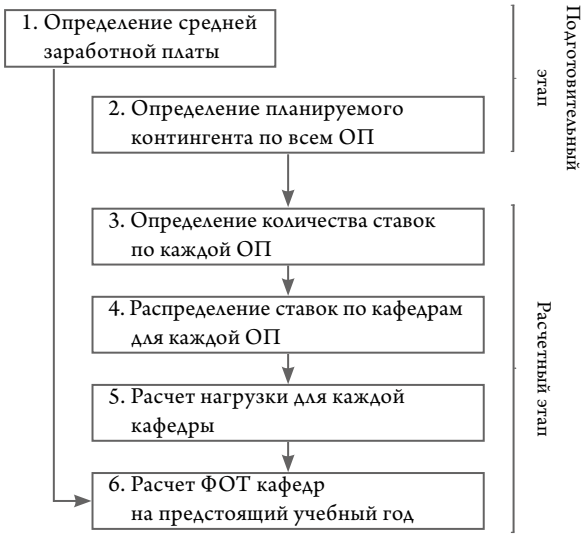


Рис. 1. Схема этапов реализации методики расчета ФОТ ППС
Fig. 1. Methodology for calculating the teaching staff payroll

[4] Составлено авторами.

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-3-331-341

умножается на численность студентов по соответствующему направлению подготовки и форме обучения. После этого происходит суммирование всех затрат на ФОТ ППС в рамках образовательной организации по основным образовательным программам. Полученная сумма делится на количество имеющихся ставок ППС:

$$СЗ = \frac{\Sigma БН_n \times КК_n}{\Sigma КС_n}, \quad (5)$$

где $БН_n$ – установленный норматив заработной платы ППС по n-й образовательной программе.

В связи с тем, что поступление финансовых ресурсов от внебюджетной образовательной деятельности по основным образовательным программам должно быть больше объема средств, выделенных в объеме субсидии по конкретному направлению подготовки, а также для сохранения принципа единства нормативов начисления заработной платы в рамках одного образовательного учреждения установленные нормативы ФОТ ППС можно использовать для расчета средней заработной платы ППС по основным образовательным программам всего вуза в целом.

Доработанная с учетом предложенного авторами способа расчета средней оплаты труда ППС обобщенная методика представляет собой комплексный подход к формированию и распределению фонда оплаты труда ППС. Она позволит образовательным учреждениям, руководствуясь идеологией нормативно-подушевого финансирования, определить оптимальный штат профессорско-преподавательского состава и целесообразный уровень затрат, обеспечивающих функционирование учебного процесса. В результате снизится опасность нецелевого расходования средств, выделенных в объеме субсидии на выполнение государственного задания на оплату труда ППС, без влияния на иные статьи расходов. Практическое применение данной методики позволит более равномерно использовать имеющиеся финансовые ресурсы, избегая сезонных пиков в выделении средств на оплату труда ППС, тем самым избегая кассовых разрывов и необходимости привлечения дополнительных ресурсов.

Экономическое обоснование выделения средств на сетевое сотрудничество вуза

Выделим ряд причин, побуждающих вуз рассматривать возможность внедрения сетевого сотрудничества:

- слабость собственного кадрового обеспечения по необходимой дисциплине;
- недостаточность материально-технической базы по реализуемым курсам;
- экономическая нецелесообразность ведения дисциплины или дисциплинарного блока вузом самостоятельно;
- политические причины, не обусловленные учебными и экономическими факторами и т. д.

Очевидно, что экономическая эффективность может быть достигнута, если процесс реализации дисциплины в сетевом взаимодействии для вуза-реципиента будет по крайней мере не дороже, чем ее проведение на собственной базе, не выходя за рамки того же объема средств.

Графически алгоритм принятия решения о сетевом сотрудничестве с точки зрения вуза-реципиента изображен на рис. 2[5].

Ключевым в предложенном подходе является определение объема средств, выделенных в рамках субсидии на выполнение государственного задания на аналогичную по объему учебную нагрузку.

Рассчитать необходимую для принятия решения сумму средств можно по формуле:

$$СМ = \Sigma В_н \times КТ \times Д, \quad (6)$$

где $СМ$ – сумма средств, выделенных в рамках субсидии на выполнение государственного задания на аналогичную по объему учебную нагрузку; $В_н$ – $н$-й норматив затрат с учетом поправочных коэффициентов, определенный в рамках субсидии на выполнение государственного задания на одного студента ОП; $КТ$ – текущий контингент по ОП; $Д$ – доля аналогичного вида работ (дисциплины, курса) в ОП на текущий год.

Рис. 2. Алгоритм принятия решения о сетевом сотрудничестве с точки зрения вуза-реципиента
Fig. 2. Decision algorithm on network cooperation for the recipient university

[5] Составлено авторами.

Долю можно определить как

$$Д = \frac{A}{O}, \quad (7)$$

где A – объем в зачетных единицах аналогичного вида работ (дисциплины, курса) согласно учебному плану ОП; O – объем образовательной программы в год, в зачетных единицах.

Выбор составляющих затрат для включения в расчёт по формуле (6) позволяет определять нижнюю и верхнюю границы принятия решения об экономической целесообразности обращения к сетевому обучению. Включение в расчет только финансовых ресурсов, выделенных на непосредственные затраты бюджетного учебного заведения, устанавливает нижнюю границу. В данном случае вуз-реципиент передает за использование сетевого образовательного ресурса другому вузу лишь средства, которые прямо относятся к затратам на образовательный курс, а остальные средства, относящиеся к косвенным расходам, остаются в распоряжении вуза реципиента. Включение в расчет дополнительных статей по составляющим затрат позволит устанавливать верхнюю границу принятия решения, увеличивая объем передаваемых средств в случае положительного решения о сетевом сотрудничестве с другим вузом.

Как уже отмечалось, в том случае, если на направлении подготовки есть обучающиеся за счет средств бюджетных ассигнований, то поступление финансовых ресурсов от внебюджетной образовательной деятельности по основным образовательным программам должно превышать выделенные в рамках субсидии средства по конкретному направлению подготовки. В связи с этим данный подход можно использовать для определения экономической целесообразности сетевого сотрудничества с другими вузами в том числе и по программам с внебюджетным финансированием.

Предлагаемая методика была испытана в ФГБОУ ВО «Комсомольский-на-Амуре государственный университет» в 2020–2021 учебном году. В указанный временной период в вузе рассматривалась возможность проведения дисциплины *Аэродинамика самолета* в рамках договора о сетевом сотрудничестве со сторонним вузом по обучению специалистов направления подготовки 24.05.07 *Самолето- и вертолетостроение*. Стоимость проведения дисциплины была определена в 200 тыс. руб. Поскольку в ФГБОУ ВО «КнАГУ» имеются достаточные кадровое и материально-техническое обеспечения для проведения данной дисциплины на уровне, соответствующем всем предъявляемым требованиям, критерии о принятии решения о возможности сетевого сотрудничества могли быть только сугубо экономическими. Детализация выделенных в рамках субсидии на выполнение государственного задания средств по образовательной программе 24.05.07 *Самолето- и вертолетостроение приведена* в табл. 2.

Применение формул (6) и (7) позволило произвести расчет средств, которые ФГБОУ ВО «КнАГУ» потенциально имеет возможность выделить на проведение дисциплины *Аэродинамика самолета* в рамках субсидии на выполнение государственного задания:

$$СМ = 21 \times 130{,}11 \times 0{,}066666 = 182{,}15 \text{ тыс. руб.}$$

$$Д = \frac{4}{60} = 0{,}066666$$

Табл. 2. Детализация выделенных в рамках субсидии на выполнение государственного задания средств по образовательной программе 24.05.07 *Самолето- и вертолетостроение*
Tab. 2. State assignment funds for *Aircraft and Helicopter Construction*

№	Составляющая затрат	Норматив с учётом поправочных коэффициентов, тыс. руб.
1	Оплата труда и начисления на выплаты по оплате труда ППС, включая страховые взносы во внебюджетные фонды, с учетом надбавок за ученые степени и должности	130,11313
2	Приобретение учебной литературы, периодических изданий, издательские и полиграфические услуги	0,52000
3	Организация учебной и производственной практики, в том числе затраты на проживание и оплату суточных для обучающихся, проходящих практику	17,29000
4	Коммунальные услуги	8,91368
5	Услуги связи, в том числе затраты на местную, междугороднюю и международную телефонную связь, Интернет	0,08000
6	Транспортные услуги, в том числе расходы на проезд ППС до места прохождения практики или повышения квалификации и обратно	1,05000
7	Оплата труда и начисление на выплаты по оплате труда работников учреждения, которые не принимают непосредственного участия в оказании государственной услуги (АУП, УВП, ПОП), включая страховые взносы во внебюджетные фонды	32,67524
8	Повышение квалификации ППС, включая затраты на суточные расходы и расходы на проживание ППС на время повышения квалификации, за исключением расходов на приобретение транспортных услуг	0,36000
9	Организация культурно-массовой, физкультурной и оздоровительной работы со студентами	5,98400
10	Прохождение педагогическими работниками медицинских осмотров	0,88000

№	Составляющая затрат	Норматив с учётом поправочных коэффициентов, тыс. руб.
11	Содержание объектов недвижимого имущества, в том числе затраты на арендные платежи	5,80000
12	Содержание объектов особо ценного движимого имущества	0,54000
13	Сумма резерва на полное восстановление состава объектов особо ценного движимого имущества, необходимого для общехозяйственных нужд, формируемого в установленном порядке в размере начисленной годовой суммы амортизации по указанному имуществу	0,77000
14	Затраты на формирование в установленном порядке резерва на полное восстановление состава объектов особо ценного движимого имущества, используемого в процессе оказания государственной услуги (основных средств и нематериальных активов, амортизируемых в процессе оказания услуги), с учетом срока их полезного использования	8,11000
15	Приобретение материальных запасов и движимого имущества (основных средств и нематериальных активов), не отнесенного к особо ценному движимому имуществу и используемого в процессе оказания государственной услуги, с учетом срока его полезного использования, а также затраты на аренду указанного имущества	8,83000

В качестве нижней границы выделенных средств установлены прямые затраты на проведение дисциплины *Аэродинамика самолета* в соответствии с составляющей затрат 1 (табл. 2), приходящейся на дисциплину в учебном плане образовательной программы.

В качестве верхней границы приняты прямые затраты, определенные по указанной выше технологии, увеличенные на объем косвенных затрат по составляющим 8 и 15 (табл. 2), рассчитанных в размере доли удельного веса дисциплины в учебном плане образовательной программы:

$$CM = 21 \times (130{,}11 + 0{,}36 + 8{,}83) \times 0{,}066666 = 195 \text{ тыс. руб.}$$

Согласно результатам расчетов (табл. 3), при запрошенной стоимости проведения дисциплины в 200 тыс. руб., для вуза оказалось экономически нецелесообразно проводить данную дисциплину в сетевой форме. На этом основании была принято решение отказаться от сетевого сотрудничества по дисциплине *Аэродинамика самолета*.

Табл. 3. Экономическое обоснование целесообразности сетевого сотрудничества по проведению дисциплины *Аэродинамика самолета*
Tab. 3. Economic expediency of network cooperation for *Aircraft Aerodynamics*

Показатель	Значение
Объем дисциплины *Аэродинамика самолета* в учебном плане образовательной программы 24.05.07, зачетные единицы	4
Объем образовательной программы за год, зачетные единицы	60
Норматив выделения средств по статье 1 (табл. 2), тыс. руб.	130,11
Норматив выделения средств по статье 8 (табл. 2), тыс. руб.	0,36
Норматив выделения средств по статье 15 (табл. 2), тыс. руб.	8,83
Контингент, обучающийся по данной образовательной программе, количество человек	21
Нижняя граница выделенных ФГБОУ ВО «КнАГУ» затрат на реализацию дисциплины *Аэродинамика самолета*, тыс. руб.	182,15
Верхняя граница выделенных ФГБОУ ВО «КнАГУ» затрат на реализацию дисциплины *Аэродинамика самолета*, тыс. руб.	195,02

Заключение

Анализ различных подходов к формированию ФОТ ППС вуза позволил объединить методики порядка планирования ФОТ ППС в две основные группы: затратный подход и подход от численности студентов. Первый подход опирается на формирование ФОТ, основываясь на фактически понесенных затратах на оплату труда. Второй базируется на определении количества ставок преподавателей и объема ФОТ ППС исходя из контингента обучающихся.

В современной практической деятельности вузов используются преимущественно методики расчета ФОТ ППС, относящиеся к группе затратного подхода, как традиционного и методически наиболее проработанного. К недостаткам подобного подхода в числе прочих относятся: остаточный принцип финансирования других расходов вуза, снижение рентабельности образовательных программ, усложнение финансового планирования учреждения, внутрикорпоративные разногласия, проистекающие из конфликта интересов структурных подразделений образовательной организации.

Многих недостатков, присущих традиционному алгоритму формирования ФОТ ППС вузов, лишены методики, относящиеся к группе подходов от численности студентов. На основании изучения ряда методических источников авторами представлена обобщенная методика распределения ФОТ ППС в вузе, базирующаяся на принципе затратного финансирования и использующая подход от численности студентов. Доработанный

таким образом механизм определения средней заработной платы может стать основой комплексной методики расчета и формирования ФОТ ППС учреждения высшего образования точно в соответствии с имеющимися финансовыми ресурсами, полученными в рамках нормативно-подушевого финансирования и в полном согласии с его принципами.

Для того чтобы рассмотренная методика формирования и распределения фонда оплаты труда ППС приобрела концептуальную законченность и позволила эффективно распределять средства в полном соответствии с имеющимися финансовыми ресурсами, предложен модернизированный способ определения средней заработной платы ППС. Предлагается использовать законодательно установленный, но являющийся лишь рекомендованным норматив доли ФОТ ППС для конечного использования в выделенной государственной субсидии на подготовку студентов в рамках государственного задания.

Предложен методический подход к определению экономической целесообразности сетевых форм сотрудничества с точки зрения вуза-реципиента. Если при принятии решения о сетевом сотрудничестве с другим вузом другие причины не являются определяющими, то рассматривать возможности такого сотрудничества необходимо исходя из экономической целесообразности. Если при принятии решения ведущими являются экономические причины, то целесообразно исходить из имеющихся в распоряжении вуза финансовых ресурсов, выбирая в качестве основного критерия средства, выделяемые по нормативам в рамках государственной субсидии на выполнение государственного задания. Таким образом, если реализация дисциплины (курса) при сетевом взаимодействии для вуза-реципиента будет дороже, чем осуществление обучения на собственной базе, используя тот же объем средств, то переход на сетевые технологии является нецелесообразным с точки зрения экономической эффективности.

Поскольку объем выделенных в рамках субсидии средств по конкретному направлению подготовки обучающихся за счет средств бюджетных ассигнований не может быть выше поступления финансовых ресурсов от внебюджетной образовательной деятельности по аналогичному направлению, то данный методический подход можно использовать как для определения экономической целесообразности сетевого сотрудничества с другими вузами, так и для образовательных программ с внебюджетным финансированием.

Практическое использование предложенных методических разработок позволит вузу повысить прозрачность и эффективность распределения финансовых ресурсов, определить экономическую целесообразность сетевого сотрудничества для каждого конкретного случая и, как следствие, увеличить эффективность финансово-хозяйственной деятельности высшего учебного заведения в целом.

В контексте современной парадигмы регионального экономического развития, рассматривающей учреждения высшего образования в качестве стимула для роста и инструмента инновационного развития территорий, решение проблемы совершенствования методического обеспечения формирования и распределения финансовых средств вузов имеет стратегическое значение.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflicting interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Е. В. Кизиль – формулировка идеи и целей исследования; координация и планирование исследования; разработка методологии; критический обзор начальной версии исследования; написание комментариев и редактирование. Г. В. Нагаев – разработка методов исследования, формальный анализ, проведение исследования, создание визуализации. И. Г. Усанов – предоставление данных, проведение исследования.
Contribution: E. V. Kizil – formulation of the overarching research goals and aims; coordination of the research activity planning and execution; development of methodology; critical review of the initial version of the study; writing comments and editing. G. V. Nagaev – development of methods, formal analysis, conducting the research, visualization. I. G. Usanov – providing data, conducting the research.

Литература / References

1. Климов А. А. Нормативно-подушевое финансирование вузов. *Экономика образования*. 2007. № 3. С. 22–27.
   Klimov A. A. Normative per capita financing of universities. *Economics of education*, 2007, (3): 22–27. (In Russ.)
2. Боровская М. А., Ястребова О. К., Цветкова А. В., Михалькова Е. Е. Групповые нормативы затрат по специальностям и направлениям подготовки как ключевой этап реформы финансирования вузов. *Высшее образование в России*. 2012. № 6. С. 3–14.
   Borovskaya M. A., Yastrebova O. K., Tsvetkova A. V., Mikhalkova E. E. Group subject-related standard costs as a key stage in funding reform in higher education. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2012, (6): 3–14. (In Russ.)
3. Avetisyan I. A. The problems of financing of higher education in modern Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2013, (1): 94–106.

4. Пещанская И. В, Хоминич И. П. Риск неэффективного использования бюджетных средств в условиях перехода на нормативно-подушевое финансирование и усиления финансовой самостоятельности вузов. *Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова*. 2013. № 9. С. 14–22.
Peshchanskaya I. V., Khominich I. P. The risk of inefficient use of budget funds in the conditions of transition to per capita regulatory financing and strengthening the financial independence of universities. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*, 2013, (9): 14–22. (In Russ.)
5. Гурьев О. В. Финансирование учреждений образования. М.: Лаборатория книги, 2009. 129 с.
Guriev O. V. *Financing educational institutions*. Moscow: Laboratoriia knigi, 2009, 129.
6. Каверн И. В. Нормативно-подушевое финансирование высшего образования. *Советник в сфере образования*. 2014. № 2. С. 18–23.
Kavern I. V. Normative per capita financing of higher education. *Sovetnik v sfere obrazovaniia*, 2014, (2): 8–23. (In Russ.)
7. Розина Н. М., Зуев В. М. Нормативно-подушевое финансирование высшего образования: концепции и реалии. *Вестник Финансового университета*. 2015. № 3. С. 122–135.
Rozina N. M., Zuev V. M. Per capita financing of higher education: concepts and realities. *Vestnik Finansovogo universiteta*, 2015, (3): 122–135. (In Russ.)
8. Богомолова И. С., Боровская М. А., Задорожняя Е. К. Совершенствование финансового обеспечения деятельности вузов. *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2-3. С. 538–542.
Bogomolova I. S., Borovskaya M. A., Zadorozhnyaya E. K. Improvement financial activities of universities. *Fundamental research*, 2015, (2-3): 538–542. (In Russ.)
9. Чернова Е. Г., Ахобадзе Т. Д., Малова А. С., Салтан А. А. Модели финансирования высшего образования и эффективность деятельности университетов. Эмпирическое исследование европейского опыта и отечественная практика. *Вопросы образования*. 2017. № 3. С. 37–82. https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-3-37-82
Chernova E. G., Akhobadze T. D., Malova A. S., Saltan A. A. Higher education funding models and institutional effectiveness: empirical research of european experience and russian trends. *Educational Studies Moscow*, 2017, (3): 37–82. (In Russ.) https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-3-37-82
10. Дьячкова А. В., Кулькова Л. И. Финансирование образовательного учреждения: поиск оптимальной бизнес-модели. *Современные проблемы науки и образования*. 2019. № 2. URL: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=28762 (дата обращения: 01.02.2021).
Dyachkova A. V., Kulikova L. I. Financing school: the search for the effective business model. *Modern problems of science and education*, 2019, (2). (In Russ.) URL: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=28762 (accessed 1 Feb 2021).
11. Рогова Т. М. Проблемные вопросы в финансировании высшего образования. *Образование. Наука. Научные кадры*. 2020. № 4. С. 234–236. https://doi.org/10.24411/2073-3305-2020-10245
Rogova T. M. Problematic issues in higher education financing. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry*, 2020, (4): 234–236. (In Russ.) https://doi.org/10.24411/2073-3305-2020-10245
12. Гукова А. В., Дорждеев А. В., Кизатова Н. А., Лосев А. Г., Лосева Н. В. Модель формирования фонда оплаты труда профессорско-преподавательского состава вузов. *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. 2015. № 46. С. 2–11.
Gukova A. V., Dorzhdeev A. V., Kizatova N. A., Losev A. G., Loseva N. V. A payroll generation model in relation to academic and teaching staff of higher educational institutions. *Financial Analytics: Science and Experience*, 2015, (46): 2–11. (In Russ.)
13. Ястребова О. К. Развитие нормативного бюджетного финансирования высшего образования. *Финансовый журнал*. 2015. № 1. С. 41–51.
Yastrebova O. K. The development of the unit cost funding of higher education. *Financial Journal*, 2015, (1): 41– 51. (In Russ.)
14. Корольков С. А., Лосев А. Г., Тараканов В. В. Управление образовательными программами через внедрение учебно-финансовых планов. *Университетское управление: практика и анализ*. 2016. № 4. С. 49–55. https://doi.org/10.15826/umj.2016.104.027
Korolkov S. A., Losev A. G., Tarakanov V. V. Education programs management by education and finance plans implementation. *University Management: Practice and Analysis*, 2016, (4): 49–55. https://doi.org/10.15826/umj.2016.104.027 (In Russ.)
15. Лосев А. Г., Корольков С. А., Тараканов В. В. Модель финансового обеспечения выполнения целевых показателей эффективности работы вуза. *Университетское управление: практика и анализ*. 2017. Т. 21. № 6. С. 49–57. https://doi.org/10.15826/umpa.2017.06.074
Losev A. G., Korolkov S. A., Tarakanov V. V. Model of financial support for the implementation of target indicators of efficiency of the university. *University Management: Practice and Analysis*, 2017, 21(6): 49–57. (In Russ.) https://doi.org/10.15826/umpa.2017.06.074

16. Васюнина М. Л. Финансовое обеспечение вузов: анализ проблем и направлений развития. *Экономический анализ: теория и практика*. 2018. Т. 17. № 1. С. 116–130. https://doi.org/10.24891/ea.17.1.116
Vasyunina M. L. Financial support to higher schools: analysis of problems and development trends. *Economic Analysis: Theory and Practice*, 17(1): 116–130. (In Russ.) https://doi.org/10.24891/ea.17.1.116
17. Стребков С. Г. Вектор развития нормативно-подушевого финансирования высшего профессионального образования в России. *Вестник НГИЭИ*. 2020. № 9. С. 54–72. https://doi.org/10.24411/2227-9407-2020-10084
Strebkov S. G. Vector of development of normative per capita financing of higher professional education in Russia. *Bulletin NGIEI*, 2020, (9): 54–72. (In Russ.) https://doi.org/10.24411/2227-9407-2020-10084
18. Неретина Е. А. Сетевое взаимодействие – основа динамичного развития вузов. *Высшее образование в России*. 2013. № 4. С. 128–133.
Neretina E. A. Networking as the basis of flexible dynamic development of universities. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2013, (4): 128–133. (In Russ.)
19. Матюкин С. В., Кревский И. Г. Формы и механизмы сетевого взаимодействия вузов и реального сектора экономики в области образовательной и инновационной деятельности. *Современные проблемы науки и образования*, 2013. № 6. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=11100 (дата обращения: 01.02.2021)
Matiykin S. V., Krevskiy I. G. Forms and techniques of the networking collaboration of the universities and the real economy in education and innovation. *Modern Problems of Science and Education*, 2013, (6). (In Russ.) URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=11100 (accessed 1 Feb 2021).
20. Сухристина А. С., Безруков А. Н., Зиятдинова Ю. Н. Разработка модели сетевого взаимодействия региональных вузов. *Современные проблемы науки и образования*. 2016. № 4. URL: https://science-education.ru/article/view?id=24928 (дата обращения: 28.05.2021)
Sukhristina A. S., Bezrukov A. N., Ziyatdinova Yu. N. Developing the networking model of regional universities. *Modern problems of science and education*, 2016, (4). (In Russ.) URL: https://science-education.ru/article/view?id=24928 (accessed 28 May 2021).
21. Дмитриев В. С., Иванова В. С., Мертинс К. В. Сетевая форма организации образовательного процесса с применением электронного обучения. *Международный журнал экспериментального образования*. 2015. № 7. С. 33–36.
Dmitriev V. S., Ivanova V. S., Mertins K. V. Network form of educational process organization using e-learning. *International Journal of Experimental Education*, 2015, (7): 33–36. (In Russ.)
22. Malinauskas R. K., Pozeriene J. Academic motivation among traditional and online university students. *European Journal of Contemporary Education*, 2020, 9(3): 584–591. https://doi.org/10.13187/ejced.2020.3.584
23. Byankin A. S., Burdakova G. I., Babkin A. V. Strategies of digital transformations of higher educational institutions: Experience, methodological aspects of choice and implementation. *Current problems and ways of industry development: equipment and technologies*, eds. Shakirova O. G., Bashkov O. V., Khusainov A. A. Springer, Cham., 2021, vol. 200, 389–397. https://doi.org/10.1007/978-3-030-69421-0_42
24. Нагаев Г. В., Кизиль Е. В. Пути улучшения финансового обеспечения высших учебных заведений. *Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета*. 2020. Т. 2. № 1. С. 103–106.
Nagaev G. V., Kizil E. V. Possible ways to improve financial support of higher educational institutions. *Scholarly Notes of Komsomolsk-na-Amure State Technical University*, 2020, 2(1): 103–106. (In Russ.)
25. Корольков С. А., Решетникова И. М., Тараканов В. В. Модель проведения финансовых расчетов при сетевой форме реализации образовательных программ. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология*. 2014. № 5. С. 99–107. https://doi.org/10.15688/jvolsu3.2014.5.10.
Korolkov S. A., Reshetnikova I. M., Tarakanov V. V. The model of financial calculations in the network form of educational programs implementation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3. Ekonomika. Ecologiya*, 2014, (5): 99–107. (In Russ.) https://doi.org/10.15688/jvolsu3.2014.5.10
26. Rothkopf E. Z. Costs of asynchronous distance ventures. *Economics of Education Review*, 22(4): 439–443. https://doi.org/10.1016/S0272-7757(03)00029-3
27. Vilaseca J., Castillo-Merino D. Economic efficiency of e-learning in education: An industrial approach. *Intangible Capital*, 2008, 4(3): 191–211. http://dx.doi.org/10.3926/ic.88

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
POLITICAL, SOCIOLOGICAL AND ECONOMICS

Оригинальная статья

Разработка модели оценки эффективности финансово-хозяйственной деятельности организации на основе сценарного подхода

Козлова Дарья Сергеевна
Ярославский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Россия, Ярославль
https://orcid.org/0000-0002-1102-1937
coraline713@yandex.ru

Якшилов Игорь Николаевич
Ярославский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Россия, Ярославль
https://orcid.org/0000-0002-3951-7846

Быков Вадим Андреевич
Ярославский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Россия, Ярославль
https://orcid.org/0000-0001-7421-0842

Поступила 28.04.2022. Принята после рецензирования 27.06.2022. Принята в печать 27.06.2022.

Аннотация: Представлена автоматизированная модель анализа деятельности коммерческой организации в долгосрочной перспективе. Авторская методика решает такие проблемы, как сложность проведения комплексного экономического анализа финансово-хозяйственной деятельности организаций, неполный анализ деятельности организации, ориентация на краткосрочные результаты, отсутствие долгосрочных целей в деятельности организации. Данная методика представляет собой автоматизированную модель комплексного анализа финансово-хозяйственной деятельности организации на основе сценарного подхода. Цель – исследование методического аппарата оценки эффективности финансово-хозяйственной деятельности организации. Предмет – методический аппарат оценки эффективности финансово-хозяйственной деятельности коммерческой организации и способы его оптимизации. Применены методы экспериментально-теоретического уровня, в том числе анализ, дедукция, индукция, синтез, логический метод и моделирование, методы теоретического уровня, а именно изучение и обобщение, абстрагирование. Теоретической базой работы выступают публикации в профессиональных массовых изданиях по вопросам комплексного экономического анализа, анализа эффективности финансово-хозяйственной деятельности организаций, анализа резервов, анализа чувствительности. На основе авторской модели создан общий показатель эффективности, учитывающий 20 показателей деятельности предприятия. Проведена апробация работы для ООО «Стройрезультат» и проанализированы полученные результаты. Инновационность авторской методики состоит в разработке автоматизированной модели в Excel, взаимодействие с которой описывается в основной части. Данная модель показала свою эффективность и удобство в использовании, повысила результативность практического применения. Ее применение позволяет более полно осуществить контроль за эффективностью деятельности организации, особенно тем организациям, которые сталкиваются со сложностью проведения экономического анализа, не имеют ресурсов для его выполнения или привыкли ориентироваться только на краткосрочную перспективу. Разработка трансдисциплинарного математического аппарата на основе расширения понятия эффективности, создание в Excel автоматизированной системы, которая позволяет автоматически при вводе данных из бухгалтерского баланса и отчета о финансовых результатах рассчитывать коэффициенты финансово-хозяйственной деятельности организации для трех сценариев сразу, а также использование только двух форм отчетности (информация по которым предусмотрена в открытых источниках) доказывают инновационность и новаторство авторской методики, позволяют проводить анализ не только для изучения эффективности деятельности своей организации, но и других организаций для проведения бенчмаркинга.

Ключевые слова: стратегический анализ, экономический рост, оценка эффективности, коммерческая организация, комплексный экономический анализ, сценарный подход, автоматизированная модель

Цитирование: Козлова Д. С., Быков В. А., Якшилов И. Н. Разработка модели оценки эффективности финансово-хозяйственной деятельности организации на основе сценарного подхода. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2022. Т. 7. № 3. С. 342–353. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-3-342-353

© 2022. The Author(s). This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

Full article

Scenario Model for Assessing the Corporate Financial and Economic Performance

Daria S. Kozlova
Yaroslavl branch of Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia, Yaroslavl
https://orcid.org/0000-0002-1102-1937
coraline713@yandex.ru

Igor N. Yakshilov
Yaroslavl branch of Financial University under the Government of the Russian Federation, Yaroslavl, Russia
https://orcid.org/0000-0002-3951-7846

Vadim A. Bykov
Yaroslavl branch of Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia, Yaroslavl
https://orcid.org/0000-0001-7421-0842

Received 28 Apr 2022. Accepted after peer review 27 Jun 2022. Accepted for publication 27 Jun 2022.

Abstract: The paper introduces a new economic scenario-based Excel model of the strategic development of a commercial organization. The method solves such problems as short-term focus, poor strategic goals, and the complexity of a comprehensive economic analysis of corporate financial and economic activities. The research featured the methodological tools for evaluating the financial and economic performance of a commercial organization, as well as ways to optimize it. The authors used various methods of experimental and theoretical analysis, as well as the current legislative and subordinate regulatory legal acts, academic editions, and research publications on complex economic analysis, analysis of financial and economic corporate performance, reserve analysis, step out analysis, etc. The new model is based on a general performance indicator that includes twenty performance indicators. The model was experimentally tested at Stroyrezultat LLC and proved to be effective and user-friendly.
Keywords: strategic analysis, economic growth, performance evaluation, commercial organization, complex economic analysis, scenario approach, automated model

Citation: Kozlova D. S., Bykov V. A., Yakshilov I. N. Scenario Model for Assessing the Corporate Financial and Economic Performance. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(3): 342–353. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-3-342-353

Введение

Важнейшая задача комплексного экономического анализа – измерение эффективности финансово-хозяйственной деятельности коммерческой организации, т. к. от этого показателя зависит развитие хозяйствующего субъекта как субъекта микроэкономики, увеличение валового регионального и валового внутреннего продуктов как элементов макроэкономики [1].

Отмечены следующие проблемы в ходе рассмотрения вопроса эффективности финансово-хозяйственной деятельности организаций:

1. Краткосрочные цели субъектов малого и среднего предпринимательства, отсутствие стратегических финансовых целей.

2. Отсутствие или проведение малого количества аналитических операций из-за экономии ресурсов на должности финансового аналитика и гиперболизации сложности построения стратегических целей [2].

В соответствии с двумя данными проблемами возникает необходимость разработки методического аппарата, анализирующего длительную ретроспективную деятельность коммерческой организации и позволяющего с малыми трудозатратами получить итоговый результат по предприятию.

Цель работы – исследование методического аппарата оценки эффективности финансово-хозяйственной деятельности организации. Сформулированная цель обусловила постановку и последовательное решение в работе следующих задач:

- разработать автоматизированную модель, позволяющую на основе сценарного подхода исследовать общую эффективность деятельности организации;
- проанализировать и определить значение коэффициента эффективности ООО «Стройрезультат».

Объект исследования – финансово-хозяйственная деятельность ООО «Стройрезультат». Предмет – методический аппарат оценки эффективности финансово-хозяйственной деятельности коммерческой организации и способы его оптимизации.

Методы и материалы

Методической базой работы являются методы экспериментально-теоретического уровня, в том числе анализ, дедукция, индукция, синтез, логический метод и моделирование, методы теоретического уровня, а именно изучение и обобщение, абстрагирование.

Теоретической базой выступают публикации в профессиональных массовых изданиях по вопросам комплексного экономического анализа, анализа эффективности финансово-хозяйственной деятельности организаций, анализа резервов, анализа чувствительности.

Практической базой исследования являются официальные материалы, характеризующие финансово-хозяйственную деятельность ООО «Стройрезультат». Научная новизна работы состоит в том, что разработана методика оценки общего коэффициента эффективности организации, объединяющего индикаторы финансовой устойчивости, ликвидности, рентабельности и оборачиваемости.

В начале исследования были изучены различные источники по комплексному экономическому анализу и оценке эффективности, на основе которых была сформирована проблема, поставленная во введении. Термин *комплексный экономический анализ* обозначает совокупность аналитических процедур, проведение которых дает всестороннюю оценку финансово-хозяйственной деятельности организации для последующего принятия обоснованных решений, позволяющих повысить эффективность деятельности [3].

Значение комплексного экономического анализа проявляется в его целях и задачах. Основная цель анализа состоит в получении цельного знания о хозяйственной деятельности организации [4]. Важнейшие задачи комплексного экономического анализа:

1. Разработка обоснованных планов и нормативов.

2. Контроль за исполнением планов и оценка их выполнения. С помощью данных бухгалтерской и статистической отчетности комплексный экономический анализ позволяет определять выполнение плана на текущий момент и за отчетный период [5].

3. Анализ обеспеченности и эффективности использования различных ресурсов. Комплексный экономический анализ за счет комплексной оценки и отдельных показателей отдачи по материальным, трудовым и финансовым ресурсам позволяет характеризовать их эффективность [6].

4. Количественное измерение влияния факторов на результаты деятельности. При комплексном экономическом анализе становится возможным характеризовать влияние внутренних и внешних факторов и контролировать факторы, зависящие от деятельности организации.

5. Определение резервов повышения эффективности деятельности. Проведение комплексного экономического анализа должно приносить пользу, и в первую очередь это выражается в выявлении неиспользованных резервов, т. е. возможностей [7].

6. Обоснование управленческих решений. Необходимо для обеспечения эффективности деятельности организации [8].

Термин *эффективность* предполагает характеристику организации по всем направлениям ее деятельности, в связи с этим данное сложное экономическое понятие по-разному трактуется в нормативных правовых актах и трудах российских и зарубежных экономистов [9–31].

В соответствии с Методологическими рекомендациями по проведению анализа финансово-хозяйственной деятельности организаций (утв. Госкомстатом России 28.11.2002), к показателям эффективности относятся:

- прибыль (убыток) от продаж, полученная за период;
- прибыль (убыток) до налогообложения, полученная за период;
- чистая прибыль (непокрытый убыток), полученная за период;
- показатели рентабельности (убыточности) [9].

По мнению А. Д. Шеремета, основными характеристиками эффективности финансово-хозяйственной деятельности являются показатели рентабельности [10; 11]. Е. В. Негашев считает, что эффективность приравнивается к показателям финансовых результатов деятельности коммерческой организации, т. е. к прибыли и рентабельности [12]. Г. В. Савицкая определяет эффективность как отношение результата или прибыли к затратам, что также является формулой рентабельности [13].

В результате исследования на основе различных экономических источников было определено, что термин *эффективность* для финансово-хозяйственной деятельности подразумевает определение финансовых результатов деятельности коммерческой организации, а именно только показателей прибыли и рентабельности, характеризующих эффективность в конкретной сфере деятельности организации [14]. Это означает, что рентабельность активов предполагает оценку только активов организации, рентабельность продаж ограничена анализом продаж, т. е. не существует единого агрегированного коэффициента, способного дать комплексную характеристику эффективности деятельности организации [15].

Словосочетание *оценка эффективности* предполагает или качественную характеристику достигнутого уровня эффективности финансово-хозяйственной деятельности, или отражает ее количественное значение применительно к одной сфере деятельности организации [16].

Значение оценки эффективности в некоторых аспектах схоже с задачами комплексного экономического анализа и включает следующие возможности:

- позволяет подтвердить или опровергнуть эффективность деятельности организации;
- помогает выбрать оптимальную политику для дальнейшего развития организации;
- показывает уровень эффективности применения материальных, трудовых и денежных ресурсов [17].

Таким образом, комплексный экономический анализ и оценка эффективности деятельности организации неразрывно связаны. На основе результатов комплексного экономического анализа производится оценка эффективности [18]. При этом важно отметить существующее противоречие – результаты комплексного экономического анализа должны предоставлять возможность

проводить оценку эффективности комплексно, т. е. в соответствии с одним из главных принципов этого анализа, но ввиду отсутствия стандартизированного методологического аппарата оценка эффективности производится фрагментарно [19].

Идеей для разработки методики анализа эффективности, объединяющей индикаторы финансовой устойчивости, ликвидности, рентабельности и оборачиваемости, выступил подход Аргенти [20]. Он заключается в том, что существует три типа показателей:

1. Недостатки. Показатели, демонстрирующие возможность банкротства организации задолго до фактического банкротства.

2. Ошибки. Из-за недостатков организация может совершать ошибки, например достигать высокой доли заемного капитала.

3. Симптомы. Вследствие накопления ошибок организация начинает проявлять симптомы неплатежеспособности, например ухудшение финансовых показателей, которое будет скрываться использованием «творческого бухгалтерского учета» [21].

В соответствии с подходом Аргенти складывается цепочка из четырех групп индикаторов, действующих друг за другом и приводящих к банкротству организации.

Результаты

Условия для созданной модели были основаны на подходе Аргенти и включают следующие базовые принципы:

1. В подходе Аргенти использовались недостатки, ошибки и симптомы для определения степени вероятности банкротства, в данной авторской методике используются оптимистичный, базовый и пессимистичный сценарии прогноза для показателей.

2. Оптимистичный и пессимистичный сценарии рассчитываются на основе максимальных и минимальных отклонений от базового сценария.

3. Показатели сгруппированы по четырем видам показателей: финансовой устойчивости, ликвидности, рентабельности, оборачиваемости.

4. Исходные данные берутся минимум за последние три года для более достоверных расчетов.

5. Показатели прогнозируются на пять лет вперед для планирования стратегических целей.

6. Эффективность прогнозируется на основе достижения или недостижения нормативов показателей организации.

7. Для сокращения времени на анализ по созданной методике была сформирована финансовая автоматизированная модель в Excel (апробация приводится с иллюстрационными примерами из данной модели).

Первым этапом анализа эффективности является ввод данных из бухгалтерского баланса и отчета о финансовых результатах на лист *Вводные данные БФО* (рис. 1 и 2). Голубым цветом обозначена зона для заполнения данных из бухгалтерского баланса, зеленым – для заполнения из отчета о финансовых результатах. Формы для заполнения данных выбраны типовые, чтобы организации могли заполнить их, просто скопировав данные. Для организаций, которые заполняют упрощенные формы отчетов, отдельно оранжевым цветом выделены строки, которые необходимы для расчета. Таким образом, заполнив только эти строки, расчет будет произведен полностью.

Основные данные для ООО «Стройрезультат», являющегося микропредприятием, в отчетности прописаны (рис. 1 и 2). Это означает, что расчет авторской методики может быть выполнен для любого типа организаций независимо от их величины.

Вторым этапом автоматически рассчитываются следующие коэффициенты:

1) коэффициент прогноза банкротства (КПБ);
2) коэффициент финансового левериджа (К(фин.л));
3) коэффициент обеспеченности собственными средствами (К(осос));
4) коэффициент автоматизации (К(авт));
5) частный коэффициент покрытия (ЧКП);
6) общий коэффициент платежеспособности (К(оп));
7) коэффициент текущей ликвидности (К(тл));
8) коэффициент быстрой ликвидности (К(бл));
9) коэффициент абсолютной ликвидности (К(ал));
10) рентабельность основных средств (ROFA);
11) рентабельность активов (ROA);
12) рентабельность капитала (ROE);
13) рентабельность затрат (ROEX);
14) рентабельность продукции (ROPR);
15) рентабельность продаж (ROS);
16) чистая прибыль;
17) выручка;
18) коэффициент оборачиваемости оборотных активов (К(обОА));
19) коэффициент оборачиваемости дебиторской задолженности (К(обДЗ));
20) коэффициент оборачиваемости денежных средств (К(обДС)).

Представим итоговую структуру авторской модели, включающей листы из Excel:

- организационные листы: панель управления, вводные данные БФО;
- показатели финансовой отчетности: КПБ, К(фин.л), К(осос), К(авт), ЧКП;
- показатели ликвидности: К(оп), К(тл), К(бл), К(ал);
- показатели рентабельности: ROFA, ROA, ROE, ROEX, ROPR, ROS, чистая прибыль, выручка;
- показатели оборачиваемости: К(обОА), К(обДЗ), К(обДС).

Для частного примера рассмотрим, как проводится анализ коэффициента прогноза банкротства. Смысл данного индикатора заключается в том, что для эффективности любой организации она должна в первую очередь оставаться платежеспособной, т. е. продолжать функционировать.

Бухгалтерский баланс				
Наименования показателя	2020	2019	2018	2017
АКТИВ				
I. ВНЕОБОРОТНЫЕ АКТИВЫ				
Нематериальные активы				
Результаты исследований и разработок				
Нематериальные поисковые активы				
Материальные поисковые активы				
Основные средства				
Доходные вложения в материальные ценности				
Финансовые вложения				
Отложенные налоговые активы				
Прочие внеоборотные активы				
Итого по разделу I				
II. ОБОРОТНЫЕ АКТИВЫ				
Запасы				
Налог на добавленную стоимость по приобретенным ценностям				
Дебиторская задолженность				
Финансовые вложения (за исключением денежных эквивалентов)				
Денежные средства и денежные эквиваленты				
Прочие оборотные активы				
Итого по разделу II				
БАЛАНС				
ПАССИВ				
III. КАПИТАЛ И РЕЗЕРВЫ				
Уставный капитал (складочный капитал, уставный фонд, вклады товарищей)				
Собственные акции, выкупленные у акционеров				
Переоценка внеоборотных активов				
Добавочный капитал (без переоценки)				
Резервный капитал				
Нераспределенная прибыль (непокрытый убыток)				
Итого по разделу III				
IV. ДОЛГОСРОЧНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА				
Заемные средства				
Отложенные налоговые обязательства				
Оценочные обязательства				
Прочие обязательства				
Итого по разделу IV				
V. КРАТКОСРОЧНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА				
Заемные средства				
Кредиторская задолженность				
Доходы будущих периодов				
Оценочные обязательства				
Прочие обязательства				
Итого по разделу V				
БАЛАНС				

Рис. 1. Шаблон для заполнения бухгалтерского баланса
Fig. 1. Balance sheet template

Отчет о финансовых результатах				
Наименования показателя	2020	2019	2018	2017
Выручка				
Себестоимость продаж				
Валовая прибыль (убыток)				
Коммерческие расходы				
Управленческие расходы				
Прибыль (убыток) от продаж				
Доходы от участия в других организациях				
Проценты к получению				
Проценты к уплате				
Прочие доходы				
Прочие расходы				
Прибыль (убыток) до налогообложения				
Текущий налог на прибыль				
в т.ч. постоянные налоговые обязательства				
Изменение отложенных налоговых обязательств				
Изменение отложенных налоговых активов				
Прочее				
Чистая прибыль (убыток)				

Рис. 2. Шаблон для заполнения отчета о финансовых результатах
Fig. 2. Income statement template

Для расчета сценариев как индикатора платежеспособности, так и следуемых за ним индикаторов прибыли и экономического роста были выбраны следующие темпы роста:

- максимальные темпы роста соответствуют оптимистичному сценарию;
- исторические темпы роста базовому;
- минимальные темпы роста пессимистичному.

Модель эффективности для расчетов индикатора платежеспособности представлена на рис. 3.

Исторические темпы роста фактического периода (2017–2020 гг.), рассчитываются на основе стандартной формулы темпа роста (1):

$$\text{ТрКПБ} = \frac{\text{КПБ}_n}{\text{КПБ}_{n-1}}, \quad (1)$$

где КПБ_n – значение КПБ в фактическом периоде, КПБ_{n-1} – значение КПБ в предыдущем периоде.

Исторические темпы роста прогнозного периода (2021–2026 гг.), рассчитываются на основе формулы CAGR (2):

$$CAGR = \left(\frac{\text{СРЗНАЧ}(\text{КПБ}_{EV}:\text{КПБ}_{EV-1})}{\text{КПБ}_{BV}}\right)^{\frac{1}{n}}, \quad (2)$$

где КПБ_{EV} – значение КПБ в конечном периоде, КПБЕ_{V-1} – значение КПБ в предпоследнем периоде, КПБ_{BV} – значение КПБ в начальном периоде, n – количество периодов.

CAGR – это совокупный среднегодовой темп роста, его формула введена в саму модель. Максимальные темпы роста рассчитаны по формуле Excel (3):

$$Max\text{ТрКПБ} = \text{МАКС}\ (X:Y). \quad (3)$$

Смысл данного показателя в том, чтобы найти максимальный темп роста коэффициента прогноза банкротства за 2017–2026 гг. и полученное значение применить для расчета оптимистичного сценария по формуле (4):

$$\text{КПБ}_n = \text{КПБ}_{n-1} * Max\text{ТрКПБ}, \quad (4)$$

где КПБ_n – значение КПБ в прогнозируемом периоде, КПБ_{n-1} – значение КПБ в предыдущем периоде, МахТрКПБ – рассчитанный максимальный темп роста КПБ.

Минимальные темпы роста рассчитаны по формуле Excel (5):

$$Min\text{ТрКПБ} = \text{МИН}\ (X:Y). \quad (5)$$

Смысл данного показателя в том, чтобы найти минимальный темп роста коэффициента прогноза банкротства за 2017–2027 г. и полученное значение применить для расчета пессимистичного сценария по формуле (6):

$$\text{КПБ}_n = \text{КПБ}_{n-1} * Min\text{ТрКПБ}, \quad (6)$$

где КПБ_n – значение КПБ в прогнозируемом периоде, КПБ_{n-1} – значение КПБ в предыдущем периоде, MinТрКПБ – рассчитанный минимальный темп роста КПБ.

После расчета дополнительных показателей темпов роста и сценариев платежеспособности определяется норматив коэффициента прогноза банкротства. Значение данного коэффициента должно быть больше 0.

На основе сравнения значений 20 коэффициентов по всем трем сценариям и их соответствующих нормативов производится пятый этап анализа – окончательный расчет эффективности деятельности организации.

ООО "Стройрезультат"				01.01.2019	01.01.2020	01.01.2021	01.01.2022
Модель эффективности				31.12.2019	31.12.2020	31.12.2021	31.12.2022
Прогноз коэффициента банкротства				Факт	Факт	Прогноз	Прогноз
		Ед. измерения	База				
КПБ	1			0,0000	0,0000	0,0000	0,0000
Сценарии платежеспособности							
Сценарий 1: Оптимистичный				0,0000	0,0000	0,0000	0,0000
Сценарий 2: Базовый				0,0000	0,0000	0,0000	0,0000
Сценарий 3: Пессимистичный				0,0000	0,0000	0,0000	0,0000
Дополнительные показатели, относительные							
Максимальные темпы роста		%	МАКС Тр	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%
Исторические темпы роста		%	CAGR	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%
Минимальные темпы роста		%	МИН Тр	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%
Дополнительные показатели, абсолютные							
Максимальные темпы роста		%	МАКС Тр	-	-	-	-
Исторические темпы роста		%	CAGR	0,00	0,00	0,00	0,00
Минимальные темпы роста		%	МИН Тр	-	-	-	-
Расчет для эффективности							
Норматив коэффициента прогноза банкротства				0	0	0	0
Эффективность сценариев							
Минимум КПБ		-					
Сценарий 1: Оптимистичный		-					
Сценарий 2: Базовый		-					
Сценарий 3: Пессимистичный		-					
Конец листа							

Рис. 3. Шаблон для заполнения индикатора платежеспособности
Fig. 3. Solvency indicator template

В отношении коэффициента прогноза банкротства производится расчет эффективности по четырем показателям: минимум КПБ, оптимистичный, базовый и пессимистичный сценарии. При соблюдении условия *КПБ текущего года > 0* (для минимума КПБ) и *КПБ 2026 г. > 0* (для остальных сценариев) организация получает +1 балл. Таким образом, модель эффективности деятельности в отношении индикатора платежеспособности, включающего коэффициент прогноза банкротства, способна отразить в организации до +4 баллов.

В отношении других коэффициентов происходит идентичное сравнение с нормативными показателями и присвоением по +1 баллу за каждое превышение норматива по разным сценариям, кроме чистой прибыли и выручки. Для этих показателей не существует норматива, поэтому было выбрано, что их темп прироста должен превышать темп прироста инфляции. Пример для расчета эффективности по чистой прибыли: при соблюдении условия *ЧП 2026 г. > ЧП по темпу инфляции* (оптимистичный, базовый и пессимистичный сценарии) организация получает +1 балл. Модель эффективности деятельности в отношении индикатора прибыли, включающего коэффициент чистой прибыли, способна отразить в организации до +3 баллов.

Изначально была обозначена промежуточная цель методики – получение количественного значения эффективности. После всех расчетов все баллы по 20 показателям и трем сценариям суммируются. Максимальное возможное значение составляет 78 баллов. В результате была создана градация определения эффективности: 0–30 баллов – низкая эффективность; 31–53 балла – средняя эффективность; 54–78 балла – высокая эффективность.

Преимущества разработаннной методики оценки эффективности деятельности организации, состоящей из 5 этапов: 1) автоматизация – для запуска модели необходимо заполнить данные из бухгалтерского баланса и отчета о финансовых результатах, затем расчет будет выполнен автоматически; 2) рассмотрение трех сценариев – прогнозные данные не всегда точны, а сценарный подход позволит определить будущие значения в конкретном диапазоне и построить стратегические цели точнее; 3) более широкий анализ показателя эффективности деятельности, включающий, помимо стандартных (выручки и чистой прибыли), показатель платежеспособности.

Апробация авторской методики для ООО «Стройрезультат»

Первым этапом были заполнены формы отчетности: бухгалтерский баланс (рис. 4), отчет о финансовых результатах (рис. 5). Для апробации методики представлены коэффициент текущей ликвидности уже с реальными данными по ООО «Стройрезультат» (рис. 6) и прогнозные значения коэффициента текущей ликвидности (рис. 7). Как было определено ранее, коэффициент текущей ликвидности включает в себя четыре показателя эффективности (отмечены голубым на рис. 8).

Показатели эффективности, в свою очередь, определяются в соответствии с выбранными нормативами. Минимум коэффициента текущей ликвидности определяется по следующему условию: фактический коэффициент в 2020 г., т. е. 0,8069, должен быть больше норматива, т. е. 2. Данное условие не соответствует, поэтому в голубой ячейке напротив *Минимум К(тл)* автоматически проставляется значение *неэффективный*, т. е. показатель, демонстрирующий неэффективную деятельность организации. Значение коэффициента текущей ликвидности составляет 1,2317, –0,0653 и –2,1313 при оптимистичном, базовом и пессимистичном сценариях. Все три сценария также дают значение меньше 2 и подтверждают неэффективную деятельность ООО «Стройрезультат».

Так рассчитываются все 20 показателей, а затем получается итоговая обобщенная оценка. Основным листом в модели Excel, обобщающим весь проведенный анализ финансово-хозяйственной деятельности, является *Панель управления* (рис. 9). Он включает в себя два блока информации: в первом блоке находятся расчеты финансового состояния и результативности ООО «Стройрезультат» по 20 коэффициентам, демонстрирующие достижение показателями нормативов при разных сценариях; во втором блоке прописана градация по баллам. Доля эффективности для ООО «Стройрезультат» составляет 17 % (13 баллов / 78 баллов), что позволяет отнести организацию к низкоэффективной.

Заключение

Применение авторской методики позволяет более полно осуществить контроль за эффективностью деятельности организации, особенно тем организациям, которые сталкиваются со сложностью проведения экономического анализа, не имеют ресурсов для его выполнения или привыкли ориентироваться только на краткосрочную перспективу. Разработка трансдисциплинарного математического аппарата на основе расширения понятия эффективности, создание в Excel автоматизированной системы, которая позволяет автоматически при вводе данных из бухгалтерского баланса и отчета о финансовых результатах рассчитывать коэффициенты финансово-хозяйственной деятельности организации для трех сценариев сразу, а также использование только двух форм отчетности (информация по которым предусмотрена в открытых источниках) доказывают инновационность и новаторство авторской методики, позволяют проводить анализ не только для изучения эффективности деятельности своей организации, но и других организаций для проведения бенчмаркинга. Это выходит за рамки поставленных перед исследованием целей и дает возможность для его совершенствования и дальнейшей разработки. Одним из возможных направлений расширения функционала модели является создание управляемой модели за счет изменения параметров, таким образом, модель может быть усовершенствована с целью поиска оптимальных значений рассматриваемых коэффициентов.

Бухгалтерский баланс				
Наименования показателя	2020	2019	2018	2017
АКТИВ				
I. ВНЕОБОРОТНЫЕ АКТИВЫ				
Нематериальные активы	0	0	0	0
Результаты исследований и разработок	0	0	0	0
Нематериальные поисковые активы	0	0	0	0
Материальные поисковые активы	0	0	0	0
Основные средства	0	0	0	0
Доходные вложения в материальные ценности	0	0	0	0
Финансовые вложения	0	0	0	0
Отложенные налоговые активы	0	0	0	0
Прочие внеоборотные активы				
Итого по разделу I	0	0	0	0
II. ОБОРОТНЫЕ АКТИВЫ				
Запасы	7 990	0	0	0
Налог на добавленную стоимость по приобретенным ценностям	302	0	0	45
Дебиторская задолженность	22 395	2 331	11 606	16 134
Финансовые вложения (за исключением денежных эквивалентов)	0	0	0	0
Денежные средства и денежные эквиваленты	4 483	9 117	44	43
Прочие оборотные активы	0	0	0	0
Итого по разделу II	35170	11448	11650	16222
БАЛАНС	**35170**	**11448**	**11650**	**16222**
ПАССИВ				
III. КАПИТАЛ И РЕЗЕРВЫ				
Уставный капитал (складочный капитал, уставный фонд, вклады товарищей)	10	10	10	10
Собственные акции, выкупленные у акционеров	0	0	0	0
Переоценка внеоборотных активов	0	0	0	0
Добавочный капитал (без переоценки)	0	0	0	0
Резервный капитал	0	0	0	0
Нераспределенная прибыль (непокрытый убыток)	-8 933	964	1 128	1 662
Итого по разделу III	-8923	974	1138	1672
IV. ДОЛГОСРОЧНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА				
Заемные средства	508	145	145	0
Отложенные налоговые обязательства	0	0	0	0
Оценочные обязательства	0	0	0	0
Прочие обязательства	0	0	0	0
Итого по разделу IV	508	145	145	0
V. КРАТКОСРОЧНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА				
Заемные средства	0	0	0	145
Кредиторская задолженность	43 585	8 829	8 867	12 905
Доходы будущих периодов	0	0	0	0
Оценочные обязательства	0	0	0	0
Прочие обязательства	0	1500	1500	1500
Итого по разделу V	43585	10329	10367	14550
БАЛАНС	**35170**	**11448**	**11650**	**16222**

Рис. 4. Заполнение бухгалтерского баланса ООО «Стройрезультат»
Fig. 4. Balance sheet, Stroyresultat LLC

Отчет о финансовых результатах				
Наименования показателя	2020	2019	2018	2017
Выручка	12 656	27 830	30 744	35162
Себестоимость продаж	0	19 239	29 260	33273
Валовая прибыль (убыток)	12656	8591	1484	1889
Коммерческие расходы	0	7 331	0	0
Управленческие расходы	12 486	0	0	0
Прибыль (убыток) от продаж	170	1260	1484	1889
Доходы от участия в других организациях	0	0	0	0
Проценты к получению	0	0	0	0
Проценты к уплате	0	0	0	0
Прочие доходы	0	0	0	0
Прочие расходы	67	55	74	92
Прибыль (убыток) до налогообложения	103	1205	1410	1797
Текущий налог на прибыль	0	0	0	0
в т.ч. постоянные налоговые обязательства	0	0	0	0
Изменение отложенных налоговых обязательств	0	0	0	0
Изменение отложенных налоговых активов	0	0	0	0
Прочее	0	0	0	0
Чистая прибыль (убыток)	**103**	**1205**	**1410**	**1797**

Рис. 5. Заполнение отчета о финансовых результатах ООО «Стройрезультат»
Fig. 5. Financial report, Stroyrezultat LLC

	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K
1	ООО "Стройрезультат"							01.01.2017	01.01.2018	01.01.2019	01.01.2020
2	Модель эффективности							31.12.2017	31.12.2018	31.12.2019	31.12.2020
3	Прогноз коэффициента текущей ликвидности							Факт	Факт	Факт	Факт
4						Ед. измерения	База				
5											
6		К(тл)		1				1,2431	1,3139	1,2966	0,8069
7											
8		Сценарии коэффициента текущей ликвидности									
9											
10		Сценарий 1: Оптимистичный						1,2431	1,3139	1,2966	0,8069
11		Сценарий 2: Базовый						1,2431	1,3139	1,2966	0,8069
12		Сценарий 3: Пессимистичный						1,2431	1,3139	1,2966	0,8069
13											
14		Дополнительные показатели, относительные									
15											
16		Максимальные темпы роста				%	МАКС Тр		105,7%	105,7%	105,7%
17		Исторические темпы роста				%	CAGR		105,7%	98,7%	62,2%
18		Минимальные темпы роста				%	МИН Тр		62,2%	62,2%	62,2%

Рис. 6. Фактические значения коэффициента текущей ликвидности ООО «Стройрезультат»
Fig. 6 . Actual values of the current liquidity ratio, Stroyrezultat LLC

	A	B	C	D	E	F	G	L	M	N	O	P	Q
1	ООО "Стройрезультат"							01.01.2021	01.01.2022	01.01.2023	01.01.2024	01.01.2025	01.01.2026
2	Модель эффективности							31.12.2021	31.12.2022	31.12.2023	31.12.2024	31.12.2025	31.12.2026
3	Прогноз коэффициента текущей ликвидности							Прогноз	Прогноз	Прогноз	Прогноз	Прогноз	Прогноз
4						Ед. измерения	База						
5													
6		К(тл)		1				0,8777	0,9485	1,0193	1,0901	1,1609	1,2317
7													
8		Сценарии коэффициента текущей ликвидности											
9													
10		Сценарий 1: Оптимистичный						0,8777	0,9485	1,0193	1,0901	1,1609	1,2317
11		Сценарий 2: Базовый						0,6616	0,5162	0,3708	0,2254	0,0800	-0,0653
12		Сценарий 3: Пессимистичный						0,3172	-0,1725	-0,6622	-1,1519	-1,6416	-2,1313
13													
14		Дополнительные показатели, относительные											
15													
16		Максимальные темпы роста				%	МАКС Тр	105,7%	105,7%	105,7%	105,7%	105,7%	105,7%
17		Исторические темпы роста				%	CAGR	94,6%	87,7%	86,1%	84,2%	81,5%	74,1%
18		Минимальные темпы роста				%	МИН Тр	62,2%	62,2%	62,2%	62,2%	62,2%	62,2%

Рис. 7. Прогнозные значения коэффициента текущей ликвидности ООО «Стройрезультат»
Fig. 7. Forecast values of the current liquidity ratio, Stroyrezultat LLC

ОО "Стройрезультат"					01.01.2017	01.01.2018	01.01.2019	01.01.2020	01.01.2021	01.01.2022	01.01.2023	01.01.2024	01.01.2025	01.01.2026
одель эффективности					31.12.2017	31.12.2018	31.12.2019	31.12.2020	31.12.2021	31.12.2022	31.12.2023	31.12.2024	31.12.2025	31.12.2026
рогноз коэффициента текущей ликвидности					Факт	Факт	Факт	Факт	Прогноз	Прогноз	Прогноз	Прогноз	Прогноз	Прогноз
			Ед. измерения	База										
К(тл)		1			1,2431	1,3139	1,2966	0,8069	0,8777	0,9485	1,0193	1,0901	1,1609	1,2317
Сценарии коэффициента текущей ликвидности														
Сценарий 1: Оптимистичный					1,2431	1,3139	1,2966	0,8069	0,8777	0,9485	1,0193	1,0901	1,1609	1,2317
Сценарий 2: Базовый					1,2431	1,3139	1,2966	0,8069	0,6616	0,5162	0,3708	0,2254	0,0800	-0,0653
Сценарий 3: Пессимистичный					1,2431	1,3139	1,2966	0,8069	0,3172	-0,1725	-0,6622	-1,1519	-1,6416	-2,1313
Дополнительные показатели, относительные														
Максимальные темпы роста			%	МАКС Тр		105,7%	105,7%	105,7%	105,7%	105,7%	105,7%	105,7%	105,7%	105,7%
Исторические темпы роста			%	CAGR		105,7%	98,7%	62,2%	94,6%	87,7%	86,1%	84,2%	81,5%	74,1%
Минимальные темпы роста			%	МИН Тр		62,2%	62,2%	62,2%	62,2%	62,2%	62,2%	62,2%	62,2%	62,2%
Расчет для эффективности														
Норматив коэффициента текущей ликвидности					2	2	2	2	2	2	2	2	2	2
Эффективность сценариев														
Минимум К(тл)		неэффективный												
Сценарий 1: Оптимистичный		неэффективный												
Сценарий 2: Базовый		неэффективный												
Сценарий 3: Пессимистичный		неэффективный												
Конец листа														

Рис. 8. Модель эффективности по коэффициенту текущей ликвидности ООО «Стройрезультат»
Fig. 8. Efficiency model based on the current liquidity ratio of Stroyrezultat LLC

Расчет финансового состояния	КПБ				К(фин.л)				К(осос)				К(авт)				ЧКП				К(оп)				К(тл)				К(бл)				К(ал)				Итог		Суммарный итог	
Сценарии	0	1	2	3	0	1	2	3	0	1	2	3	0	1	2	3	0	1	2	3	0	1	2	3	0	1	2	3	0	1	2	3	0	1	2	3				
Максимальное значение	1	1		1	1	1	#	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	36		Всего max	78
Значение предприятия	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	3		По организации	13

Расчет результативности	ROFA				ROA				ROE				ROEX				ROPR				ROS				ЧП				Выручка			К(обОА)				К(обДЗ)				К(обДС)				Итог
Сценарии	0	1	2	3	0	1	2	3	0	1	2	3	0	1	2	3	0	1	2	3	0	1	2	3	1	2	3		1	2	3	0	1	2	3	0	1	2	3	0	1	2	3	
Максимальное значение	1	1		1	1	1	#	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	42
Значение предприятия	0	0	0	0	1	1	0	0	0	1	0	0	1	0	0	0	0	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0		0	0	0	0	1	0	0	0	1	0	0	1	1	0	0	10

Рис. 9. Итоговый расчет эффективности ООО «Стройрезультат» по авторской методике
Fig. 9. Final performance assessment, Stroyresultat LLC

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflicting interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Д. С. Козлова – концептуализация, сбор и обработка данных, формальный анализ, написание (60 %). В. А. Быков – обработка данных, руководство проектом и редактирование статьи (25 %). И. Н. Якшилов – сбор, обработка данных и редактирование статьи (15 %).
Contribution: D. S. Kozlova developed the research concept, collected and processed the data, conducted the formal analysis, and wrote the article (60%). V. A. Bykov processed the data, supervised the project, and proofread the research (25%). I. N. Yakshilov collected and processed the data and proofread the research (15%).

Литература / References

1. Кваша В. А., Бурыкин А. Д. Финансы и их роль в повышении эффективности деятельности предприятия. *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2019. Т. 3. № 3. С. 83–91.
Kvasha V. A., Burykin A. D. The finance and their role in enhancing the efficiency of the enterprise. *Economics and management: problems, solutions*, 2019, 3(3): 83–91. (In Russ.)
2. Данилова Н. Л., Антонова Н. В. Показатели финансовой устойчивости организации. *Организационно-экономический механизм функционирования АПК в условиях многоукладной экономики: история, современность и перспективы*: мат-лы Всерос. (национ.) науч.-практ. конф. (Чебоксары, 5 ноября 2021 г.) Чебоксары: Чувашский ГАУ, 2021. С. 532–536.
Danilova N. L., Antonova N. V. Risks of loss of financial stability of the organization. *Organizational and economic mechanism for the functioning of the agro-industrial complex in a multi-structural economy: history, modernity, and prospects*: Proc. All-Russian (National) Sci.-Prac. Conf., Cheboksary, 5 Nov 2021. Cheboksary: Chuvash SAU, 2021, 532–536. (In Russ.)
3. Бариленко В. И. Учетно-аналитическое обеспечение управления возможностями бизнеса. *Пятый международный экономический симпозиум – 2021*: мат-лы Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 14–17 апреля 2021 г.) СПб.: Скифия-принт, 2021. С. 562–566.
Barilenko V. I. Accounting and analytical support of business capability management. *5th International Economic Symposium 2021*: Proc. Intern. Sci. Conf., St. Petersburg, 14–17 Apr 2021. St.-Petersburg: Skifiia-print, 2021, 562–566. (In Russ.)
4. Нечитайло И. А. Пять направляющих шагов теории ограничений систем: проблемы применения в стратегическом анализе. *Управленческое консультирование*. 2020. № 6. С. 97–109. https://doi.org/10.22394/1726-1139-2020-6-97-109
Nechitaylo I. A. The five focusing steps of the theory of constraints: problems of application in strategic analysis. *Administrative consulting*, 2020, (6): 97–109. (In Russ.) https://doi.org/10.22394/1726-1139-2020-6-97-109
5. Лысенко Д. В., Акгюн Л. Анализ эффективности использования имущества на основе бухгалтерского учета. *Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика*. 2021. Т. 23. № 1. С. 168–180. https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2021.1.14
Lysenko D. V., Akgün L. Analysis of the effeciency of using assets based on accounting. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*, 2021, 23(1): 168–180. (In Russ.) https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2021.1.14
6. Кузьмина Е. Е. Эволюция инновационного предпринимательства и проблемы его развития в России. *Экономика и управление в машиностроении*. 2017. № 5. С. 11–15.
Kuzmina E. E. Evolution of innovative entrepreneurship and the problems of its development in Russia. *Ekonomika i upravlenie v mashinostroenii*, 2017, (5): 11–15. (In Russ.)
7. Гавель О. Ю., Керимова Ч. В., Музалев С. В. Развитие методологии стратегического анализа эффективности бизнеса. М.: КноРус, 2021. 168 с.
Gavel O. Yu., Kerimova C. V., Muzalev S. V. *Development of the methodology of strategic analysis of business efficiency*. Moscow: KnoRus, 2021, 168. (In Russ.)
8. Селезнева И. П., Никифорова Н. А. Анализ эффективности бизнес-процессов организации с учетом инновационных ориентиров. *Аудит*. 2021. № 2. С. 34–37.

Selezneva I. P., Nikiforova N. A. Analysis of the performance of organization's business processes based on innovative benchmarks. *Audit*, 2021, (2): 34–37. (In Russ.)

9. Бариленко В. И. Бизнес-анализ как инструмент выявления и преодоления проблем. *РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция*. 2022. № 1. С. 119–123. https://doi.org/10.56584/1560-8816-2022-1-119-123
Barilenko V. I. Business analysis as a tool for identifying and overcoming problems. *RISK: Resources, Information, Supply, Competition*, 2022, (1): 119–123. (In Russ.) https://doi.org/10.56584/1560-8816-2022-1-119-123
10. Шеремет А. Д. 4.2. Анализ и аудит показателей устойчивого развития предприятия. *Аудит и финансовый анализ.* 2017. № 1. С. 154–161.
Sheremet A. D. 4.2. Analysis and audit of sustainable development indicators at enterprise levels. *Audit i finansovyi analiz*, 2017, (1): 154–161. (In Russ.)
11. Шеремет А. Д., Гармаш М. Г. 3.8. Комплексная рейтинговая оценка устойчивости развития предприятий. *Аудит и финансовый анализ*. 2017. № 3-4. С. 152–157.
Sheremet A. D., Garmash M. G. 3.8. Comprehensive rating estimation of corporate sustainability. *Audit i finansovyi analiz,* 2017, (3-4): 152–157. (In Russ.)
12. Негашев Е. В. Логическое обоснование структуры, содержания и алгоритмов методики анализа финансовой устойчивости коммерческой организации на основе концепции устойчивости финансового равновесия. М.: КноРус, 2020. 130 с.
Negashev E. V. *Logical substantiation of the structure, content, and algorithms of the methodology for analyzing the financial stability of a commercial organization based on the concept of financial equilibrium stability.* Moscow: KnoRus, 2020, 130. (In Russ.)
13. Савицкая Г. В. Показатели финансовой эффективности предпринимательской деятельности: обоснование и методика расчета. *Экономический анализ: теория и практика*. 2012. № 39. С. 14–22.
Savitskaya G. V. Indicators of financial efficiency of entrepreneurial activity: rationale and calculation methodology. *Ekonomicheskii analiz: teoriia i praktika*, 2012, (39): 14–22. (In Russ.)
14. Шеремет А. Д. Комплексный анализ и оценка финансовых и нефинансовых показателей устойчивого развития компаний. *Аудит*. 2017. № 5. С. 6–9.
Sheremet A. D. Comprehensive analysis and evaluation of financial and non-financial indicators of sustainable development of companies. *Audit*, 2017, (5): 6–9. (In Russ.)
15. Селютина А. В., Андреев О. С., Базаева Т. И., Римм К. С., Русакова Е. В., Смолькова А. Ю., Солодова Е. П., Сураева М. О. Современная российская модель управления: концепции, инструменты и перспективы развития. Самара: Ас Гард, 2013. 318 с.
Selyutina A. V., Andreev O. S., Bazaeva T. I., Rimm K. S., Rusakova E. V., Smolkova A. Yu., Solodova E. P., Suraeva M. O. *Modern Russian management model: concepts, tools, and development prospects*. Samara: As Guard, 2013, 318. (In Russ.)
16. Экономические теории в пространстве и времени, под ред. В. С. Автономова, А. Я. Рубинштейна. СПб.: Алетейя, 2020. 360 с.
Economic theories in space and time, eds. Avtonomov V. S., Rubinshtein A. Ya. St. Petersburg: Aleteiia, 2020, 360. (In Russ.)
17. Малышенко В. А. Стратегический финансовый анализ как метод изучения комплексной финансовой устойчивости предприятия. М.: Русайнс, 2020. 185 с.
Malyshenko V. A. *Strategic financial analysis as a method for studying the complex financial stability of an enterprise*. Moscow: Rusains, 2020, 185. (In Russ.)
18. Козлова Д. С. Совершенствование методики рейтинговой оценки экономических субъектов с помощью бенчмаркинга. *Ломоносов-2018*: мат-лы 25 Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 9–13 апреля 2018 г.) М.: МАКС Пресс, 2018. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2018/data/13591/78436_uid160609_report.pdf (дата обращения: 29.12.2021).
Kozlova D. S. Improving the methodology for rating assessment of economic entities with the help of benchmarking. *Lomonosov-2018*: Proc. 25th Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 9–13 Apr 2018. Moscow: Maks Press, 2018. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2018/data/13591/78436_uid160609_report.pdf (accessed 29 Dec 2021). (In Russ.)
19. Колесов Р. В., Кваша В. А. Управление эффективностью деятельности организации. *Институциональные основы экономики опережающего развития:* мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Ярославль, 18 марта 2019 г.) Ярославль: ЯГПУ, 2019. С. 203–208.
Kolesov R. V., Kvasha V. A. Organization performance management. *Institutional foundations of the economy of advanced development:* Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Yaroslavl, 18 Mar 2019. Yaroslavl: YSPU, 2019, 203–208. (In Russ.)
20. Быков В. А., Туманов Д. В. Концептуальные основы управления предприятием, находящимся в кризисной ситуации, на основе финансового анализа. *Вестник Московского финансово-юридического университета.* 2018. № 2. С. 106–124.

Bykov V. A., Tumanov D. V. Conceptual framework of crisis management based on financial analysis. *Vestnik Moskovskogo finansovo-iuridicheskogo universiteta*, 2018, (2): 106–124. (In Russ.)

21. Endovitsky D. A., Lyubushin N. P., Babicheva N. E., Zotova E. S. Assessment of the balance of economic entities' activity at different life cycle stages. *Montenegrin Journal of Economics,* 2019, 15(2): 71–79.
22. Экономический анализ: опыт и перспективы развития, ред. В. И. Бариленко, М. Н. Толмачев. М.: КноРус, 2022. 864 с. *Economic analysis: experience and development prospects*, eds. Barilenko V. I., Tolmachev M. N. Moscow: KnoRus, 2022, 864. (In Russ.)
23. Бариленко В. И. Аналитическое обеспечение управления архитектурой предприятия. *Архитектура финансов: вызовы новой реальности*: мат-лы XI Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 22–26 марта 2021 г.) СПб.: СПбГЭУ, 2021. С. 276–280.
    Barilenko, V. I. Analytical support of control enterprise architecture. *Architecture of finance: challenges of the new reality*: Proc. XI Intern. Sci.-Prac. Conf. St. Petersburg, 22–26 Mar 2021. St. Petersburg: SPbSUE, 2021, 276–280. (In Russ.)
24. Endovitskiy D., Davnis V., Dobrina M. A new approach to modeling and analysis portfolio investment solutions. *Opcion*, 2019, 35(24): 420–440.
25. Ефимова О. В. Инструменты анализа платежеспособности организаций в кризисных условиях. *Апрельские научные чтения имени профессора Л. Т. Гиляровской*: мат-лы XI Междунар. науч.-практ. конф. (Воронеж, 8 апреля 2022 г.) Воронеж: ВГУ, 2022. С. 65–68.
    Efimova O. V. Tools for the solvency analysis in crisis conditions. *Professor L. T. Gilyarovskaya April Scientific Readings:* Proc. XI Intern. Sci.-Prac. Conf., Voronezh, 8 Apr 2022. Voronezh: VSU, 2022, 65–68. (In Russ.)
26. Бариленко В. И., Ефимова О. В., Гришкина С. Н., Гетьман В. Г., Булыга Р. П., Кеворкова Ж. А., Никифорова Е. В., Полулех М. В. Учетно-аналитическое и контрольное обеспечение устойчивого развития экономических субъектов. М.: КноРус, 2018. 258 с.
    Barilenko V. I., Efimova O. V., Grishkina S. N., Getman V. G., Bulyga R. P., Kevorkova Zh. A., Nikiforova E. V., Polulekh M. V. *Accounting, analytical, and control support for the sustainable development of economic entities.* Moscow: KnoRus, 2018, 258. (In Russ.)
27. Ефимова О. В., Рожнова О. В., Музалев С. В., Зенкина И. В., Никифорова Е. В., Шнайдер О. В., Ермакова М. Н., Ушанов И. Г., Ткачева М. В., Басова М. М., Волков М. А., Воронина Я. Ю. *Информационно-аналитическое обеспечение управления социально-экономическим и экологическим развитием экономических субъектов*. М.: Русайнс, 2021. 178 с.
    Efimova O. V., Rozhnova O. V., Muzalev S. V., Zenkina I. V., Nikiforova E. V., Shnayder O. V., Ermakova M. N., Ushanov I. G., Tkacheva M. V., Basova M. M., Volkov M. A., Voronina Ya. Yu. *Information and analytical support for managing the socio-economic and environmental development of economic entities*. Moscow: Rusain, 2021, 178. (In Russ.)
28. Ендовицкий Д. А., Панкратова М. В. Цель внутреннего контроля корпоративной устойчивости. *Экономический анализ: теория и практика*. 2018. Т. 17. № 7. С. 1211–1226. https://doi.org/10.24891/ea.17.7.1211
    Endovitskii D. A., Pankratova M. V. The purpose of internal control of corporate sustainability. *Ekonomicheskii analiz: teoriia i praktika*, 2018, 17(7): 1211–1226. (In Russ.) https://doi.org/10.24891/ea.17.7.1211
29. Kvasha V. A., Kozlova D. S., Kolesov R. V. Improvement of the methodology for assessing the predicted efficiency of government programs based on the political economy analysis. *Marx and Modernity. A Political and Economic Analysis of Social Systems Management,* 2019, 2019: 609–620.
30. Endovitskii D. A., Lyubushin N. P., Babicheva N. E., Kupryushina O. M. From assessment of organization's fFinancial standing to integrated methodology for analysis of sustainable development. *Digest Finance*, 2017, 22(2): 123–143. https://doi.org/10.24891/df.22.2.123
31. Chugumbaev R. R., Nesterenko Y. N., Fedotova G. V., Chugumbaeva N., Barilenko V. I. Strategic control as a tool of effective management of region's economy. *Growth poles of the global economy: emergence, changes and future perspectives*, ed. Popkova E. G. Luxembourg: Springer Nature, 2020, 25–36. https://doi.org/10.1007/978-3-030-15160-7_3

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
POLITICAL, SOCIOLOGICAL AND ECONOMICS

оригинальная статья

Приватизация и концессия как перспективные формы взаимодействия государства и бизнеса: зарубежный и российский опыт

Меджидов Заур Уруджалиевич
Дагестанский государственный университет народного хозяйства, Россия, Махачкала
https://orcid.org/0000-0002-6008-1661
zaur-medzhidov@mail.ru

Поступила 25.03.2022. Принята после рецензирования 27.06.2022. Принята в печать 27.06.2022.

Аннотация: Сложившийся в западных странах механизм партнерских отношений государства с частным бизнесом при реализации общественно-значимых инвестиционных проектов представляет новую ступень государственного регулирования экономики, основанную на либеральных концепциях развития. Использование инвестиционного механизма в рамках таких систем в российских условиях возможно, особенно в тех сферах и направлениях деятельности, в которых частные инвестиции способны обеспечить устойчивый вектор равновесного роста экономической системы, оставляя за государством контрольные функции. Экономическое положение субъектов РФ требует использования различных инструментов для оценки их экономического потенциала, состояния социально-экономического развития, финансового баланса и условий конкуренции на внутреннем и мировом рынках. Такие инструменты важны для активной федеральной политики, направленной на искоренение межрегионального неравенства и обеспечение экономической целостности страны. Цель работы – исследование зарубежного и российского опыта приватизации и концессий. Методы исследования: синтез, статистический и сравнительный анализ, методы системного и графического анализа. Предмет – системы отношений государства и бизнеса, ориентированные на создание и эксплуатацию объектов социально-производственной инфраструктуры. Определены их принципиальные отличия, точки соприкосновения, преимущества и недостатки. Выявлено, что в современных условиях концессионное соглашение является наиболее популярной и привлекательной формой отношений между государством и бизнесом.
Ключевые слова: приватизация, концессия, инфраструктурные проекты, сравнительный анализ, взаимодействие государства и бизнеса, практика применения

Цитирование: Меджидов З. У. Приватизация и концессия как перспективные формы взаимодействия государства и бизнеса: зарубежный и российский опыт. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2022. Т. 7. № 3. С. 354–366. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-3-354-366

full article

Privatization and Concession as Promising Forms of Interaction between the State and Business: Foreign and Russian Experience

Zaur U. Medzhidov
Dagestan State University of National Economy, Russia, Makhachkala
https://orcid.org/0000-0002-6008-1661
zaur-medzhidov@mail.ru

Received 25 Mar 2022. Accepted after peer review 27 Jun 2022. Accepted for publication 27 Jun 2022.

Abstract: The mechanism of public and private partnership has developed in Western countries as a result of socially significant investment projects. It represents a new, liberal stage of state regulation of the economy. This investment mechanism is also possible in Russia, especially in those areas where private investment provides a sustainable vector for the equilibrium growth of the economic system, leaving control functions to the state. Russian regions require various tools to assess their economic potential, socio-economic development, financial balance, and competitive conditions in the domestic and world markets. Such tools ensure an active federal policy and the economic integrity of the country. The authors explored foreign and domestic experience of privatization and concessions as promising forms of interaction between the state and the business. The research employed such standard methods as synthesis, comparison, statistical analysis, systemic and graphical analysis, etc. The article

© 2022. The Author(s). This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

describes the system of public and private partnership in the sphere of social and industrial infrastructure facilities with their fundamental differences, contact points, advantages, and disadvantages. The review showed that concession is the most popular and attractive form of relationship between the state and business in modern conditions, both abroad and in Russia.
Keywords: privatization, concession, infrastructure projects, comparative analysis, interaction between the state and business, application practice

Citation: Medzhidov Z. U. Privatization and Concession as Promising Forms of Interaction between the State and Business: Foreign and Russian Experience. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(3): 354–366. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-3-354-366

Введение

Обеспечение устойчивого роста национальной экономики, развитие промышленного производства, повышение социальных и экологических параметров отраслевых производств возможно на основе ускорения структурных преобразований. Одно из направлений реструктуризации – формирование промышленных агломераций на базе объединения предприятий в горизонтально или вертикально интегрированные структуры с единой финансовой и производственно-социальной инфраструктурой и соответствующим согласованием интересов предприятий.

Сегодня мировая экономика находится под постоянным воздействием процессов глобализации, которые кардинально изменяют традиционные подходы к пониманию экономических процессов. Очевидно, что пандемия COVID-19 оказывает беспрецедентное воздействие на предприятия всех размеров и типов по всему миру. Многие предприятия уже прекратили свою деятельность, некоторые вынуждены сокращать штат персонала. Другим пришлось снизить темпы производства, либо они балансируют на грани банкротства. Иные же столкнулись со снижением спроса на продукцию или услуги [1].

В условиях ограниченных финансовых возможностей государства и беспрецедентной государственной помощи населению и экономике, становится актуальной задача по активизации и расширению применения современных механизмов взаимодействия государства и бизнеса. Основой здесь выступает наличие дееспособной нормативно-правовой базы и опыт реализации проектов с использованием таких механизмов.

Текущая политическая и экономическая ситуация требует от государств интенсификации усилий по налаживанию деятельности и повышению эффективности всех государственных структур. Поскольку ресурсы государства ограничены, приходится искать баланс между сохранением экономической эффективности и повышением качества жизни населения. В этой связи инвестиционный аспект национальной экономики требует выработки новых либо усовершенствования уже устоявшихся подходов к финансированию капитальных вложений, организации их учета и контроля в текущих условиях.

В РФ самым инвестиционноемким среди национальных проектов (госпрограмм) выступает проект модернизации инфраструктуры: в следующие шесть лет федеральный бюджет потратит на него свыше 3 трлн руб. Еще 3,3 трлн руб. будет выделено на внебюджетные источники и регионы (58,7 млрд руб.). Планируется, что за счет этих средств будет осуществлено развитие транспортных коридоров Запад – Восток и Север – Юг, что повысит уровень экономической связанности в стране. Развитие инфраструктуры является самым дорогим из национальных проектов, на реализацию которого приходится четверть общих расходов на нацпроекты [2].

В современной отечественной и зарубежной практике используются следующие формы взаимодействия государства и бизнеса: приватизация, госзаказ, госзакупка, ГЧП с его различными формами применения (концессионное соглашение, специальный инвестиционный контракт, соглашение о ГЧП и т. д.), приоритетный инвестиционный проект и др. В научной литературе недостаточно исследованы параллели между такими формами взаимодействия, в частности между приватизацией и концессионным соглашением. Недостаточно систематизированы их отличия, точки соприкосновения, преимущества и недостатки, в связи с чем требуется тщательный анализ.

Выбор обозначенных механизмов обусловлен их популярностью (как в зарубежной, так и в отечественной практике), относительно устоявшейся нормативно-правовой базой, богатым историческим опытом, а также тем, что создание и эксплуатация объектов социально-производственной инфраструктуры – обязанность любого государства. Практика использования данных механизмов уже показала, что они способны решать такие задачи.

Приведенные обстоятельства позволяют считать настоящее исследование актуальной научной проблемой и насущной практической задачей, решение которой предпринималось различными исследователями.

I. Marcelin и I. Mathur анализируют то, как институциональные механизмы (права собственности, договорные права, политические институты, практика корпоративного управления) влияют на деятельность приватизированных компаний, развитие рынков капитала и экономический рост страны [3]. M. Radić, D. Ravasi и K. Munir придерживаются мнения, что приватизация может быть мощным средством повышения конкурентоспособности экономики. Однако если она преследуется по идеологическим или политическим мотивам, это может привести к погоне за рентой

и общему снижению экономической конкурентоспособности страны [4]. Отдельный блок исследований посвящен влиянию приватизации на конкретные государства.

Венгрия была одной из первых стран Центральной и Восточной Европы, начавших проведение приватизации в 1989 г. Подготовка к приватизации велась на протяжении достаточно длительного периода времени. Первые попытки реформирования экономики начались в 1968 г. «Венгрия стала первой страной из стран ЦВЕ, которая запустила приватизацию крупных стратегических активов, что позволило привлечь не только деньги от их продажи, но и послужило сигналом и своего рода гарантией для иностранных инвесторов, тем самым значимо повысив их интерес к венгерской экономике»[1] [5].

Польский опыт реализации политики приватизации раскрыт в исследовании B. Slay. Автор отмечает, что приватизация в смысле передачи государственной собственности частным организациям или частным лицам была ключевой целью всех четырех посткоммунистических правительств Польши. «В целом скорость приватизации государственных активов и притока иностранного капитала в Польше была медленнее, чем в Венгрии. Однако, несмотря на это, стране удалось реализовать существенные изменения в структуре экономики. В целом приватизация стала своего рода стартовой точкой бурного развития частного сектора Польши» [6].

Ориентиру на развитие систем партнерских отношений посвящены труды отечественных ученых-исследователей. В одной из своих работ В. Н. Мочальников отмечал, что «мировой опыт насчитывает 7–9 форм концессионных соглашений. Некоторые из них представляют собой не что иное, как одну из модификаций приватизации» [7].

А. Г. Зельднер считает, что механизм конвертации внутренних инвестиционных источников в условиях постковидного периода и растущих санкций в крупные инфраструктурные проекты лежит в основе развития партнерских отношений государства и бизнеса (ГЧП), и в этом плане активизация использования в увеличенном масштабе госинвестиций может стать стимулом для привлечения частных инвестиций в воспроизводственный процесс [8].

С позиции А. Г. Зельднера и В. С. Осипова, концессии – перспективный инструмент макроэкономической политики и способ привлечения инвестиций для обеспечения высоких темпов экономического роста. Концессии могут определить характер формируемой модели государственного экономического управления и стать триггерами регионального экономического роста [9].

Е. М. Бухвальд выделяет такой тренд развития законодательства о ГЧП, как интеграция в документы стратегического планирования и в реализуемые национальные проекты целевого указания на наиболее востребованные в той или иной сфере формы ГЧП [10].

Ряд работ зарубежных исследователей посвящен развитию теоретических основ и практических аспектов концессионных соглашений. Большая часть публикаций связана с анализом вопросов ГЧП в транспортной сфере, а также в сфере ЖКХ и социальной сфере. При этом по национальной принадлежности авторов более половины исследований, посвященных ГЧП, осуществляется учеными из Китая, США (13 %), Австралии и Великобритании (по 10 %) [11]. Влиянию альтернативных моделей концессий на экономическую эффективность в транспортном секторе посвящено исследование [12].

Африканский опыт использования концессий в строительной сфере имеет свои особенности. На рынке ГЧП участники сталкиваются с такими проблемами, как пробелы в нормативно-правовой базе, уклонение от судебных постановлений, изменение политики, коррупция, нестабильность обменного курса, высокие процентные ставки, недостаточная прозрачность управления контрактами со стороны правительства [13].

Практика реализации политики приватизации государственного и муниципального имущества

Приватизация – это сделка или серия сделок, посредством которых правительство полностью или частично продает долю в государственном активе. Она часто используется в контексте государственных предприятий, которые для подготовки к продаже сначала преобразуются в корпорации и проводят финансовую и операционную реструктуризацию.

Богатый исторический опыт реализации политики приватизации государственного имущества демонстрирует, что развитые страны и страны с трансформирующейся экономикой придерживаются разных целей и задач. В развитых странах приватизация зачастую осуществляется в условиях сформированной частной и государственной собственности. В этом случае основным условием реализации приватизации является проведение сложных переговоров о передаче больших комплексов государственной собственности в руки стратегических инвесторов через аукцион.

Приватизационные процессы в зарубежных развитых странах условно можно разделить на три периода:

1. 1990-е гг. – декабрь 1994. Этот период характеризуется развертыванием масштабных событий в области приватизации, что послужило лейтмотивом для осуществления экспериментов с массовыми схемами передачи государственной собственности, которые при поддержке международных финансовых организаций рассматривались как необходимые подходы к трансформации структуры собственности [14].

[1] Здесь и далее – перевод автора.

2. 1995 – декабрь 1996. Успех традиционной приватизации в условиях роста мировой экономики и финансовых рынков, когда основные шаги по трансформации структуры собственности уже сделаны и начинается развитие экономики на новом фундаменте частной собственности.
3. 1997 – настоящее время. Закрепление тенденций 1990-х гг. на базе накопленного опыта в условиях замедления роста мировой экономики. В этот период приватизационные процессы еще продолжались, но масштабные эксперименты к тому времени уже были закончены, что приводит к возвращению традиционных способов продажи государственных предприятий.

В странах с трансформирующейся экономикой наметилось два подхода к осуществлению приватизации: «крупномасштабная приватизация, проводившаяся в странах Центральной и Восточной Европы, и постепенное преобразование отношений собственности на предприятиях через создание промежуточных институтов, коммерциализацию их деятельности, активно реализуемых в современном Китае» [15].

Проанализировав практику реализации приватизации в странах Центрально-Восточной Европы, можно отметить следующее:

1. В странах с высоким уровнем реализации приватизации (Болгария, Венгрия, Словакия, Чехия) более 50 % активов государственных предприятий находится в частной собственности и имеет место значительный прогресс в сфере корпоративного управления.

2. В странах со средним уровнем реализации приватизации (Латвия, Польша, Румыния, Словения, Хорватия) более 25 % активов крупных предприятий перешли в частные руки. Аналогичный результат демонстрируют некоторые страны бывшего СНГ (Армения, Грузия, Украина, Россия).

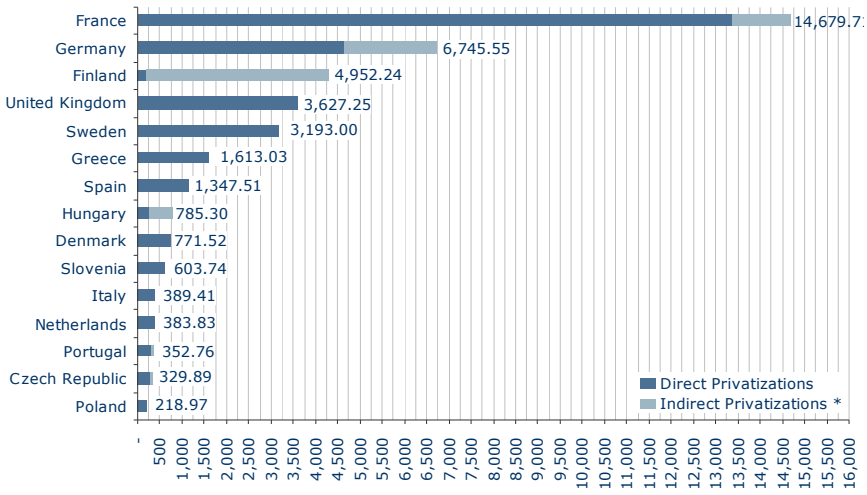
В табл. 1 представлены основные положения приватизационных программ, применяемых в различных странах. В целом позитивных сдвигов в ходе реализации приватизационных процессов достигли Китай, Канада и Франция. Распределение доходов от приватизации госимущества по странам Европы представлено на рис.1[2].

Самым ярким примером может послужить отечественная программа приватизации, которая носила беспрецедентный по своим масштабам характер и в результате

Табл. 1. Основные положения приватизационных программ, применяемых в различных странах
Tab. 1. Privatization programs in various countries

Страна	Год начала приватизации	Основные положения программы
Бразилия	1991	Обеспечение использования кредита в социальных фондах в форме средств для приватизации, гарантирование возможности приобретения на особых условиях определенного количества акций сотрудниками частного предприятия, обеспечение участия в приватизации зарубежного капитала [19].
Великобритания	1979	Создание различных программ стимулирования покупки акций сотрудниками предприятий и структур посредством установления скидок и обеспечения доступности акций через посредничество банков и широкомасштабных рекламных кампаний в средствах массовой информации. Предусмотрена система регулирования деятельности естественных монополий в послеприватизационный период, которая включает лицензирование и контроль цен путем создания режима потолка цен [16].
КНР	1978	Ставка не на продажу государственных компаний, а на повышения уровня конкурентоспособности и эффективности управления, использование приватизации через продажу акций [20].
Канада	1985	Индивидуальный подход к приватизации каждого предприятия. Акции для граждан размещаются на фондовом рынке посредством тендера, а продажи стратегическим инвесторам осуществляются посредством переговоров. Государство проводит поэтапную предпродажную подготовку приватизируемого предприятия: проведение оценки рыночной стоимости; объявление условий продажи. Также государство оставляет за собой право назначать представителей в советы директоров и правления предприятий; ограничивать количество акций, принадлежащих конкретным инвесторам; накладывать запрет на осуществление действий по реструктурированию и реорганизации предприятий [18].
Франция	1986	Автоматическое распределение акций между сотрудниками приватизированных компаний, частное размещение крупных блоков акций у стабильного ядра институциональных инвесторов, которые не будут использовать эти акции в спекулятивных целях. Государство способствовало устойчивому положению акций на фондовом рынке и сохранению за собой контрольного пакета акций приватизированных предприятий [17].

[2] The PB Report 2007. *Privatization Barometer*. URL: https://feem-media.s3.eu-central-1.amazonaws.com/wp-content/uploads/20091161610354PB_Annual_Report_2007.pdf (accessed 1 Mar 2022).



*Direct Privatizations refer to the sale of government's direct stakes. Indirect Privatizations include spin-offs and transfer of shares from government-owned companies.

Рис. 1. Распределение доходов от приватизации госимущества по странам Европы, 2007, млн евро
Fig. 1. Income from state property privatization in European countries, 2007, million euros

которой сформировался крупный негосударственный сектор экономики. Впервые термин *приватизация* был определен Законом РФ от 04.06.1991 № 1541-1 «О приватизации жилищного фонда в РФ». В те годы приватизация в России на всех этапах сопровождалась крупными нарушениями, выражавшимися, прежде всего, в занижении стоимости передаваемых в частные руки активов. Ключевая задача – повышение эффективности госимущества и наращивание реальной конкуренции между частным и государственным секторами не была достигнута ни в одной из приватизационных волн. По сути, приватизация нанесла тяжелый удар экономике страны.

Впоследствии был принят ФЗ от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества», где под приватизацией государственного и муниципального имущества следует понимать возмездное отчуждение имущества, находящегося в собственности РФ, субъектов страны либо муниципальных образований, в собственность физических и / или юридических лиц. В ст. 13 ФЗ № 178-ФЗ упоминаются способы приватизации государственного и муниципального имущества: преобразование унитарного предприятия в акционерное общество либо в общество с ограниченной ответственностью; продажа государственного или муниципального имущества на аукционе, конкурсе; продажа акций акционерных обществ на специализированном аукционе; продажа за пределами территории страны находящихся в государственной собственности акций акционерных обществ и др.

Сегодня основная цель реализации приватизации – это сокращение доли государства в использовании такого имущества. Считается, что продажа проблемных активов, находящихся на стадии банкротства либо ликвидации частному лицу, должна сделать экономику региона и страны более конкурентоспособной и повысить эффективность государственных расходов. Приватизация должна выполнять роль инструмента, повышающего эффективность объектов хозяйствования и механизм усиления конкуренции экономики [21].

И. В. Смирнова отмечает, что в законе о приватизации установлены ограничения для участия отдельных категорий физических и юридических лиц в управлении государственным имуществом. Однако такое ограничение не связано с использованием при приватизации госкредитов и оффшоров [22].

В 2020 г. произошел ряд изменений законодательства о приватизации:

- определен новый уполномоченный федеральный орган исполнительной власти по нормативно-правовому регулированию – Министерство финансов РФ;
- установлены дополнительные требования к планированию приватизации;
- уточнен порядок предоставления отчетности о результатах приватизации;
- добавлена возможность приватизировать собственность без включения в программу приватизации;
- добавлена возможность продажи имущества на торгах единственному участнику;
- социально ориентированные некоммерческие организации могут принимать участие в приватизации арендуемого государственного или муниципального недвижимого имущества;
- добавлена возможность приватизировать газовые сети.

Несмотря на это, последствия неудачной приватизационной политики в нашей стране ощущаются по сей день. В России по-прежнему остро стоит проблема нехватки новых крупных предприятий, которые могли бы заменить те, которые перестали функционировать, ограничен приток на российский рынок иностранных капиталов, т. к. многие активы были дешево распроданы «своим». Последний аспект получится нивелировать еще не скоро в силу проблем, вызванных проведением специальной военной операции в Украине и введением западными странами масштабных санкций. Из-за этого в России больше миллиардеров, чем в любой другой стране мира (кроме США), однако нет действенной стратегии экономического роста страны.

Отметим, что несмотря на приватизацию, осуществляемую в России более 25 лет, государственный сектор продолжает занимать существенное место в экономике. По данным Международного валютного фонда на 2019 г.[3], доля государственного сектора в добавленной стоимости в России составляет 33 %, в то время как Федеральная антимонопольная служба России сообщает о том, что доля госсектора занимает более половины в национальной экономике страны[4], препятствуя развитию конкуренции. На рис. 2[5] представлена динамика объемов выручки компаний с государственным участием. Нельзя не отметить тот факт, что, владея активами на сотни миллиардов долларов, страна собирает дивидендов от контролируемых им компаний в размере 5 %.

Опыт реализации механизма концессионных соглашений

Как показывает практика, во многих странах уже давно отказываются от чистой приватизации в целях развития социально-производственной инфраструктуры [23]. Все большую популярность обретают другие формы взаимодействия государства и бизнеса, такие как концессионные соглашения. Для более полного понимания мирового опыта в развитии ГЧП, в частности концессий, необходимо проанализировать, в каких странах ГЧП оформлено законодательно на федеральном уровне (табл. 2). Наличие федерального закона о ГЧП не всегда является залогом успешного функционирования ГЧП.

Это подтверждает опыт Нидерландов или Турции, которые занимают одни из ведущих позиций на европейском рынке ГЧП (рис. 3[6]).

Табл. 2. Законодательная база в сфере ГЧП на федеральном уровне в странах мира
Tab. 2. Legislative framework in public and private partnership at the federal level in different countries

Страна	Федеральный закон о ГЧП
Великобритания	Отсутствует
Германия	Закон «О развитии ГЧП» от 2005 г.
Ирландия	Закон «О ГЧП» от 21.02.2002
Канада	Отсутствует
Китай	Отсутствует
Нидерланды	Отсутствует
США	Отсутствует
Турция	Отсутствует
Франция	Закон «О контрактах ГЧП» от 28.07.2008

Рис. 2. Динамика объемов выручки отечественных компаний с государственным участием
Fig. 2. Support dynamics of revenue volumes of domestic companies with state participation

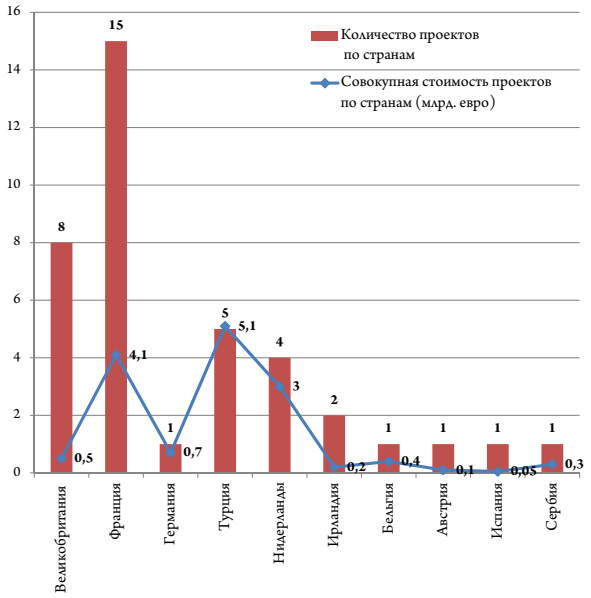


Рис. 3. Совокупная стоимость и количество проектов ГЧП по странам Европы, 2021
Fig. 3. Cumulative value and number of public and private partnership projects across Europe, 2021

[3] The Russian State's size and its footprint: have they increased? URL: https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2019/03/09/The-Russian-States-Size-and-its-Footprint-Have-They-Increased-46662 (accessed 1 Mar 2022).

[4] ФАС в СМИ: доля государства в экономике РФ превысила 50 % и препятствует развитию конкуренции. URL: https://fas.gov.ru/publications/18306 (дата обращения: 15.03.2022).

[5] Аналитический центр при Правительстве РФ. URL: https://ac.gov.ru/files/publication/a/21642.pdf (дата обращения: 18.03.2022).

[6] The World Bank. Public-private partnership legal resource center. URL: https://ppp.worldbank.org/public-private-partnership (accessed 18 Mar 2022).

Когда речь заходит об успешном опыте ГЧП, подавляющее большинство экспертов отдают пальму первенства именно Великобритании. Последнее десятилетие Великобритания лидирует и по общему числу проектов, и по охвату ГЧП различных сфер и отраслей. Как отмечается в работе «Gr. Взаимодействие бизнеса и органов власти», «в Великобритании частно-государственная компания Partnerships UK с 2001 г. осуществляет оценку проектов и результатов их выполнения, разрабатывает модели ГЧП, занимается стандартизацией контрактов, подписывает договоры о развитии партнерства или о создании совместного государственно-частного предприятия, сопровождает проекты в течение срока их осуществления, осуществляет сотрудничество с местными властями» [24, с. 180].

В табл. 3 систематизированы концептуальные подходы использования концессионных соглашений в различных странах.

В РФ механизм ГЧП закрепился несколькими десятилетиями позже, чем в других странах. Необходимость принятия отдельного закона о концессиях активно обсуждалась еще в середине 1990-х гг. в эпоху приватизации государственного имущества. Однако сам ФЗ «О концессионных соглашениях» № 115-ФЗ был принят лишь в 2005 г. В нем под концессионным соглашением понимается соглашение, по которому концессионер обязуется за свой счет создать / реконструировать определенное этим соглашением имущество, право собственности на которое принадлежит концеденту, взамен концедент передает право управления объектом концессионеру. В качестве концессионера выступает представитель частного сектора в лице какой-либо коммерческой компании или индивидуального предпринимателя, а в качестве концедента – государство в лице соответствующего органа власти.

Концедент, согласно договору концессии, передает объект концессии концессионеру, который управляет им и производит инвестиции. За право управления объектом концессии концессионер выплачивает концеденту платежи за счет полученной от потребителей выручки, из этих же средств концессионер расплачивается с поставщиками капитала (кредиторами и акционерами).

Концессии дифференцируются по странам и по отраслям экономики. Для некоторых стран больше подходит такая форма концессий, когда право собственности всегда сохраняется за государством (Франция, Россия). Для других же возможны варианты, когда право собственности может переходить к частному инвестору (США). Возможны и смешанные формы концессий, при которых право собственности сохраняется за частным инвестором до тех пор, пока он использует объект по назначению. В целом можно утверждать, что концессии – один из эффективных и наиболее применимых в международной практике механизмов ГЧП.

На данный момент практически все субъекты РФ используют механизм концессионных соглашений для создания или реконструкции инфраструктурных объектов. При этом только у 10 регионов (12 %) заключено более 100 концессионных соглашений (с учетом муниципальных концессий). Это свидетельствует о нераскрытом потенциале механизма концессионных соглашений для строительства и модернизации инфраструктуры. Концессионные соглашения являются самой популярной формой ГЧП не только в России, но и по всему миру. На рис. 4[7] представлены сведения о реализуемых проектах ГЧП в зависимости от формы по состоянию на 01.04.2022.

Любой проект ГЧП, реализуемый в рамках концессионного соглашения, предусматривает строительство инфраструктурного объекта и его дальнейшую эксплуатацию со стороны концессионера, что ведет к глубокой вовлеченности частного партнера в проект.

Распределение рисков является одним из главных конкурентных преимуществ концессионных проектов. Оно основано на том факте, что концедент и концессионер способны эффективно управлять разными типами рисков. Так, государство способно лучше справляться с политическими и правовыми рисками, поскольку во многом оно и является источником данных рисков. Частный партнер лучше справляется с коммерческими, финансовыми и техническими рисками. Совместно государство и частный партнер способны уменьшить риски форс-мажорных обстоятельств и риски изменения контракта.

В этом случае, как правило, правительство предоставляет частному сектору правомочия владения и пользования существующим объектом по договору за плату с условием возврата. Государственному сектору принадлежит право собственности на объект (недвижимость), в то время как частный сектор сохраняет за собой права на его расширение и все усовершенствования, проведенные в установленный концессионным соглашением период [27]. Концессионная форма заключения соглашения чаще всего предусматривает использование модели Build-Transfer-Operate, или строительство-передача-управление.

К ключевым особенностям концессионных соглашений также следует отнести обязательную эксплуатацию объекта соглашения концессионером, возможность предусмотреть в соглашении гарантии минимальной доходности и компенсации затрат концессионера в случае возникновения внештатных ситуаций, отсутствие рисков неисполнения концедентом своих расходных обязательств.

В отличие от классических ГЧП-проектов, в рамках концессионных соглашений объектами инфраструктуры могут быть: объекты тепло- и водоснабжения, водоотведения, федеральные, региональные и местные дороги, метрополитен, объекты социального обслуживания граждан, объекты газоснабжения.

[7] База инфраструктурных проектов с использованием ГЧП «Росинфра». URL: https://rosinfra.ru/profile/base-projects (дата обращения: 18.03.2022).

Табл. 3. Концептуальные подходы использования концессионных соглашений в различных странах
Tab. 3. Conceptual approaches to concession agreements in various countries

Страна	Особенности использования концессий
Великобритания	Используется модель PF2, согласно которой государство поощряет проведение конкурсов на финансирование проектов. На веб-сайте правительства доступно отслеживание статуса каждого этапа реализации проектов. Главным государственным органом по оценке правительственных программ является Национальное финансово-ревизионное управление, занимающееся проведением аудиторских проверок расходования государственных средств[8].
Германия	Концессии играют большую роль при разработке информационно-коммуникационных технологий. Ориентир – трансформирование национальной экономики из индустриальной в информационную[9].
КНР	Сформирована жесткая система контроля реализации концессионных проектов. Существует открытый перечень объектов, где допустимо концессионное соглашение (объекты транспорта, энергетики, коммунального хозяйства и т.д.) [25].
США	Концессии часто финансируются за счет сочетания частных (долговых и акционерных) и бюджетных средств, включая федеральные, государственные и местные фонды. Развиты концессии, нацеленные на реализацию научно-технологических, инновационных проектов. Большинство государственных гарантий для частного партнера закреплено не в нормативных актах, а в договорах[10].
Франция	Концессионное законодательство Франции является одним из самых разработанных в мире и состоит из сложной системы правовых норм, содержащихся в самых разнообразных нормативных актах – от законов о реформе местного самоуправления до инструкций в области водоочистки. Французское законодательство содержит огромное количество разнообразных требований к концессионеру, касающихся повышения образовательного уровня персонала, страхования, проведения научно-изыскательных работ и т.д. При этом неисполнение данных требований, а также разнообразных предписаний различных административных органов может повлечь аннулирование концессии. Концессионные соглашения предполагают четкое распределение рисков между государственными и частными организациями, называемое *матрицей рисков* [26].

Рис. 4. Количество реализуемых проектов ГЧП в России по состоянию на 01.04.2022
Fig. 4. Number of ongoing public and private partnership projects in Russia, April 1, 2022

[8] Marshall T., Beatty H., Cundall S., Njamfa C. The public-private partnership law review: United Kingdom. URL: https://thelawreviews.co.uk/title/the-public-private-partnership-law-review/united-kingdom (accessed 20 Mar 2022).

[9] Mueller H. An introduction to public-private partnerships in Germany. URL: https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=788d0532-b5e7-45d4-80a3-d1b88eb6478d (accessed 18 Mar 2022).

[10] Rocca M. D. The rising advantage of public-private partnerships. URL: https://www.mckinsey.com/industries/private-equity-and-principal-investors/our-insights/the-rising-advantage-of-public-private-partnerships (accessed 19 Mar 2022).

В роли публичной стороны могут выступать не только РФ, субъект РФ или муниципальное образование, но и концеденты федерального уровня – ГК Автодор (флагман по объему инвестиций и количеству реализуемых проектов), Росжелдор, ГК Росатом, Росавиация, Росморречфлот и пр. Частной стороной в концессионных соглашениях выступают российское юридическое лицо, индивидуальный предприниматель, иностранное юридическое лицо (за исключением проектов, реализуемых в сфере обороны страны) или товарищество юридических лиц.

Сегодня концессионная форма проектного финансирования является наиболее развитой на отечественном рынке инвестиций. По оценкам исследовательской группы InfraOne Research, в период 2007–2018 гг. в стране было заключено от 2,5 до 2,9 тыс. концессионных соглашений, из них количество договоров, превышающих 100 млн руб., составило около 300 на общую сумму примерно 1,44 трлн руб. На рис. 5[11] представлены сведения о распределении концессий по видам инфраструктуры, заключенных в рамках 115-ФЗ до 31.12.2018.

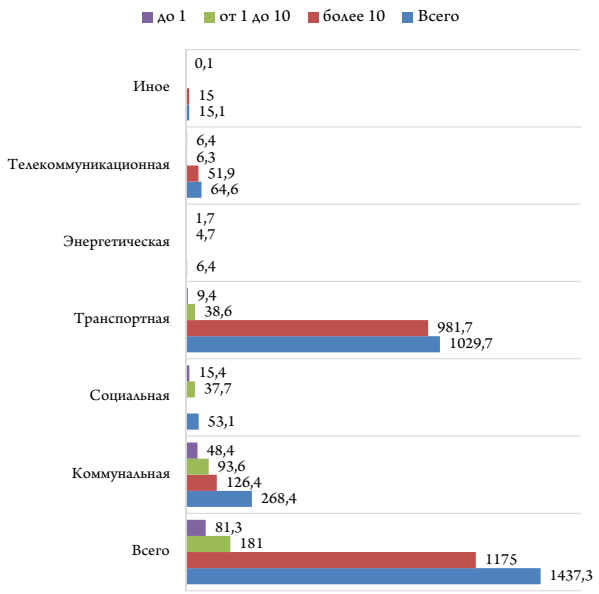


Рис. 5. Распределение концессий по видам инфраструктуры, млрд руб.
Fig. 5. Concessions by infrastructure types, billion rubles

Основная часть концессионных соглашений (72 %) по объему инвестиций (более 100 млн руб.) заключена в транспортной инфраструктуре. Однако по количеству заключенных соглашений (59 %) лидирует коммунальная сфера, следом – социальная инфраструктура (18,5 %). К менее популярным направлениям следует отнести энергетические проекты, проекты особых направлений в сфере обороны и безопасности страны.

Отметим ряд ключевых преимуществ использования концессий перед приватизацией: закрепление условий взаимодействия публичного и частного партнеров в рамках долгосрочного соглашения; получение дополнительных государственных гарантий частному партнеру; привлечение частных инвестиций в сферы, традиционно занимаемые государством; равномерное разделение рисков между частной и публичной сторонами и пр.

Следует учесть, что в концессионных соглашениях на государство переносится гораздо меньше рисков, чем при приватизации. Также при концессии основная выгода для частного сектора заключается в получении дохода за право пользования инфраструктурным объектом от конечного пользователя. Чаще всего никакой дополнительной финансовой стимулирующей компоненты со стороны государства не существует.

Схематически распределение рисков по формам взаимодействия частного и государственного секторов представлено на рис. 6[12].

По сути, концессионное соглашение близко к ГЧП, но уровень риска в этих формах взаимодействия различен. В частности, концессионер несет риски по строительству, эксплуатации, планированию, достижению результатов, т. е. большую часть рисков в ходе реализации проекта.

Таким образом, концессии являются важнейшим элементом смешанной экономики и одновременно важнейшим рычагом госрегулирования, уровень которого определяется состоянием и целями социально-экономического развития.

В рамках настоящего исследования целесообразно выделить основные концептуальные различия между приватизацией и концессиями (табл. 2[13]).

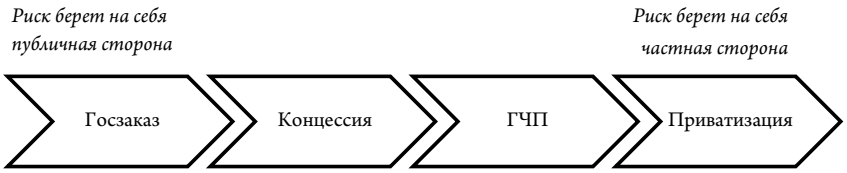


Рис. 6. Уровень распределения рисков в различных формах взаимодействия частного и государственного секторов
Fig. 6. Risk distribution in various forms of public and private partnership

[11] Национальный перечень перспективных проектов. URL: https://infraone.ru/sites/default/files/analitika/2019/nacionalnyj_perechen_perspektivnyh_proektov_infraone_research.pdf (дата обращения: 17.03.2022).

[12] Составлен автором.

[13] Составлена автором.

Табл. 2. Сравнительный анализ применения приватизации и концессий
Tab. 2. Comparative analysis of the application of privatization and concessions

Критерии оценивания	Приватизация	Концессия
Цель	Сократить долю государства в экономике	Привлечь инвестиции в экономику РФ для обеспечения эффективного использования имущества, находящегося в государственной или муниципальной собственности на условиях концессионного соглашения; повышение качества товаров, работ, услуг, предоставляемых потребителям
Сферы применения	Движимое имущество: алмазы специальных размеров, высвобождаемое военное имущество, оборудование, транспортное средство; недвижимое имущество: акции, доля ООО, здание, земли сельскохозяйственного назначения, жилое и нежилое помещение, предприятие, сооружение, строение	Автомобильные дороги и элементы дорожной инфраструктуры, метрополитен, системы коммунальной инфраструктуры и иные объекты коммунального хозяйства, объекты военной инфраструктуры и пр.
Преимущества	*Для государства*	
	1) увеличение местного бюджета, куда поступают имущественные налоги (фискальная причина) 2) снижение последующих расходов на содержание и эксплуатацию жилищного фонда 3) повышение конкурентоспособности экономики за счет продажи «проблемных активов» частному лицу	1) право собственности на имеющееся либо создаваемое имущество остается за государством 2) широкий перечень отраслей инфраструктуры для применения 3) осуществление эксплуатации объекта соглашения концессионером 4) возможность учитывать в соглашении гарантии минимальной доходности и компенсации затрат инвестора в случае возникновения различных событий
	Для инвестора	
	1) возможность стать полноценным владельцем собственности 2) возможность перепрофилировать учреждение под собственные нужды	1) богатый механизм поддержки государством (напр. концессионные облигации, бюджетные инвестиции и субсидии) 2) возможность получения налоговых мер поддержки 3) отсутствие жестких требований к срокам соглашения 4) возможность предусмотреть в соглашении компенсацию расходов на создание и / или эксплуатацию объекта со стороны концедента 5) доступ к общественным ресурсам и активам
Недостатки и риски	*Для государства*	
	1) возможность приобретения безвозвратных издержек в случае несвоевременно принятого решения о продаже имущества 2) замедление темпов расширения государственного сектора экономики	1) длительный и ресурсозатратный подготовительный этап (иногда быстрее и проще воспользоваться закупками по 44-ФЗ) 2) сложность с привлечением инвестора: не все сферы одинаково привлекают инвесторов. Обычно дефицит потенциальных инвесторов встречается там, где сложно просчитать возможный стабильный доход, а также если проект слишком мелкий, чтобы заинтересовать крупного игрока, а небольших игроков на данном рынке мало
	Для инвестора	
	1) необходимость оплаты налога на имущество 2) необходимость выстроить компенсационные механизмы в случаях, когда на предприятии работает большое количество людей – трудоустраивать людей в другое место, обеспечивать их занятость и т.д. (социальный фактор)	1) долгий срок окупаемости и возврата инвестиций для большинства объектов 2) затруднения, связанные с подготовкой объекта к концессионному соглашению за счет долгов по коммунальным платежам, высокому износу основных фондов и т.д. (объекты теплоснабжения, централизованные системы горячего водоснабжения, холодного водоснабжения и / или водоотведения)

Заключение

Системы отношения государства и бизнеса в современной России способны стать эффективным инструментом консолидации ресурсов в сферах материального производства, труда и науки с целью реализации инновационных, научно-технологических, социальных и экономических национальных программ, а также решения иных задач. Очевидно, что формы совместной деятельности государства и бизнеса многообразны.

Концессионные проекты в нашей стране воспринимаются как форма ГЧП. Однако, как показывает практика, между этими видами партнерских отношений есть определенные отличия. В целом реализация политики приватизации государственного и муниципального имущества в России сталкивается со следующими проблемами:

- осуществление массовой продажи государственной собственности по низким ценам является причиной недополучения федеральным (региональным) бюджетом дополнительных средств;
- продажа имущества в отдельные руки (в том числе родственникам) способствует созданию узкой прослойки богатых собственников, вызывая коррупционный протекционизм, непотизм и появление частных монополий;
- низкий уровень контроля за осуществлением процесса приватизации.

Следует отметить, что концессия – это одна из форм взаимодействия государства и бизнеса, отличающаяся от других форм, к примеру приватизации, тем, что она предполагает баланс публичных и частных интересов. Приватизация больше ориентирована на удовлетворение государственных и муниципальных нужд. Помимо этого, приватизация не предполагает равенства всех участников, а концессия более активно используется в привлечении частных инвестиций.

В условиях кризиса, вызванного пандемией COVID-19, и введения санкционных мер в отношении России важно нивелировать не только резкое повышение инфляции, но и найти рычаги для поддержания экономического роста страны. На фоне событий в Украине и осуществления специальной военной операции из нашей страны начался массовый уход частного сектора и онлайн-сервисов. Нельзя надеяться, что азиатские и в особенности китайские компании начнут массово вкладываться в нашу экономику и займут освободившуюся нишу. К примеру, основными рынками сбыта для производителей электроники являются США и Европа. Как правило, подобные рынки многократно превышают российский, и азиатские партнеры годами работают над их развитием. Никакого иммунитета от общественного осуждения у азиатских компаний нет, и большинство из них не желает ставить под угрозу свой бизнес. Поэтому необходимо ориентироваться на отечественный частный сектор, оказывать ему поддержку.

РФ испытывает нехватку инвестиций в инфраструктурные объекты. По оценке агентства Global Infrastructure Hub, в период 2020–2040 гг. эта нехватка будет составлять 1,9 % от ВВП ежегодно [28]. По данным InfraOne Research, минимальная дополнительная потребность российской инфраструктуры в 2019 г. составляла 2,6 трлн руб. (или 2,4 % ВВП), к 2024 г. она, вероятно, достигнет 4,8 трлн руб., а если учитывать прогноз по росту экономики Минэкономразвития – 5,85 трлн руб. при консервативном сценарии и 6,1 трлн руб. – при базовом[14].

В связи с этим важно активизировать инвестиционную политику государства, по большей части за счет аккумулирования партнерских отношений, обеспечивающих реализацию инфраструктурных проектов и ускорение темпов социально-экономического развития с ориентиром на поддержку отечественного предпринимательского сообщества. В этом случае концессионные соглашения могут выступать как один из действенных механизмов взаимодействия государства и бизнеса.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Меджидов З. У. Влияние коронавирусной инфекции на мировую экономику: социальные и экономические последствия. *Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление*. 2021. № 1. С. 42–50. https://doi.org/10.18323/2221-5689-2021-1-42-50
   Medzidov Z. U. Influence of coronavirus infection on the global economy: social and economic consequences. *Science Vector of Togliatti State University. Series: Economics and Management*, 2021, (1): 42–50. (In Russ.) https://doi.org/10.18323/2221-5689-2021-1-42-50
2. Зельднер А. Г. Правовое поле в системе управления партнерскими отношениями государства и бизнеса. *Вопросы экономики и права*. 2019. № 128. С. 57–60. https://doi.org/10.14451/2.128.57
   Zeldner A. G. Legal framework in the system of management of partnership relations between the state and business. *Economic and Law Issues*, 2019, (128): 57–60. (In Russ.) https://doi.org/10.14451/2.128.57

[14] Global Infrastructure Outlook, 2017, 231. URL: https://outlook.gihub.org/ (accessed 18 May 2022).

3. Marcelin I., Mathur I. Privatization, financial development, property rights and growth. *Journal of Banking & Finance*, 2015, 50: 528–546. https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2014.03.034
4. Radić M., Ravasi D., Munir K. Privatization: implications of a shift from state to private ownership. *Journal of Management*, 2021, 47(6): 1596–1629. https://doi.org/10.1177/0149206320988356
5. Desalegn G., Fekete-Farkas M., Tangl A. The effect of monetary policy and private investment on green finance: evidence from Hungary. *Journal of Risk and Financial Management*, 2022, 15(3). (In Russ.) https://doi.org/10.3390/jrfm15030117
6. Slay B. The perils of privatizing state property: the polish case. *Capitalist Goals, Socialist Past*, ed. by Patterson P. L. NY: Routledge, 1993, 193–214. https://doi.org/10.4324/9780429046513-9
7. Мочальников В. Н. Государственно-частное партнерство в стратегии социально-экономического развития России. *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2010. № 1. С. 55–76.
Mochalnikov V. N. State-private partnership in strategy of social and economic development of Russia. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk*, 2010, (1): 55–76. (In Russ.)
8. Зельднер А. Г. Государственные инвестиции и развитие партнерских отношений в посткоронакризисный период. *Экономические науки*. 2021. № 197. С. 100–106. https://doi.org/10.14451/1.197.100
Zeldner A. G. Public investments and development of partnerships in the post-crisis period. *Economic sciences*, 2021, (197): 100–106. (In Russ.) https://doi.org/10.14451/1.197.100
9. Зельднер А. Г., Осипов В. С. Концессии как драйвер управления процессом привлечения частных инвестиций в инфраструктурные проекты. *Проблемы теории и практики управления*. 2019. № 8. С. 65–73.
Zeldner A. G., Osipov V. S. Concessions as a driver of managing the process of attracting private investment into infrastructure projects. *Management theory and practice*, 2019, (8): 65–73. (In Russ.)
10. Бухвальд Е. М. Правовые основы государственно-частного партнерства в условиях реализации национальных проектов в Российской Федерации. *Экономика, предпринимательство и право*. 2020. Т. 10. № 3. С. 503–516. https://doi.org/10.18334/epp.10.3.100564
Bukhvald E. M. The legal framework of public-private partnerships in the context of implementation of national projects in the Russian Federation. *Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo*, 2020, 10(3): 503–516. (In Russ.) https://doi.org/10.18334/epp.10.3.100564
11. Ma L., Li J., Jin R., Ke Y. A holistic review of public-private partnership literature published between 2008 and 2018. *Advances in Civil Engineering*, 2019, (8): 1–18. https://doi.org/10.1155/2019/7094653
12. Costa Á., Cruz C. O., Sarmento J., Faria e Sousa V. Impact of alternative concession models on the economic efficiency of road concessions. *Case Studies on Transport Policy*, 2022, 10(2): 1026–1033. https://doi.org/10.1016/j.cstp.2022.03.016
13. Ebekozien A., Samsurijan M. S. Concession of public infrastructure: pitfalls and solutions from construction consultants perspective. *Asian Journal of Civil Engineering*, 2022, 23(5): 753–764. https://doi.org/10.1007/s42107-022-00455-7
14. Гаврилин Е. В. Приватизация государственного сектора экономики с развитой и развивающейся экономикой. *Эффективное антикризисное управление*. 2014. № 1. С. 48–53.
Gavrilin E. V. The privatization of the state sector of the economy in developed and developins economies. *Effektivnoe antikrizisnoe upravlenie*, 2014, (1): 48–53. (In Russ.)
15. Глинкина С. П. Приватизация: концепции, реализация, эффективность. М.: Наука, 2006. 235 с.
Glinkina S. P. *Privatization: concepts, implementation, and efficiency.* Moscow: Nauka, 2006, 235. (In Russ.)
16. Helm D. Thirty years after water privatisation – is the English model the envy of the world? *Oxford Review of Economic Policy*, 2020, 36(1): 69–85. https://doi.org/10.1093/oxrep/grz031
17. Lelévrier C. Privatization of large housing estates in France: towards spatial and residential fragmentation. *Journal of Housing and the Built Environment*, 2021. https://doi.org/10.1007/s10901-021-09851-y
18. Whiteside H. Privatizing Canadian government land and real estate: railroads, reconciliation, and rip-offs. *Land Use Policy,* 2020, 99. https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2020.104821
19. Carolino K., Vieira R. S., Sorrentino M. Land dilemmas in Brazil: the history of land privatization in Brazil. *Revista Eletrônica Direito E Política*, 16(2): 437–462. https://doi.org/10.14210/rdp.v16n2.p437-462
20. Huang Z., Li L., Ma G., Qian J. *The reversal of privatization in China: a political economy perspective*. IO: Productivity, 2015. https://doi.org/10.2139/ssrn.2350053
21. Нафикова Г. А. Понятие и социально-экономическое значение приватизации государственного и муниципального имущества. *Вести научных достижений*. 2019. № 5. С. 6–10.
Nafikova G. A. Concept and social and economic value of privatization of the state and municipal property. *News of scientific achievements*, 2019, (5): 6–10. (In Russ.)

22. Смирнова И. В. Приватизация: неновые принципы. *Символ науки: международный научный журнал.* 2016. № 4-1. С. 212–216.
Smirnova I. V. Privatization: non-new principles. *Simvol nauki: mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal*, 2016, (4-1): 212–216. (In Russ.)
23. Пашковский П. В. Государственно-частное партнерство и приватизация: проблемы соотношения. *Символ науки: международный научный журнал*. 2015. № 11-1. С. 230–232.
Pashkovskiy P. V. Public-private partnership and privatization: correlation problems. *Simvol nauki: mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal,* 2015, (11-1): 230–232. (In Russ.)
24. Gr. Взаимодействие бизнеса и органов власти, под ред. Е. И. Марковской. 2-е изд. М.: Юрайт, 2020. 368 с.
Government relations. Interaction between business and authorities, ed. by Markovskaia E. I. 2nd ed. Moscow: Urait, 2020, 368. (In Russ.)
25. Zhao Z. J., Su G., Li D. The rise of public-private partnerships in China. *Journal of Chinese Governance*, 3(2): 158–176. https://doi.org/10.1080/23812346.2018.1457297
26. Gabayet N. Public-private partnerships and concessions in France. *Public-Private Partnerships and Concessions in the EU*, eds Bogdanowicz P., Caranta R., Telles P. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2020, 52–70.
27. Варнавский В. Г., Клименко А. В., Королев В. А., Баженов А. В., Воротников А. М. Государственно-частное партнерство: теория и практика. М.: ВШЭ, 2010. 287 с.
Varnavskii V. G., Klimenko A. V., Korolev V. A., Bazhenov A. V., Vorotnikov A. M. *Public and private partnership: theory and practice*. Moscow: HSE, 2010, 287. (In Russ.)
28. Растегаева Ф. С., Шашкова Т. Н., Шалина О. И., Токарева Г. Ф. Изменение роли бюджетно-налоговой политики в условиях рецессии мировой экономики. *Российское предпринимательство*. 2017. Т. 18. № 6. С. 1049–1058. https://doi.org/10.18334/rp.18.6.37609
Rastegaeva F. S., Shashkova T. N., Shalina O. I., Tokareva G. F. Change in the role of budgetary and fiscal policy in a global economic recession. *Rossiyskoe predprinimatelstvo*, 2017, 18(6): 1049–1058. (In Russ.) https://doi.org/10.18334/rp.18.6.37609

оригинальная статья

Инновационный потенциал Кемеровской области – Кузбасса: состояние и перспективы развития

Подзорова Галина Анатольевна
Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово
https://orcid.org/ 0000-0001-8836-1043
PGA-555@yandex.ru

Артеменко Анна Ивановна
Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

Грязнова Наталья Леонидовна
Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово
https://orcid.org/ 0000-0001-9637-5816

Комарчева Оксана Сергеевна
Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово
https://orcid.org/ 0000-0001-9444-1752

Поступила 15.03.2022. Принята после рецензирования 11.05.2022. Принята в печать 06.06.2022.

Аннотация. Эффективная инновационная деятельность и повышение инновационной активности в регионе во многом зависят от состояния и степени развития инновационного потенциала, который в перспективе предопределяет инновационный рост, влияющий на повышение региональной конкурентоспособности. Цель – оценка состояния инновационного потенциала региона (Кемеровской области – Кузбасса) и выявление перспективных направлений его развития. Использованы теоретические, статистические, сравнительные и аналитические методы. Рассмотрены определения понятия инновационный потенциал разных авторов. Представлены результаты сравнительного анализа показателей инновационной и предпринимательской активности в Кемеровской области – Кузбассе за период 2016–2020 гг. с указанием причин их изменения. По методике Национально-исследовательского университета «Высшая школа экономики» проведена оценка показателей инновационного развития регионов, входящих в состав Сибирского федерального округа. Изучена динамика факторов, которые учитывались при расчете показателей инновационного развития регионов для определения их итогового места в общем рейтинге. Результаты оценки состояния инновационного потенциала Кемеровской области – Кузбасса позволяют констатировать, что данный регион уступает по инновационной активности регионам-лидерам Сибирского федерального округа, таким как Томская, Новосибирская, Иркутская области и Красноярский край, практически по всем показателям. При этом следует отметить, что в целом у региона есть возможности для инновационного развития и инновационного роста, так как Кузбасс обладает теми базовыми условиями, которые для этого необходимы. В ходе исследования были выявлены такие недостатки инновационной деятельности региона, как несовершенная нормативная правовая база инновационной политики, пассивное участие в федеральной научно-технической и инновационной политике, низкий потенциал цифровизации, слабо выраженная активность в сфере технологических и нетехнологических инноваций, отдаленность региональной новостной повестки от информационного поля развитых стран, несоответствие региональной стратегической повестки содержанию федеральных стратегий и т. д. В этой связи в статье предложен ряд рекомендаций по повышению и развитию инновационного потенциала региона. Авторы считают, что необходимо обеспечить эффективное взаимодействие главных распорядителей бюджетных средств при планировании расходов регионального бюджета на осуществление научных исследований и разработок; обеспечить удобство системы, предоставляющей правовую охрану и оборот прав на результаты интеллектуальной деятельности и устранить архаичные формы отчетности; способствовать использованию инновационных разработок в малом и среднем предпринимательстве; активно продвигать главные тренды в области инноватики в СМИ; сфокусировать внимание на наиболее востребованных мерах поддержки; развивать взаимодействие бизнеса, науки и образования; продвигать современные и востребованные инновационные отрасли. Это позволит создать конкурентные преимущества в инновационной сфере, привлечь дополнительные инвестиции в регион, повысить потенциал цифровизации, активно участвовать в федеральной инновационной и научно-технической политике, а также сделать регион привлекательным для инициативной и заинтересованной молодежи.

Ключевые слова: инновационный потенциал, оценка инновационного потенциала, инновационная активность, инновационное развитие, регион, Кемеровская область – Кузбасс

Цитирование: Подзорова Г. А., Артеменко А. И., Грязнова Н. Л., Комарчева О. С. Инновационный потенциал Кемеровской области – Кузбасса: состояние и перспективы развития. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2022. Т. 7. № 3. С. 367–377. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-3-367-377

© 2022. Автор(ы). Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
POLITICAL, SOCIOLOGICAL AND ECONOMICS

full article

Innovative Potential of the Kemerovo Region: Current State and Development Prospects

Galina A. Podzorova
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
https://orcid.org/ 0000-0001-8836-1043
PGA-555@yandex.ru

Anna I. Artemenko
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Natalia L. Gryaznova
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
https://orcid.org/ 0000-0001-9637-5816

Oksana S. Komarcheva
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
https://orcid.org/ 0000-0001-9444-1752

Received 15 Mar 2022. Accepted after peer review 11 May 2022. Accepted for publication 6 Jun 2022.

Abstract. The effective innovation activity in the region depends on the state and development of its innovative potential. The authors used theoretical, statistical, comparative, and analytical methods to describe the concept of innovative potential, evaluate its current state in the Kemerovo Region, and identify the promising areas for its development. The article introduces a comparative analysis of innovative and entrepreneurial activity in the Kemerovo Region in 2016–2020. The methodology developed by the Higher School of Economics of the National Research University made it possible to compare the indicators of innovative development in different regions of the Siberian Federal District. The analysis included the dynamics of the factors in order to calculate the indicators of innovative development and rank the regions. In terms of innovation activity, the Kemerovo Region appeared to be inferior to such leading regions of the Siberian Federal District as Tomsk, Novosibirsk, Irkutsk, and Krasnoyarsk. However, the region has good potential opportunities for innovative development. The authors recommend several promising directions that could develop the innovative potential of the region, create competitive advantages, attract additional investment, develop its digitalization potential, and increase its participation in the federal innovative, scientific, and technical policy, as well as to make it attractive for young people.
Keywords: innovative potential, assessment of innovative potential, innovative activity, innovative development, region, Kemerovo Region

Citation: Podzorova G. A., Artemenko A. I., Gryaznova N. L., Komarcheva O. S. Innovative Potential of the Kemerovo Region: Current State and Development Prospects. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(3): 367–377. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-3-367-377

Введение

Любое государство заинтересовано в создании мощной инновационной системы внутри страны, т. к. сегодня новым конкурентным преимуществом являются высокотехнологичные производства и товары, созданные с применением инноваций, которые формируют основу для устойчивого развития инновационного потенциала страны, региона, отрасли. Двигателем развития всегда выступает государство, активно продвигающее инновационные технологии, услуги, изделия, как на отечественном, так и на зарубежном рынках.

На сегодняшний день затруднительно представить такую отрасль промышленности, сельского хозяйства, торговли, транспорта, образования и т. д., которой не коснулись бы инновации. Инновации решают не только региональные и отраслевые проблемы, но и призваны повышать качество жизни и благосостояние людей, особенно в настоящее время, когда человеческие потребности постоянно растут.

Большинство привычных вещей, которые нас окружают и уже прочно вошли в нашу жизнь, созданы благодаря инновационной деятельности. Инновации помогают компаниям развиваться, наращивать свою конкурентоспособность и предлагать миру новшества, которые могут его изменить. У каждого из нас есть смартфон (продукт инноваций), который способен заменить множество разнообразных предметов, таких как будильник, компас или газета, и помещается у нас в кармане. Это и формирует потребность в инновациях, способных стимулировать развитие производства, предпринимательства, науки, образования и т. д.

Тема инноваций является важным и актуальным мировым вопросом. Такие страны, как Швейцария, Швеция, США, Великобритания, Польша и Республика Корея, достигли определенного успеха в сфере инноваций. Данный аспект делает экономику этих стран достаточно устойчивой[1]. Россия также стремится развивать

[1] Глобальный инновационный индекс 2021. *Всемирная организация интеллектуальной собственности.* URL: https://www.wipo.int/global_innovation_index/ru/2021/ (дата обращения: 25.01.2022).

инновационный сектор, создавая необходимые базовые условия и устанавливая меры поддержки для инновационных компаний и исследователей. Однако социально-экономические, инвестиционно-финансовые, демографические, интеллектуальные, производственные, природно-климатические, научно-исследовательские и др. потенциальные возможности и реальные ресурсы каждого региона отличаются.

В связи с этим нельзя не согласиться с точкой зрения научного сообщества о том, что «российские регионы существенно различаются между собой с точки зрения доступа к инновационным ресурсам, поскольку научный и инновационный потенциал России сосредоточен в крупных исследовательских и промышленных центрах» [1, p. 551][2]. Это такие регионы-лидеры в области инновационного развития, как Санкт-Петербург, Москва (соотносятся с регионами как города федерального значения), Республика Татарстан и Томская область. К тому же «создание региональных инновационных систем, включая развертывание существующей инфраструктуры, происходит несколько стихийно, учитывая, что каждый регион индивидуально определяет свои перспективные направления развития и привлекает инвестиции» [1, p. 551].

Вот к такому типу регионов, индивидуально определяющих и самостоятельно осуществляющих свой путь развития, относится Кемеровская область – Кузбасс. По статистическим данным Национально-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)[3], данный регион по совокупному уровню инновационной активности организаций находится на 70 месте среди 85 регионов Российской Федерации, а среди регионов Сибирского федерального округа (СФО) – на 9 месте из 10, занимая предпоследнюю позицию.

Кемеровская область известна преимущественно угледобычей и экспортом сырья. На долю Кузбасса приходится более половины от всего добытого угля в России и около 4/5 от добычи всех коксующихся углей по стране. Однако ситуация с инновационными продуктами в Кузбассе сложнее. К примеру, за 2020 г. в Кемеровской области не было разработано ни одной передовой производственной технологии, в то время как в Новосибирской области было создано 56 единиц разработок, в Красноярском крае – 30, в Томской области – 28. Удельный вес инновационных товаров в общем объеме отгруженных товаров (выполненных работ, услуг) составляет в Кузбассе 2,3 %, в то время как в Томской, Новосибирской областях и Красноярском крае – 2,9 %, 3,5 % и 4,6 % соответственно[4].

Из этого следует, что повышение инновационной активности и эффективное функционирование инновационной деятельности в регионе зависят от наличия, состояния и степени развития инновационного потенциала, который предопределяет в перспективе инновационный рост, влияющий на повышение конкурентоспособности региона и страны в целом.

Цель работы – оценка состояния инновационного потенциала Кемеровской области – Кузбасса и выявление перспективных направлений его развития. Для достижения поставленной цели необходимо выполнение следующих задач:

- изучение инфраструктуры поддержки инновационной деятельности в регионе;
- проведение сравнительного анализа показателей инновационной и предпринимательской активности Кемеровской области – Кузбасса и других регионов Сибирского федерального округа (СФО);
- выявление негативных факторов и слабых сторон, влияющих на развитие инновационной активности в регионе;
- разработка возможных направлений повышения и развития инновационного потенциала региона.

В современных научных публикациях многие авторы уделяют пристальное внимание вопросам формирования, оценки и развития инновационного потенциала региона [2–9]. В своих работах исследователи проводят оценку инновационного потенциала конкретного региона (республики, области, края) для определения возможных направлений повышения инновационной активности, привлекательности и установление приоритетов перспективного инновационного развития.

Как отмечают А. В. Крылова и Н. А. Замуруева, развитый инновационный потенциал в регионе, «создает предпосылки для создания необходимой инфраструктуры, способной активно сотрудничать с инновационными предприятиями, главной целью которых является поддержка существующих или вновь созданных инновационных предприятий» [10, с. 122].

В процессе изучения научных работ исследователей, освещающих важные аспекты, связанные с подходами к сущности и определению экономической категории *инновационный потенциал* [11–23], прослеживается терминологическая неоднозначность и множественность трактовок определения понятия.

Согласно М. Ю. Малкиной, инновационный потенциал – это «некая предпосылка инновационного развития, своего рода накопленный капитал, вовлекаемый в инновационный процесс, являющийся результатом прежней деятельности по формированию предпосылок инновационного развития» [11, с. 50].

По мнению М. А. Бендикова и И. Э. Фролова, инновационный потенциал представляется «совокупностью

[2] Здесь и далее по тексту перевод выполнен авторами статьи.

[3] Гохберг Л. М., Грачева Г. А., Дитковский К. А., Евневич Е. И., Кузнецова И. А., Мартынова С. В., Ратай Т. В., Росовецкая Л. А., Рудь В. А., Фридлянова С. Ю., Фурсов К. С. Индикаторы инновационной деятельности: 2021: стат. сб. М.: НИУ ВШЭ, 2021. С. 254.

[4] Российский статистический ежегодник. 2021: стат. сб. М.: Росстат. 2021. С. 505.

взаимосвязанных и взаимообусловленных условий и ресурсов, обеспечивающих возможность воспроизводства инновационной деятельности на различных уровнях экономической системы» [12, с. 108].

Д. Д. Цителадзе понимает под ним «комплекс предполагаемых свойств региональной инновационной системы по мобилизации различных средств (человеческие ресурсы, технологическая и информационная база, государственная поддержка, финансовые и инвестиционные ресурсы, инфраструктура) с целью повышения результативности работы народного хозяйства региона, его прогрессивного развития и гарантии стабильного внедрения в экономику передовых технологий» [13, с. 62].

А. С. Сазонова, Л. Б. Филиппова, Р. А. Филиппов дают следующее определение: «это совокупность ресурсных и организационных возможностей экономической системы к инновационному развитию, обеспечению непрерывного инновационного процесса» [14, с. 274].

С точки зрения Е. А. Монастырного, инновационный потенциал – это «способность системы организовать и осуществлять процессы, направленные на достижение результатов, наиболее полно соответствующих изменениям внешних условий, в первую очередь, изменениям требований рынка» [15, с. 31].

Как отмечают Е. П. Маскайкин и Т. В. Арцер, инновационный потенциал – «это возможность и способность региона формировать и использовать инновационные ресурсы, необходимые для инновационного развития, что позволяет региону создавать, распространять и использовать различного вида новшества (новые виды товаров и услуг)» [16, с. 47].

Комплексного подхода к пониманию инновационного потенциала придерживаются С. Л. Иванов и К. А. Устинова, поскольку отмечают, что «в его рамках учитываются различные аспекты данного понятия (наличие ресурсов для инновационного развития региона, совокупность способностей и возможностей для осуществления инновационной деятельности)» [17, с. 150].

По представлению Л. З. Фатхуллиной и Л. В. Шабалтиной, инновационный потенциал – «это совокупность человеческих, социальных, правовых, материально-технических, информационных и других ресурсов, предназначенных для инновационного развития региона» [18, с. 61].

Е. Ф. Никитская в своей работе отмечает, что «многие исследователи предприняли попытки обобщения множества авторских позиций, однако охватить все существующие подходы является сложной задачей» [19, с. 12]. Это обусловлено тем, что «в законодательно закрепленных определениях имеется важное различие, выражаемое некоторым несовпадением ресурсов, относимых к инновационному потенциалу» [19, с. 15].

Таким образом, проведя анализ существующих подходов к определению понятия *инновационный потенциал*, можно выделить обобщенное определение в трактовке Е. Ф. Никитской: «инновационный потенциал (национальной экономики, региона, отрасли, предприятия) рассматривается как совокупность ресурсов, условий, институциональной готовности и способности хозяйственных субъектов осуществлять и воспроизводить нововведения, а также как набор нововведений, новшеств, подтвержденных патентами, лицензиями и другими документами, закрепляющими право интеллектуальной собственности на новшества» [19, с. 16].

Следует отметить особую значимость научных работ зарубежных коллег, в которых рассматриваются отдельные вопросы, связанные с оценкой инновационного потенциала стран Евросоюза в контексте многовариантного подхода [24], изучающие инновационный потенциал малого и среднего бизнеса в Испании [25], выявляющие системную значимость организаций поддержки бизнеса в стимулировании инновационного сотрудничества на промышленных предприятиях в Польше [26].

Результаты

Основы формирования и реализации инновационной политики, направленной на ускорение развития и повышение конкурентоспособности Кемеровской области, были впервые определены в Законе № 66-ОЗ «Об инновационной политике Кемеровской области» от 02.07.2008[5]. Основными целями данного Закона были начальные этапы инновационной деятельности региона:

- выявление перспективных направлений развития инновационной деятельности;
- создание эффективной правовой основы для развития инновационной деятельности;
- обеспечение условий для привлечения инвестиций в экономику области;
- создание условий для развития единой инфраструктуры для интеграции инновационной, научно-технической, инвестиционной и производственной деятельности;
- обеспечение условий для создания и развития технопарков;
- обеспечение государственной поддержки инновационной деятельности.

В настоящее время в Кузбассе существует следующая инновационная инфраструктура[6]:

- АО «Кузбасский технопарк»;

[5] Об инновационной политике Кемеровской области. Закон Кемеровской области от 02.07.2008 № 66-ОЗ (принят Советом народных депутатов КО 25.06.2008 № 2915) (с изменениями и дополнениями). *Электронная база данных Гарант.*

[6] Департамент инвестиционной политики и развития предпринимательства Кузбасса. URL: http://dep.keminvest.ru/menu/deyatelnost/claster_policity.php (дата обращения: 05.05.2022).

- Центр «Мой бизнес», объединивший на своей площадке инфраструктуру поддержки предпринимательства, существующую в регионе:
  - Центр кластерного развития;
  - Региональный центр инжиниринга Кемеровской области;
  - Центр инноваций социальной сферы Кемеровской области;
- АНО «Научно-образовательный центр "Кузбасс"»;
- ГКУ «Агентство по привлечению и защите инвестиций Кузбасса»;
- АНО «Центр координации поддержки экспортно-ориентированных субъектов малого и среднего предпринимательства Кемеровской области»;
- Государственный фонд поддержки предпринимательства Кемеровской области;
- ВУЗы, научно-исследовательские организации Кемеровской области – Кузбасса.

Кроме того, в регионе проходят различные региональные конкурсы (Бренд Кузбасса, Молодежное вече, Лучший городской инновационный проект), акселераторы «Генезис» и «СТАРТ», предпринимательские поединки от «Мой Бизнес42», инновационный конвент «Кузбасс» и т. д.

В качестве мер поддержки инновационным компаниям в Кузбассе предоставляются максимальные льготы и преференции (в рамках полномочий субъекта федерации)[7]:

- льгота по налогу на прибыль (снижение с 17 % до 13,5 %, для организаций на УСН снижение ставки налога с 15 % до 5 %);
- освобождение от уплаты налога на имущество;
- субсидии в части понесенных затрат, связанных с разработкой проектной документации, прохождением государственной экспертизы.

Организации, входящие в инфраструктуру, и меры поддержки инновационного сектора можно назвать базовыми, т. к. технопарки, центры кластерного развития, акселераторы и фонды поддержки предпринимательства имеются и в других регионах России. Однако без них развитие инновационного сектора региона будет затруднено, поскольку они способствуют формированию спроса на инновационную деятельность среди населения; предоставляют необходимую информацию, площадки, специальное оборудование для создания инновационных продуктов и разработок; изучают опыт зарубежных стран и других регионов России. В Кемеровской области такая база существует, однако критерии, оценивающие состояние инновационного сектора в Кузбассе, свидетельствуют о его слабой конкурентоспособности по сравнению с соседними регионами.

Состояние инновационной активности в Кемеровской области характеризуют показатели, представленные в табл. 1[8]. За период 2016–2020 гг. произошло снижение каждого показателя. Это обусловлено, во-первых, оттоком инициативной молодежи в другие города России, преимущественно в Санкт-Петербург, Москву, Томск, Новосибирск и Красноярск; во-вторых, сокращением в последние годы количества ВУЗов в Кемеровской области; в-третьих, отсутствием в Кузбассе бизнес-инкубаторов на базе ВУЗов. К примеру, Томский студенческий бизнес-инкубатор «Дружба» на базе Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники[9] и бизнес-инкубатор на базе Иркутского национального исследовательского технического университета вошли в тройку лучших инкубаторов России, что, несомненно, вносит весомый вклад в инновационную активность данных регионов.

Табл. 1. Показатели инновационной и предпринимательской активности в Кузбассе
Tab. 1. Indicators of innovation and entrepreneurial activity in the Kemerovo Region

Показатели	Год					Темп роста, %
	2016	2017	2018	2019	2020	2020 / 2016
Число организаций, выполнявших исследования и разработки	32	31	30	30	28	87,5
Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, количество человек	1551	1361	1228	1177	1188	76,6
Численность занятых в сфере индивидуальной предпринимательской деятельности, количество человек	38877	37163	36766	37410	37088	95,4
Коэффициент изобретательской активности в целом по СФО	1,56	1,37	1,61	1,68	1,55	99,4
Коэффициент изобретательской активности в Кемеровской области	1,04	0,86	0,91	1,14	0,96	92,3

[7] Там же.

[8] Составлена по: Наука. Основные показатели. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области. Режим доступа: https://kemerovostat.gks.ru/ (дата обращения: 14.02.2022).

[9] Томский государственный университет систем управления и связи. Бизнес-инкубатор ТУСУРа вошел в тройку лучших бизнес-инкубаторов России при университетах. URL: https://tusur.ru/ru/novosti-i-meropriyatiya/ (дата обращения: 24.02.2022).

Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, сократилась на 23,4 %, что связано с миграцией работников в другие регионы России и за рубеж. *Коэффициент изобретательской активности* в Кузбассе имеет нестабильную динамику. За пять лет он снизился на 7,7 %, в то время как этот же коэффициент по СФО на протяжении всего анализируемого периода имеет значения выше единицы. Наибольшего значения он достиг только в 2019 г., а в отчетном году снова снизился практически до уровня базисного года.

Данная динамика свидетельствует о том, что стимулирующих мер поддержки недостаточно для эффективного развития Кузбасса в области инноваций, хотя потенциальные возможности для развития бизнеса в регионе имеются. Это подтверждает показатель *численности занятых в предпринимательской деятельности*, который за последние три года увеличился на 322 человека: с 36766 человек в 2018 г. до 37088 человек в 2020 г. Однако для привлечения инвестиций в регион особый интерес с точки зрения частных инвесторов представляет рост показателей *инновационной и предпринимательской активности*, а в Кемеровской области за анализируемый период наблюдается их снижение.

Особый интерес авторов статьи, наряду с другими исследователями [1; 17; 19; 27; 28], вызвала методика НИУ ВШЭ, публикующего результаты исследований в статистическом сборнике «Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации»[10]. В рейтинге рассматриваются такие важные аспекты, как социально-экономические, научно-технические условия инновационной деятельности, а также инновационная активность регионов в целом. Также данное исследование позволяет отследить динамику не только отдельно взятого региона, но и всего федерального округа.

Результаты (табл. 2 и 3) показывают динамику повышения (снижения) места регионов в рейтинге 2018 г. по отношению к 2017 г. (последние официально опубликованные данные), а также динамику факторов, которые учитывались при расчете показателей инновационного развития регионов для определения их итогового места в общем рейтинге.

Изучение и оценка этих факторов позволяет проанализировать причины повышения и снижения регионального рейтинга по основным показателям инновационного развития. Так, по суммарному показателю *региональный инновационный индекс* Кемеровская область на конец отчетного периода заняла в рейтинге 35 место, значительно опередив Республики Алтай, Тыва и Хакасия, но сильно отстав от позиций Красноярского края, Новосибирской и Томской областей. Даже повышение показателей по годам не улучшило ситуацию по причине нехватки или отсутствия вообще благоприятных условий для конкуренции не только с регионами-лидерами РФ, но и с соседними регионами СФО.

Более всего позиция рейтинга Кемеровской области снизилась по показателю индекс *готовности к будущему* – на 31 пункт. Это обусловлено несоответствием региональной стратегической повестки содержанию федеральных стратегий, слабо выраженной близостью региональной новостной повестки к информационному полю развитых стран, а также низкой интенсивностью новостей о достижениях в сфере научно-технического прогресса и инноваций. Это свидетельствует о том, что региональная инновационная повестка не затрагивает обсуждения проблем на федеральном уровне и не отслеживает мировые тренды развития. Поэтому на эти факторы следует обратить особое внимание ввиду того, что в отчетном году Кузбасс по данному показателю опережает только Омскую область, уступая при этом всем другим регионам СФО.

Показатель *качество инновационной политики*, снизившийся на 19 пунктов, рассматривает нормативную правовую базу, организационное обеспечение инновационной политики, бюджетные затраты на науку и инновации и участие в федеральной научно-технической и инновационной политике. Анализируя факторы, на основе которых рассчитывался данный показатель, можно отметить, что значительное снижение с 14 до 50 позиции произошло по критерию, учитывающему нормативную правовую базу инновационной политики. Ввиду этого возникает необходимость пересмотра существующих стратегий инновационного развития, создания в регионе территорий инновационного развития, увеличения доли регионального бюджета в структуре затрат на технологические инновации и развития региональных институтов.

Положительная динамика в регионе была выявлена по показателю *научно-технический потенциал*, который повысил место в рейтинге в результате роста позиций по факторам *кадры науки* и *результативность исследований и разработок*. Это обусловлено увеличением доли работников с ученой степенью (кандидатов и докторов наук), повышением публикационной активности исследователей в рейтинговых журналах и заинтересованностью бизнеса в финансировании научных разработок и прикладных исследований. Однако повышение позиций не означает, что положение области по данному показателю устойчиво, т. к. в отличие от Кузбасса другие регионы СФО (такие как Новосибирская, Томская и Омская области, Красноярский край) усилили свои позиции по фактору *финансирование научных исследований и разработок*[11]. Помимо этого, в регионе снижаются затраты на исследования и разработки в расчете на одного исследователя, уменьшается доля молодых исследователей

[10] Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации, под ред. Л. М. Гохберга. М.: НИУ ВШЭ, 2021. Вып. 6. 264 с.; Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации, под ред. Л. М. Гохберга. М.: НИУ ВШЭ, 2021. Вып. 7. 274 с.

[11] Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации, под ред. Л. М. Гохберга. М.: НИУ ВШЭ, 2021. Вып. 7. С. 238, 242, 244, 246, 248.

и уровень оплаты труда научных работников по отношению к средней заработной плате в Кемеровской области.

Показатель *инновационная деятельность* демонстрирует повышение рейтинга на 2 позиции в основном за счет показательного роста *результативности инновационной деятельности* на 39 пунктов. Однако по факторам *активность в сфере технологических и нетехнологических инноваций* и *затраты на технологические инновации* произошло снижение, что обусловлено слабо выраженной активностью в сфере инноваций и уменьшением расходов, связанных с осуществлением различных видов инновационной деятельности. Стабильная позиция по показателю

Табл. 2. Показатели инновационного развития регионов СФО (по данным НИУ ВШЭ)
Tab. 2. Indicators of innovative development of the Siberian Federal Region according to the Higher School of Economics of the National Research University

Территориальный орган	Место в рейтинге		Повышение / снижение в рейтинге
	Базисный год	Отчетный год	
Региональный инновационный индекс			
Кемеровская область	*31*	*35*	*–4*
Красноярский край	12	8	+4
Иркутская область	33	27	+6
Новосибирская область	8	7	+1
Томская область	4	4	–
Омская область	28	29	–1
Республика Алтай	77	78	–1
Республика Тыва	78	79	–1
Республика Хакасия	75	66	+9
Алтайский край	38	43	–5
Индекс готовности к будущему			
Кемеровская область	*39*	*70*	*–31*
Красноярский край	9	19	–10
Иркутская область	24	8	+16
Новосибирская область	6	10	–4
Томская область	10	67	–57
Омская область	42	81	–39
Республика Алтай	66	36	+30
Республика Тыва	84	34	+50
Республика Хакасия	83	45	+38
Алтайский край	12	14	–2
Качество инновационной политики			
Кемеровская область	*15*	*34*	*–19*
Красноярский край	13	5	+8
Иркутская область	43	27	+16
Новосибирская область	3	4	–1
Томская область	4	9	–5
Омская область	65	66	–1
Республика Алтай	75	89	–14
Республика Тыва	54	63	–9
Республика Хакасия	83	78	+5
Алтайский край	23	36	–13

Территориальный орган	Место в рейтинге		Повышение / снижение в рейтинге
	Базисный год	Отчетный год	
Научно-технический потенциал			
Кемеровская область	*24*	*22*	*+2*
Красноярский край	29	15	+14
Иркутская область	18	21	–3
Новосибирская область	8	10	–2
Томская область	1	1	–
Омская область	17	16	+1
Республика Алтай	79	82	–3
Республика Тыва	81	81	–
Республика Хакасия	70	64	+6
Алтайский край	46	40	+6
Инновационная деятельность			
Кемеровская область	*66*	*64*	*+2*
Красноярский край	28	28	–
Иркутская область	47	46	+1
Новосибирская область	37	47	–10
Томская область	4	5	–1
Омская область	33	36	–3
Республика Алтай	68	75	–7
Республика Тыва	84	82	+2
Республика Хакасия	77	77	–
Алтайский край	13	14	–1
Социально-экономические условия инновационной деятельности			
Кемеровская область	*22*	*22*	*–*
Красноярский край	14	19	–5
Иркутская область	24	26	–2
Новосибирская область	38	17	+21
Томская область	4	5	–1
Омская область	12	15	–3
Республика Алтай	58	59	–1
Республика Тыва	52	54	–2
Республика Хакасия	79	83	–4
Алтайский край	72	79	–7

социально-экономические условия инновационной деятельности, который за анализируемый период остался на прежнем уровне. Незначительное изменение прослеживается по основным макроэкономическим показателям, в частности по ВВП на одного занятого и доле занятых в наукоемких областях сферы услуг, а также доле взрослого населения с высшим образованием.

Исходя из результатов сравнительного анализа показателей инновационного развития, можно констатировать, что Кузбасс отстает от регионов-лидеров СФО, таких как Томская, Новосибирская, Иркутская области и Красноярский край, практически по всем показателям, особенно по фактору *индекс готовности к будущему*, где Кемеровская область среди всех сибирских регионов занимает предпоследнее место в рейтинге. Следует отметить, что по критериям *региональный инновационный индекс* и *качество инновационной политики* Кузбасс занимает среднюю позицию. Самые высокие места в рейтинге регионов СФО Кузбасс достиг по показателям *научно-технический потенциал* и *социально-экономические условия инновационной деятельности*.

В ходе исследования были выявлены недостатки инновационной деятельности, по которым региону необходимо пересмотреть существующие меры поддержки и внести коррективы для устойчивого развития инновационного потенциала региона: несовершенная нормативная правовая база инновационной политики, пассивное участие в федеральной научно-технической и инновационной политике, низкий потенциал цифровизации, слабо выраженная активность в сфере технологических и нетехнологических инноваций, отдаленность региональной новостной повестки от информационного поля развитых стран, несоответствие региональной стратегической повестки содержанию федеральных стратегий и т.д.

Особое внимание необходимо обратить на те факторы, которые показали рост позиции в рейтинге, а именно результативность инновационной деятельности, результативность научных исследований и разработок, научные кадры и т. д. Важно продолжать развитие региона по данным факторам, т. к. постоянное и непрерывное совершенствование поможет привести регион к устойчивому росту его инновационного потенциала.

Табл. 3. Факторы, учитывающиеся при расчете показателей инновационного развития регионов
Tab. 3. Factors that make up indicators of regional innovative development

Факторы	Место в рейтинге		Повышение / снижение в рейтинге
	Базисный год	Отчетный год	
Индекс готовности к будущему			
Интенсивность новостей о достижениях в сфере научно-технологического, инновационного и развития и т.д.	III группа (отставание от лидера – от 40 до 60 %)	IV группа (отставание от лидера – более 60 %)	–1
Близость региональной новостной повестки к информационному полю развитых стран			
Соответствие региональной стратегической повестки содержанию федеральных стратегий			
Качество инновационной политики			
Нормативная правовая база инновационной политики	14	50	–36
Организационное обеспечение инновационной политики	11	13	–2
Бюджетные затраты на науку и инновации	74	59	+15
Участие в федеральной научно-технической и инновационной политике	24	27	–3
Научно-технический потенциал			
Финансирование научных исследований и разработок	30	30	–
Кадры науки	26	19	+7
Результативность научных исследований и разработок	27	26	+1
Инновационная деятельность			
Активность в сфере технологических и нетехнологических инноваций	52	74	–22
Малый инновационный бизнес	59	59	–
Затраты на технологические инновации	27	76	–49
Результативность инновационной деятельности	60	21	+39
Социально-экономические условия инновационной деятельности			
Основные макроэкономические показатели	55	54	+1
Образовательный потенциал населения	14	14	–
Потенциал цифровизации	40	43	–3

Заключение

Оценка состояния инновационного потенциала Кузбасса позволяет отметить, что в целом у региона есть потенциальные возможности для инновационного развития и роста, т. к. область обладает необходимыми базовыми условиями. В Кемеровской области имеются технопарки, центры кластерного развития, акселераторы, фонды поддержки предпринимательства и т. д. Даже несмотря на то, что среди регионов-лидеров СФО Кемеровская область уступает по инновационной активности Томской, Новосибирской, Иркутской областям и Красноярскому краю, при правильной корректировке действующих мер поддержки у Кузбасса есть возможности и ресурсы для развития и роста инновационного сектора. В этой связи рекомендуется:

- сформировать механизмы привлечения средств частных организаций и организаций с государственным участием для реализации научных, научно-технических проектов на базе ведущих научных организаций и образовательных организаций высшего образования;
- обеспечить эффективное взаимодействие главных распорядителей бюджетных средств при планировании расходов регионального бюджета на осуществление научных исследований и разработок;
- обеспечить удобство системы, предоставляющей правовую охрану и оборот прав на результаты интеллектуальной деятельности, а также устранить архаичные формы отчетности за счет полного перехода на цифровые технологии;
- способствовать использованию инновационных разработок в малом и среднем предпринимательстве для модернизации бизнеса, обновления технологий и создания новых востребованных продуктов, товаров и услуг, что позволит сделать область инноватики привлекательной для бизнеса и увеличить долю частных инвестиций во внутренних затратах на исследования и разработки;
- активно продвигать главные тренды в области инноватики в СМИ, делать направления развития максимально схожими с федеральной и мировой повестками;
- сфокусировать внимание на наиболее востребованных мерах поддержки;
- развивать взаимодействие бизнеса, науки и образования. Как показал анализ, в области есть инновационный и научный кадровый потенциал, для реализации которого важно создать все необходимые условия, а именно лаборатории с передовым оборудованием, технополисы и технопарки, бизнес-инкубаторы. В особенности следует обратить внимание на создание инкубаторов на базе ВУЗов. Инновационное развитие региона поспособствует привлечению новых венчурных фондов и инвестиций в область;
- продвигать современные и востребованные инновационные отрасли, например область IT-разработок; организовывать не только хакатоны, но и встречи с бизнесом и максимально освещать их в СМИ, создавать инновационные центры с направленностью в IT-сфере, где была бы создана инфраструктура, полностью позволяющая заинтересованным разработчикам иметь возможность реализовать себя (менторство, оборудование, сотрудничество с бизнесом или получение гранта).

Применение представленных выше рекомендаций позволит создать конкурентные преимущества в инновационной сфере, привлечь дополнительные инвестиции в регион, повысить потенциал цифровизации, усовершенствовать нормативную правовую базу инновационной политики, активно участвовать в федеральной научно-технической и инновационной политике, сделать Кемеровскую область – Кузбасс привлекательной для инициативной и заинтересованной молодежи, что будет способствовать повышению и устойчивому развитию инновационного потенциала региона.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflicting interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.
Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Nikitskaya E. F., Valishvili M. A., Astapenko M. S., Namgalauri A. N. Cluster analysis of factors effecting the development of innovative activity and infrastructure quality. *International Journal for Quality Research*, 2021, 15(2): 549–564. https://doi.org/10.24874/IJQR15.02-12
2. Никитская Е. Ф. Развитие инновационного потенциала регионов России. М.: МГУЭСИ, 2015. 261 с.
Nikitskaya E. F. *Development of innovative potential of Russian regions*. Moscow: MSUESI, 2015, 261. (In Russ.)
3. Пудеян Л. О. Формирование и развитие инновационного потенциала в экономическом пространстве региона на примере Ростовской области. *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2021. № 5. С. 105–113. https://doi.org/10.26726/1812-7096-2021-5-105-113

Pudeyan L. O. Formation and development of innovative potential in the economic space the region on the example of the Rostov region. *Regionalnye problemy preobrazovaniia ekonomiki*, 2021, (5): 105–113. (In Russ.) https://doi.org/10.26726/1812-7096-2021-5-105-113

4. Пирогова Е. В. Инновационная среда и ее влияние на развитие инновационного потенциала региона. *Актуальные проблемы экономики и менеджмента*. 2021. № 3. С. 119–126.
Pirogova E. V. The innovation environment and its impact on the development of the region's innovation potential. *Actual Problems of Economics and Management*, 2021, (3): 119–126. (In Russ.)
5. Евстафьева А. Х. Инновационный потенциал как фактор устойчивого и безопасного развития региона. *Инновационное развитие экономики*. 2021. № 4. С. 240–244. https://doi.org/10.51832/2223-798420214240
Yevstafieva A. Kh. Innovative potential as a factor of sustainable and safe development of the region. *Innovative development of economy*, 2021, (4): 240–244. (In Russ.) https://doi.org/10.51832/2223-798420214240
6. Пирогова Е. В. Факторы развития инновационного потенциала региона. *Актуальные проблемы экономики и менеджмента*. 2020. № 4. С. 106–113.
Pirogova E. V. Factors of development of region's innovative potential. *Actual Problems of Economics and Management,* 2020, (4):106–113. (In Russ.)
7. Сигунова Т. А. Оценка состояния и тенденций развития региона на основе индикаторов экономического потенциала (по материалам Новосибирской области). *Вопросы региональной экономики*. 2021. № 4. С. 115–128.
Sigunova T. A. Assessment of the state and development trends of the region based on indicators of economic potential (based on the materials of the novosibirsk region). *Problems of regional economy*, 2021, (4): 115–128. (In Russ.)
8. Мирославская М. В. Принципы оценки инновационного потенциала регионов России. *Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития*. 2020. № 4. С. 103–111.
Miroslavskaya M. V. Principles for assessing the innovative potential of the Russian regions. *Economy of the Northwest: problems and development prospects*, 2020, (4): 103–111. (In Russ.)
9. Ризванова А. Я. Оценка инновационного потенциала Республики Татарстан в условиях формирования smart-региона. *Вопросы инновационной экономики*. 2021. Т. 11. № 2. С. 627–640. https://doi.org/10.18334/vinec.11.2.112266
Rizvanova A. Ya. Assessment of the innovative potential of the Republic of Tatarstan under the conditions of creating a smart region. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki*, 2021, 11(2): 627–640. (In Russ.) https://doi.org/10.18334/vinec.11.2.112266
10. Крылова А. В., Замуруева Н. А. Характеристика инновационного потенциала региона как основы формирования и развития инновационной инфраструктуры. *Вестник ОрелГИЭТ*. 2020. № 2. С. 119–122. https://doi.org/10.36683/2076-5347-2020-2-52-119-122
Krylova A. V., Zamuruyeva N. A. Characteristics of the region's innovation potential as a basis for formation and development of innovation infrastructure. *OrelSIET bulletin*, 2020, (2): 119–122. (In Russ.) https://doi.org/10.36683/2076-5347-2020-2-52-119-122
11. Малкина М. Ю. Институциональные ловушки инновационного развития российской экономики. *Журнал институциональных исследований*. 2011. Т. 3. № 1. С. 50–60.
Malkina M. Y. Institutional traps of the innovative development of Russian economy. *Journal of Institutional Studies*, 2011, 3(1): 50–60. (In Russ.)
12. Бендиков М. А., Фролов И. Э. Высокотехнологичный сектор промышленности России: состояние, тенденции, механизмы технологического развития. М.: Наука, 2007. 583 с.
Bendikov M. A., Frolov I. E. *Russian hichtechnology industry*. Moscow: Nauka, 2007, 583. (In Russ.)
13. Цителадзе Д. Д. Развитие методик оценки инновационного потенциала региона в догоняющей экономике. *Инновации*. 2018. № 9. С. 61–73.
Tsiteladze D. D. Development of methods for assessing the region's innovative potential in the catching-up economy. *Innovations*, 2018, (9): 61–73. (In Russ.)
14. Сазонова А. С., Филиппова Л. Б., Филиппов Р. А. Оценка инновационного потенциала региона. *Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий*. 2017. Т. 79. № 2. С. 273–279. https://doi.org/10.20914/2310-1202-2017-2-273-279
Sazonova A. S., Filippova L. B., Filippov R. A. Assessment of innovative potential of the region. *Proceedings of the Voronezh State University of Engineering Technologies*, 2017, 79(2): 273–279. (In Russ.) https://doi.org/10.20914/2310-1202-2017-2-273-279
15. Монастырный Е. А. Термины и определения в инновационной сфере. *Инновации*. 2008. № 2. С. 28–31.
Monastyrnyi E. A. Terms and definitions in the innovation sphere. *Innovations*, 2008, (2): 28–31. (In Russ.)
16. Маскайкин Е. П., Арцер Т. В. Инновационный потенциал региона: сущность, структура, методика оценки и направления развития. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент*. 2009. № 21. С. 47–53.

Maskaikin E. P., Artser T. V. Innovative potential of the region: essence, structure, method of estimation and directions of development. *Bulletin of SUSU. Series Economics and Management*, 2009, (21): 47–53. (In Russ.)

17. Иванов С. Л., Устинова К. А. Инновационный потенциал региона как фактор развития предпринимательства. *Проблемы развития территории*. 2021. Т. 25. № 5. С. 146–165. https://doi.org/10.15838/ptd.2021.5.115.9
Ivanov S. L., Ustinova K. A. Regional innovative potential as a factor of entrepreneurship development. *Problems of Territory's Development*, 2021, 25(5): 146–165. (In Russ.) https://doi.org/10.15838/ptd.2021.5.115.9
18. Фатхуллина Л. З., Шабалтина Л. В. Факторы роста инновационного потенциала региона. *Вестник ВЭГУ*. 2011. № 2. С. 61–68.
Fatkhullina L. Z., Shabaltina L. V. Factors of growth of innovative potential of the region. *Vestnik VEGU*, 2011, (2): 61–68. (In Russ.)
19. Никитская Е. Ф. Инновационный потенциал регионов России: методология оценки и пути развития. *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. 2013. № 44. С. 11–24.
Nikitskaya E. F. Innovative potential of Russian regions: assessment methodology and development pathways. *Economic Analysis: Theory and Practice*, 2013, (44): 11–24. (In Russ.)
20. Черненко О. Б., Черненко Н. А. Подходы к определению понятия и структуры инновационного потенциала региона. *Вестник Томского государственного университета*. 2013. № 371. С. 149-152.
Chernenko O. B., Chernenko N. A. Approaches to definition of the concept and structure of innovation potential of a region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, (371): 149–152. (In Russ.)
21. Нетребин Ю. Ю., Улякина Н. А., Вершинин И. В., Бурдакова А. Е. Научно-технический и инновационный потенциал региона: сравнение современных подходов к оценке. *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2020. Т. 1. № 10. С. 107–116. https://doi.org/10.34684/ek.up.p.r.2020.10.01.013
Netrebin Yu. Yu., Ulyakina N. A., Vershinin I. V., Burdakova A. E. Scientific, technological and innovative capacity of the region: comparison of current approaches to evaluation. *Economics and management: problems, solutions*, 2020, 1(10): 107–116. (In Russ.) https://doi.org/10.34684/ek.up.p.r.2020.10.01.013
22. Перевозчикова Н. А., Багдасарова Д. Г. Инновационный потенциал региона: сущность и методические подходы к его оценке. *Вестник Института экономических исследований*. 2020. № 3. С. 91–99.
Perevozchikova N. A., Bagdasarova D. G. Innovative potential of the region: essence and methodological approaches to its assessment. *Vestnik of Institute of Economic Research*, 2020, (3): 91–99. (In Russ.)
23. Кадовба Е. А. Инновационный потенциал региона: концептуальные подходы к трактованию, структура и классификация. *Потребительская кооперация*. 2017. № 1. С. 21–29.
Kadovba E. A. Innovative potential of the region: conceptual approaches to interpretation, structure, and classification. *Potrebitelskaia kooperatsiia*, 2017, (1): 21–29. (In Russ.)
24. Roszko-Wojtowicz E., Białek J. Evaluation of the EU countries' innovative potential – multivariate approach. *Statistics in Transition New Series*, 2017, 18: 167–180.
25. Ahedo M. Exploring the innovative potential of SMEs in Spain. *European Review of Labour and Research*, 2010, 16(2): 197–209. https://doi.org/10.1177/1024258910364307
26. Swiadek A., Gorączkowska J. The institutional support for an innovation cooperation in industry: the case of Poland. Equilibrium. *Quarterly Journal of Economics and Economic Policy*, 2020, 15(4): 811–831. http://dx.doi.org/10.24136/eq.2020.035
27. Нигматуллин Ш. И. Оценка инновационного потенциала и инновационного развития в регионе. *Экономика и управление: научно-практический журнал*. 2021. № 3. С. 62–66. https://doi.org/10.34773/EU.2021.3.12
Nigmatullin Sh. I. Assessment of Innovative Potential and Innovative Development in the Region. *Economics and Management: Scientific and Practical Journal,* 2021, (3): 62–66. (In Russ.) https://doi.org/10.34773/EU.2021.3.12
28. Ксенофонтова Т. Ю., Грушинский С. В., Крикун В. П. К вопросу о развитии методических подходов к оценке уровня инновационного развития регионов. *Инновации и инвестиции*. 2022. № 2. С. 4–7.
Ksenofontova T. Yu., Grushinskiy S. V., Krikun V. P. On the development of methodological approaches to assessing the level of innovative development of regions. *Innovation & Investment*, 2022, (2): 4–7. (In Russ.)

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
POLITICAL, SOCIOLOGICAL AND ECONOMICS

обзорная статья

Современные представления о взаимосвязи деятельности малых и средних предприятий с региональным экономическим развитием

Рогова Ксения Валерьевна
Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово
https://orcid.org/0000-0003-0735-6424
kseniyaporlikova@mail.ru

Поступила 28.04.2022. Принята после рецензирования 20.05.2022. Принята в печать 06.06.2022.

Аннотация: Малые и средние предприятия (МСП) играют значительную роль в региональном экономическом развитии. Одновременно с этим результаты их деятельности во многом зависят от региональных факторов. В статье приведен обзор наиболее влиятельных и новейших исследований по проблемам взаимосвязи деятельности МСП с процессами регионального развития. В результате исследования установлено, что влияние МСП на рост региональной экономики оценивается неоднозначно. Прямое положительное воздействие характерно для стран с высоким уровнем дохода. В исследованиях по другим странам присутствуют неоднозначные результаты. Можно сделать вывод, что в странах с высоким уровнем дохода сложились факторы и механизмы поддержки, преодолевающие объективные ограничения МСП. В российских регионах МСП в ограниченной степени выполняют свои функции и имеют низкую факторную производительность. Это ограничивает их вклад в региональную экономику. Единого представления о факторах дифференциации МСП не сложилось ни в России, ни в мире. В мире более высокий уровень развития МСП обычно связывают с очевидными факторами (численность населения и масштабы экономики региона, доступность финансирования). В России изучена дифференциация регионов по состоянию и особенностям МСП, но поиск закономерностей, определяющих эти особенности, практически не представлен в литературе. После выполнения литературного обзора обозначены исследовательские вопросы для дальнейшего, более глубокого изучения взаимосвязей МСП и процессов в региональной экономике. Полученные результаты могут быть использованы в последующих работах по развитию МСП в региональном экономическом пространстве, а также профильных учебных курсах университетов.

Ключевые слова: региональная экономика, малые и средние предприятия, предпринимательство, инновации, факторная производительность, экономическое пространство

Цитирование: Рогова К. В. Современные представления о взаимосвязи деятельности малых и средних предприятий с региональным экономическим развитием. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2022. Т. 7. № 3. С. 378–394. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-3-378-394

review article

Effect of Regional Economic Development on Small and Medium-Sized Enterprises: Modern Concept of the Dependency

Ksenia V. Rogova
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
https://orcid.org/0000-0003-0735-6424
kseniyaporlikova@mail.ru

Received 28 Apr 2022. Accepted after peer review 20 May 2022. Accepted for publication 6 Jun 2022.

Abstract: Small and medium enterprises (SMEs) play an important role in regional economic development. However, the results of their activities largely depend on the regional factors. The article provides an overview of the most influential and latest publications on the relationship between SMEs and regional development processes. The impact of SMEs on the growth of the regional economy proved to be assessed ambiguously. A direct positive impact is typical for high-income countries, while other countries yield mixed results. High-income countries have factors and support mechanisms

© 2022. The Author(s). This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

that overcome the objective limitations of SMEs. In the Russian regions, SMEs perform their functions to a lower extent and, as a result, have low factor productivity, which limits their contribution to the regional economy. No unified idea of SME differentiation factors was detected in domestic and foreign publications. Abroad, a higher level of SME development is usually associated with such obvious factors as population, the size of the regional economy, availability of financing, etc. The review of domestic literature revealed some data on the differentiation of regions according to the state and SME characteristics, but no patterns that would determine these features. The review highlighted some issues for further research of the relationship between SMEs and the regional economy. The results obtained can be used to develop regional SMEs and specialized university courses.
Keywords: regional economy, small and medium enterprises, entrepreneurship, innovation, factor productivity, economic space

Citation: Rogova K. V. Effect of Regional Economic Development on Small and Medium-Sized Enterprises: Modern Concept of the Dependency. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(3): 378–394. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-3-378-394

Введение

Серьезную роль в развитии регионов играют малые и средние предприятия (МСП), поскольку они заполняют и связывают экономическое пространство, сглаживают внутритерриториальные диспропорции благодаря более свободному размещению по сравнению с крупными компаниями. Одновременно с этим тенденции и специфика деятельности МСП сами по себе обусловлены региональными экономическими особенностями. Поэтому взаимосвязи деятельности МСП и регионального экономического развития являются актуальной темой для изучения. Это можно подтвердить доводами:

1. МСП являются необходимым компонентом регионального хозяйственного комплекса, который не только решает ряд сугубо экономических задач, но и влияет на пространственные пропорции, уровень внутрирегиональной асимметрии, степень диверсификации и стратегической устойчивости. Потенциал МСП в формировании более сбалансированных моделей пространственного развития достаточно велик, но реализуется не в полной мере, напротив, нередко закрепляет складывающиеся диспропорции. Кроме того, доля МСП в экономике большинства регионов оценивается как недостаточная и требующая повышения.

2. В соответствии с Указом Президента РФ, в число национальных целей России до 2030 г. входит успешное предпринимательство. Индикатором достижения этой цели определено «увеличение численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства... до 25 миллионов человек»[1], поэтому федеральный центр и регионы должны модифицировать политику поддержки МСП исходя из объективных исследовательских данных, чтобы более продуктивно использовать ограниченные ресурсы. Однако при этом необходимо учитывать, что не любое увеличение количества и удельного веса МСП в регионе будет выступать положительным явлением.

В данной статье представлен обзор современных исследований, посвященных двум аспектам взаимного влияния МСП и регионального развития:

1. МСП как компонент региональной экономики, часть производственно-экономической системы территории, потребляющий свою долю факторов производства с каким-либо уровнем эффективности, вносящий определенный вклад в ВРП и другие интегральные экономические показатели. МСП воздействуют на качественные характеристики региональной экономики, такие как инновации, степень связности регионального экономического пространства, отраслевая структура и т. п. В данном случае анализируется, как тот или иной уровень развития МСП сказывается на региональной экономике в целом.

2. Сектор МСП как результат влияния большого числа региональных факторов, обуславливающих результативность, эффективность и качество деятельности данного компонента региональной экономики. Общий уровень развития МСП в регионе и их особенности являются следствием значительного количества региональных особенностей, которые требуют дальнейших исследований. Различные характеристики регионов (а в России они отличаются большим уровнем пространственной асимметрии) определяют соответственно разное состояние МСП в каждом из них. Поэтому важно изучить и то, как специфика региональной экономики влияет на показатели деятельности МСП. Это позволит дать комплексную оценку развития МСП в экономическом пространстве регионов.

Роль малых и средних предприятий в региональном экономическом развитии

Одними из первых крупных известных работ, в которых отдельно было проанализировано влияние МСП на региональное развитие, стали препринт Д. Берча *The job generation process* [1] (Процесс создания рабочих мест[2]) 1979 г.

[1] О национальных целях развития РФ на период до 2030 г. Указ Президента РФ № 474 от 21.07.2020. *СЗ РФ*. 27.07.2020. № 30. Ст. 4884.

[2] Здесь и далее по тексту перевод автора статьи.

и его монография *Job creation in America: how our smallest companies put the most people to work* (Создание рабочих мест в Америке: как наши самые маленькие компании заставляют работать больше всего людей) 1987 г. [2]. Для экономистов США всегда было характерно особое внимание к рынку труда, не стал исключением и Д. Берч, который исходил из того, что создание рабочих мест обуславливает региональный экономический рост. В первой из публикаций анализировались данные по 5,6 млн предприятий, находящихся на разных стадиях жизненного цикла (от появления до ликвидации). В результате Д. Берч выявил, что рабочие места во всех штатах создают не крупные компании, а небольшой, независимый, нестабильный бизнес. Во второй работе изучались данные о 12 млн организаций США, Канады, Великобритании и Швеции, особое внимание уделялось малым высокотехнологичным фирмам, которые не только лидируют в создании рабочих мест, но и влияют на организацию экономического пространства, создавая кластеры и другие подобные подсистемы.

Под влиянием работ Д. Берча сложилась исследовательская традиция видеть в МСП источник создания рабочих мест и способ смягчения кризисов на рынке труда в различных регионах. Весьма позитивное, оптимистичное видение МСП представлено в работах Э. Шумахера, автора афоризма *Малое – прекрасно*. Он выдвигает идеи о региональном подходе к развитию и «средней технологии» как возможности создать большое количество МСП в бедных регионах. По Э. Шумахеру, проблемы стран с низким уровнем доходов не решит создание ограниченного количества крупных современных производств с высокой производительностью труда, более того, оно погрузит многие регионы в полную безвыходную нищету, т.к. традиционные производства будут уничтожены. Напротив, нужно не стремиться к тому, чтобы создавать в каждом регионе производство мирового класса, а «дать им [большому числу безработных] работу, чтобы они могли производить полезные товары из местных материалов для местных нужд» [3, с. 195]. В этом случае прекратится застойная бедность и начнется экономическое развитие с возможностью последующего выхода на более высокие его уровни. Работать же по средним технологиям могут именно МСП, локализованные в своих провинциях. Следует отметить, что книги Э. Шумахера во многом вдохновили влиятельное общественное движение «Покупай местное».

Таким образом, в границах мэйнстрима и вовне его (идеи Э. Шумахера весьма нетривиальны для неоклассиков и институционалистов) с 1970-х гг. существует одномерно положительное видение МСП как фактора регионального развития. В большом числе российских работ присутствует именно такой подход к активизации МСП в регионах [4–10]. Исходя из этого, любой относительный и абсолютный прирост показателей деятельности МСП в регионах нужно оценивать как однозначно позитивное явление.

Безусловно, влияние МСП на региональную экономику заключается не только в создании рабочих мест. МСП весьма значимы для решения широкого спектра задач регионального развития. В настоящее время опубликовано существенное число работ по влиянию МСП на региональное развитие в странах с высоким и низким уровнями дохода. Широко известен и довольно часто цитируется доклад G. Gebremariam, T. Gebremedhin и R. Jackson, где на данных по Западной Вирджинии доказано, что высокий уровень развития МСП положительно коррелировал с экономическим ростом штата, доходами на душу населения и отрицательно – с бедностью [11].

Важной для понимания вклада МСП в рост экономики является работа Z. Acs и C. Armington по 394 экономическим районам и 6 базовым промышленным отраслям США [12]. В ней оценено воздействие предпринимательской активности на рост местной экономики, в частности, показана более высокая важность появления новых фирм по сравнению с показателями деятельности МСП в статике. Учитывая, что занятость и экономический рост не всегда четко коррелируют, эти авторы установили: занятость зависит от стабильно высокого удельного веса МСП в экономике. Следовательно, МСП вносят критически важный вклад в региональную экономику.

Подобную позицию можно считать общепринятой в исследованиях стран с высоким уровнем дохода – МСП воспринимаются традиционно как источник роста региональной экономики и сокращения безработицы [13]. Можно отметить, например, работу K. Al Badi, в которой рассматривается положительное влияние МСП на экономическое развитие приграничного города Аль-Бурайми (Оман, который также является страной с высоким уровнем дохода) [14]. В русле берчевской исследовательской традиции построена статья L. J. Rotar и др., посвященная влиянию МСП на занятость в странах Европейского союза в 2005–2016 гг. [15]. Авторы пришли к выводу, что больше всего рабочих мест предоставляют МСП в сфере услуг (в третьем секторе современной экономики), тогда как промышленные предприятия не являются продуктивным создателем рабочих мест.

Представляется, что это можно объяснить доминирующей ролью третьего сектора как работодателя в постиндустриальной экономике с очень высокой производительностью труда в промышленности. Иными словами, промышленные МСП утратили значимость в качестве источника рабочих мест не потому, что они *малые*, а потому что они *промышленные*. Даже крупные современные заводы предполагают небольшую по меркам индустриальной экономики численность коллектива.

Для современных региональных исследований характерен дифференцированный подход к пониманию экономического потенциала МСП в межстрановом разрезе. Работа G. Fiseha и A. Oyelana посвящена роли МСП в развитии сельских районов африканских стран, в ней демонстрируется жизненно важное значение таких предприятий

для создания рабочих мест, формирования доходов, борьбы с бедностью. Особенно значимы МСП как работодатель для уязвимых групп рынка труда (молодежь, женщины и др.) [16]. К сходным выводам пришел N. Nursini на материалах Индонезии, анализируя влияние МСП на абсолютное и относительное сокращение бедности. По его мнению, значительные группы населения вследствие ограниченного человеческого капитала могут наниматься на работу практически только МСП [17].

На материалах по регионам и городам Турции выполнено исследование C. Erdin и G. Ozkaya, которые анализировали вклад МСП в экономическое развитие и качество жизни с применением геоинформационных технологий. В их работе продемонстрировано, что при ранжировании 7 регионов и 81 города данной страны по показателям качества жизни и развития МСП распределение мест практически полностью совпадает. Количество и удельный вес МСП напрямую связаны с тем, как будут жить люди на той или иной территории [18]. Хотя следует отметить, что такое влияние может быть взаимным или вообще обратным: высокое качество жизни означает в том числе и высокие доходы населения, что благоприятствует высокой предпринимательской активности на потребительском рынке.

По мнению Ş. Gherghina и др., на способность МСП содействовать экономическому росту в жудецах Румынии влияет обеспеченность инвестициями. Поэтому снятие препятствий к финансированию МСП приведет к ускоренному развитию регионов [19]. Такой вывод подталкивает к мысли о разных векторах воздействиям МСП на регионы, поскольку в условиях дефицита инвестиций МСП могут оказаться не вполне продуктивными. Близкий вывод содержится в работе L. Mura и Z. Hajduová. Исследуя эффективность работы МСП в регионах Словакии, они сопоставляли отличия в использовании ресурсов. В результате показано, что в отдельных частях страны МСП накопили избыточные материальные запасы, хотя более предпочтительны были бы более частые поставки [20]. Это позволяет ставить вопрос о том, что МСП могут менее продуктивно использовать факторы производства по сравнению с крупными компаниями, особенно учитывая возможный дефицит компетенций в сфере менеджмента.

Определенную экономическую слабость, уязвимость, ресурсную ограниченность предприятий в штатах Нигерии описывают M. Taiwo, A. Ayodeji и B. Yusuf [21]. Эти ученые отмечают, что в экономике Нигерии развит по преимуществу первый сектор (сельскохозяйственное производство и добыча полезных ископаемых). МСП даже в крупных городах находятся на неудовлетворительном уровне развития вследствие институциональных проблем и низкой доступности ресурсов. Существенную долю МСП занимают только в экономике сельскохозяйственных штатов. Их развитие по всем видам экономической деятельности требует существенных усилий, но не гарантирует результат, хотя в Нигерии ждут от МСП решения проблемы рабочих мест.

По-видимому, характерная для стран со зрелой рыночной экономикой взаимосвязь МСП с региональным экономическим развитием в других государствах, в частности в странах с низким уровнем дохода, имеет место не всегда, и это определяется конкретными национальными и / или региональными условиями. Показательно в этом отношение название одной из работ также нигерийских исследователей – *Small and medium scale enterprises as a survival strategy for employment generation in Nigeria* [22] (Малые и средние предприятия как стратегия выживания для создания рабочих мест в Нигерии). Здесь подчеркивается, что именно в силу высокой трудоемкости МСП и низких капитальных затрат они способны сокращать безработицу и бедность без больших капитальных вложений. Аналогичные выводы получены исследователями по Индонезии, где МСП обеспечивают 97,03 % занятости и лишь 78,27 % ВРП [23].

Однако это еще и сдерживает научно-технический прогресс вследствие дешевизны рабочей силы, не позволяет развивать человеческий капитал. Даже когда демонстрируется положительная взаимосвязь между объемом выпуска малых предприятий и ВРП штатов Индии [24], то объяснение может быть тривиальным – их валовая добавленная стоимость, естественно, увеличивает макроэкономические показатели, МСП растут вместе со всей экономикой региона. Но имеющиеся факторы производства, возможно, используются непродуктивно, в силу низкой оплаты труда в МСП человеческий капитал находится на застойно низком уровне.

Интересна в этом контексте работа В. Глонти, Р. Манвелидзе и И. Сурманидзе: на сравнительных материалах по краям Грузии показана зависимость динамики экономического роста (валовой добавленной стоимости) не просто от количества работников МСП, а от производительности труда [25]. Она, в свою очередь, определяется технологиями и качеством человеческого капитала, поэтому МСП нуждаются в доступе к ресурсам, а государству следует уделять больше внимания подготовке рабочей силы. Исходя из этого, можно предположить, что вклад МСП в экономическое развитие регионов может быть разным и может определяться ситуативными факторами.

Более того, есть исследования, в которых демонстрируется отсутствие взаимосвязи МСП с региональным ростом. T. Cravo рассматривал влияние МСП на экономический рост в 508 микрорегионах Бразилии за 1980–2004 гг. Установлено, что доля занятых в МСП в общей занятости населения не имеет статистически значимой корреляции с экономическим ростом [26]. Поэтому активное привлечение рабочей силы на эти предприятия как минимум не содействует более быстрому экономическому развитию и не может рассматриваться как однозначно позитивное явление.

В ряде работ признается ограниченный потенциал МСП по ресурсам и компетенциям, предлагаются рекомендации по повышению их конкурентоспособности, например на основе кластерного подхода [27; 28],

который устраняет или ослабляет часть ограничений МСП. В целом повышение «плотности» и связности МСП, формирование сетевых структур рассматривается как одно из важных направлений поддержания конкурентоспособности таких предприятий, наряду с государственной поддержкой [29].

В анализе процессов влияния МСП на развитие регионов, как показывают результаты обзора, важно учитывать страновую специфику. Поэтому далее остановимся на отечественных исследованиях, где рассматривается деятельность МСП в экономическом пространстве регионов России. В российской исследовательской традиции начиная с 1990-х гг. стало формироваться самое позитивное отношение к МСП и предпринимательской деятельности, они рассматривались как путь выхода из трансформационного кризиса. В документах стратегического планирования с 2000-х гг. стали постоянно фигурировать цели, связанные с развитием МСП.

Однако в последние годы ряд исследователей высказывают более осторожные, отчасти критические мнения о роли МСП в развитии страны. Относительный скепсис по поводу влияния МСП на региональное развитие выражается в работах А. В. Виленского [30; 31]. По его мнению, довольно часто в регионах с низким уровнем экономического развития предпринимательство является вынужденным, обусловленным низкими доходами и дефицитом качественных рабочих мест.

Некоторые количественные оценки корреляционных связей уровня развития МСП в регионах с занятостью и ВРП, выполненные А. В. Виленским и др. [30, с. 28], показывают две тенденции: 1) корреляция занятости на МСП с ВРП скорее отрицательная: чем успешнее регион, тем ниже доля занятых в некрупном предпринимательстве; 2) связь между общей занятостью и занятостью МСП (положительная) отмечается только в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах. Следовательно, МСП являются маркерами, скорее, менее благополучных регионов, а положения Д. Берча о создании рабочих мест в России «работают» далеко не везде.

Определенным косвенным эмпирическим подтверждением выводов А. В. Виленского может послужить работа А. О. Акулова о взаимосвязи показателей развития МСП и экономики региона в целом, выполненная на материалах Кемеровской области – Кузбасса [32]. А. О. Акулов отмечает, что показатели деятельности МСП и развития региональной экономики в целом не коррелируют между собой, напротив, в периоды экономических спадов некрупное предпринимательство поглощает высвобождающихся работников крупных компаний. Таким образом, существенно повлиять на модернизацию экономики, инновационное развитие МСП региона не могут. Однако это исследование охватывает только один, весьма специфический регион России, поэтому его выводы не могут без дополнительной проверки применяться к другим субъектам РФ.

Сходную точку зрения высказывают А. Г. Шеломенцев и Т. Н. Бессонова в исследовании по развитию МСП в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре: «в период неустойчивой конъюнктуры малое предпринимательство выполняет своего рода функцию сглаживания неблагоприятных социально-экономических последствий» [33, с. 137]. Это указывает на ограниченный потенциал МСП в развитии экономики, возможное менее продуктивное использование факторов производства, а также на большую зависимость от крупного бизнеса, который через зарплаты сотрудников формирует значительную часть спроса. Их стратегические приоритеты – это снижение безработицы, повышение качества жизни жителей, что объясняется отраслевой структурой МСП (торговля, производство товаров потребительского значения, строительство и т. п.) [34, с. 26]. Экономический же рост как таковой в большей степени обеспечивается крупным бизнесом.

В исследовании М. Л. Быковой оценивается корреляционная связь между средней численностью работников МСП и объемом ВРП в регионах Центрального федерального округа РФ [35]. Построенное уравнение связи, по ее мнению, объясняет 97 % величины ВРП, здесь рост региональной экономики практически полностью ассоциирован с предпринимательством. Но представляется, что два исследуемых фактора заведомо мультиколлинеарны: размер ВРП любого региона сильно зависит от численности занятых в целом. Последний показатель влияет на абсолютную численность занятых на МСП. Поэтому здесь имеет место статистический артефакт, не обосновывающий какое-то особое значение МСП для экономики регионов.

И. В. Корчагина, А. В. Старикова предлагают собственное видение влияния МСП на региональную экономику, в частности на экономическое пространство региона [36]. МСП, работающие в таких традиционных отраслях, как торговля, бытовые услуги, строительство, обслуживают местный спрос на ряд товаров, для многих территорий они являются практически единственно возможной формой экономической деятельности. Данная группа МСП обеспечивает определенный вклад в ВРП, занятость и фискальный потенциал.

Известно, что существуют МСП, осуществляющие трансфер инноваций из центра на периферию и играющие важнейшую роль в этом процессе. Они снижают степень неоднородности национального экономического пространства. К сожалению, эмпирических подтверждений данных интересных гипотез пока не получено. К работам, непосредственно оценивающим воздействие МСП на экономику региона, относится исследование Т. Л. Сергеевой и Ю. В. Лазич. Эти авторы на материалах о регионах Северо-Западного федерального округа РФ выделили три возможных вклада МСП: экономический (валовой выпуск, доля в ВРП), инвестиционный (доля в инвестициях в основной капитал), социальный (удельный вес в занятости). Соответствующие

показатели были оценены с использованием нормированных коэффициентов, что позволило выделить разные варианты воздействия МСП на региональное развитие. В частности, наиболее высокий вклад МСП наблюдался в Калининградской и Псковской областях [37].

Методической проблемой исследования является сложность установления нормированных коэффициентов экспертным путем и определенная абстрактность получаемых оценок. Кроме того, исходя из содержательных соображений логично ожидать максимального уровня развития МСП Северо-Западного федерального округа в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, а не в Псковской. Выводы этих авторов не коррелируют с известными данными о регионах, в которых предпринимательство развито в наибольшей степени. По данным В. А. Бариновой, С. П. Земцова и Ю. В. Царева, именно Санкт-Петербург стабильно входит в число регионов с наиболее высокими показателями работы МСП [38].

А. Е. Кремин рассматривает такой аспект вклада МСП, как формирование фискальной базы муниципальных образований. Показатель или количества МСП на 1000 человек населения, или средней выручки одного МСП (в зависимости от размеров муниципального образования) имеют статистически значимые связи с доходами муниципального бюджета [39]. Выводы этой работы позволяют эмпирически подтвердить известный тезис о роли МСП для бюджета городов и районов (которые в России обычно являются высокодотационными). К сходным выводам к своей работе пришла И. В. Зайчикова [40]. В то же время фискальный эффект важен, но носит локальный характер по сравнению с общими проблемами регионального развития.

По мнению О. А. Зябликовой и Т. В. Харитоновой, МСП, при условии определенной корректировки региональных политик, могут придавать экономике большую степень устойчивости [41], что коррелирует с результатами некоторых цитированных выше исследований. Однако количественных подтверждений этому не приводится, хотя тематика малого предпринимательства достаточно четко звучит, например, в Целях устойчивого развития ООН. Воздействие МСП на те или иные аспекты функционирования региональной экономики проводится реже, чем на ее развитие в целом. По мнению В. Э. Каратыш, МСП обуславливают формирование и развитие человеческого капитала в регионе [42], но эмпирических обоснований в ее публикации также не присутствует.

Достаточно часто дискутируется проблема инновационной деятельности МСП в региональной экономике [43–46]. Практически все авторы, исследовавшие эту тему, считают МСП перспективным источником и пользователем инноваций, полагают, что инновации МСП могут играть важнейшую роль в региональном развитии (следуя шумпетеровскому подходу). Одновременно с этим общепринятым является мнение о крайне слабом развитии инновационной деятельности МСП, особенно в регионах, низкой инновационной активности предпринимательства. Потенциал МСП в данной сфере практически не реализуется, что обуславливает их по преимуществу низкий технологический уровень, финансово-экономические сложности и ограниченный вклад в экономику регионов.

В работах С. В. Ореховой и др. отмечается, что современные российские МСП в силу низкой доступности инвестиций и современных технологий имеют ограниченную технологическую базу, поэтому существенно проигрывают крупному бизнесу [47; 48]. В исследовании, посвященном совокупной факторной производительности российских МСП, показано, что эффективность их работы ниже: малые предприятия составляют основу неэффективного сегмента в экономике России. МСП в России растут медленно, в силу этого существенной силой регионального роста стать не могут.

Сходная проблема МСП (низкая производительность труда и доминирование в российской экономике микропредприятий самого малого размера с ограниченными возможностями) анализируется Е. В. Бессоновой и др. Именно эти предприятия в наибольшей степени нуждаются в повышении производительности труда, поскольку новые фирмы, входящие на рынок, часто остаются небольшими, практически не развиваются и не растут [49]. Таким образом, возможности и риски МСП для регионального развития связаны с объективными особенностями, которые диктуются не только фактором размера предприятий, но и чисто российскими специфичными чертами экономики.

Региональные факторы развития малых и средних предприятий

В большинстве работ по этой тематике строятся регрессионные модели, с помощью которых авторы стремятся выявить причины дифференциации развития МСП на различных территориях. Так, в 2006 г. K. Yang иY. Xu анализировали региональные различия МСП китайских провинций [50]. В исследовании было установлено, что МСП практически не зависят от таких традиционных на первый взгляд факторов, как уровень урбанизации, заработной платы, безработицы, а также от соотношения между государственным и частным секторами экономики. Абсолютные показатели деятельности МСП были напрямую ассоциированы только с темпами экономического роста: наиболее динамичные провинции отличались более активным предпринимательством. Наряду с этим, сектор МСП выглядел как система с положительной обратной связью – чем больше МСП уже было в регионе, тем быстрее темпы их развития.

Зависимость от темпов экономического роста можно считать ожидаемым объяснением различий МСП разных регионов: как уже отмечалось выше, все показатели их деятельности включаются в состав ВРП и другие ключевые индикаторы роста. Вместе с тем такая корреляция говорит о прогрессивной модели развития МСП хотя бы в части провинций, поскольку показатели их деятельности динамично

повышаются на фоне общего роста. Следовательно, быстрый рост МСП не служит компенсацией кризисных явлений в экономике, развитие предприятий разного размера сбалансировано. Обращает на себя внимание зависимость актуального состояния МСП от предыдущего развития, что ставит вопрос об углублении асимметрии регионов по этому параметру.

Согласно результатам, полученным J. Lazíková и др., в Словакии как переходной стране количество МСП в разных районах коррелирует с наличием крупного бизнеса [51]. Следовательно, основным фактором состояния МСП часто является общий уровень экономического развития региона, района. Это коррелирует с цитированным выше исследованием и позволяет говорить о высокой зависимости трендов МСП от общей экономической обстановки. Показательно в этом плане исследование S.-J. Lee и др.: авторами установлено, что регионы Южной Кореи с более развитой и диверсифицированной экономикой продемонстрировали более высокую устойчивость МСП в ситуации кризиса, вызванного распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19 [52].

Статья É. Komlósi и др. вводит в анализ факторов региональной дифференциации МСП неколичественные переменные, такие как отношение к предпринимательству или деловым возможностям, человеческие ресурсы, наличие у населения навыков организации бизнеса и т. п. [53]. В результате изучения 6 крупных макрорегионов Венгрии этими авторами было установлено, что каждому из них свойственны свои специфические факторы, которые ограничивают деятельность МСП. Наилучшая ситуация наблюдается в центре страны, что связано со столичным фактором, в других регионах имеют место те или иные дефициты, препятствующие усилению роли МСП (институциональные, ресурсные, компетенций и т. п.).

Эти соображения позволяют дифференцировать национальную политику стимулирования МСП в зависимости от конкретных условий, придать ей адресный характер. В контексте нашего исследования видится значимым тезис о наличии уникальных или специфичных для региона факторов, которые положительно или отрицательно воздействуют на МСП. Влияние центров экономической жизни страны на состояние МСП подтверждается данными по странам Балтии, включая Эстонию [54] и Литву [55]. Во втором случае отмечается, что под воздействием сокращения традиционного малого и среднего предпринимательства в сельском хозяйстве 60 % МСП сосредоточились в трех регионах Литвы.

M. Eton и др. анализировали влияние фактора финансовой доступности на развитие МСП в регионах стран южнее Сахары [56]. Они установили, что этот фактор объясняет только около 13 % межрегиональной изменчивости, поэтому существует другая группа причин (хотя субъективно при опросе предприниматели указывают на получение финансовых ресурсов как на главное ограничение). К ним относятся, в частности, степень зрелости деловых сетей и теснота связи с клиентами. В противовес этому работа A. Amaradiwakara и M. Gunatilake показывает, что в условиях Шри-Ланки динамика деятельности МСП по разным районам зависит от доступности кредитов, а также возможностей доступа к новым технологиям [57] (по сути – от диффузии инноваций).

Даже в странах с высоким уровнем дохода, со зрелой рыночной экономикой региональные факторы состояния и динамики МСП существенно различаются. Анализ ситуации в регионах Франции, Италии, Великобритании и США, проведенный C. Bannier и S. Zahn, показал, что МСП сильно дифференцированы по двум группам, имеющим собственные факторы роста [58]. Первая из групп – это ограниченное число предприятий, стремящихся к динамичному развитию. По всей вероятности, в нее входят инновационные быстрорастущие МСП (фирмы-«газели»). Вторая группа – медленно растущие МСП, которые можно ассоциировать с традиционным малым бизнесом в сфере торговли, обслуживания и выпуска простейшей промышленной продукции.

Различные региональные переменные более существенно отличаются для второй группы МСП, в частности, они связаны с доступностью капитала. Соответственно, инновационные МСП, основанные на уникальных конкурентных преимуществах, могут иметь более свободное размещение. Этот промежуточный вывод подтверждается работой J. Federico, R. Rabetino и H. Kantis, которые исследовали проблему роста «молодых» МСП [59]. Согласно выводам этих ученых, в странах и регионах Латинской Америки определяющую роль играет человеческий капитал предпринимателя, тогда как в Средиземноморской Европе и Юго-Восточной Азии лимитирующим фактором является доступ к финансированию. Следовательно, региональные факторы дифференциации МСП могут отличаться от страны к стране, что требует анализа на национальном уровне.

Значительно реже встречаются работы, где ведется исследовательский поиск закономерностей не просто между распространенностью МСП, их удельным весом в экономике и различными региональными факторами, а с различными характеристиками деятельности таких предприятий (отражающими эффективность и качество). В частности, еще в 1996 г. D. Keeble и J. Bryson анализировали не только темпы роста, но и производительность труда на МСП в межрегиональном сравнении между Севером и Югом Великобритании [60].

Результаты показали, что МСП в промышленности быстрее развиваются на периферии, нежели чем в центре, что несколько неожиданно. Кроме того, периферийные МСП чаще взаимодействуют с регионами, имеют более высокие затраты на исследования и разработки. Таким образом, фактор «столичности» или центрального экономического расположения может влиять на поведение и возможности МСП иным образом, чем это подразумевается в большинстве случаев.

Авторы объясняют это активной государственной политикой выравнивания и тем, что «нецентральные» МСП часто представляют собой «шлейфовый бизнес» по обслуживанию крупных инновационно активных компаний, локализованных в т. ч. на периферии. На наш взгляд, логично предположить, что в промышленности МСП активно участвуют в реализации региональных и корпоративных стратегий «умной» специализации и диверсификации, что стимулирует их инновационную деятельность. В свою очередь, в таких традиционных центрах предпринимательства, как Лондон, очень высоки абсолютные и относительные показатели деятельности МСП, обслуживающих потребительский рынок (а они крайне редко занимаются исследованиями и разработками).

Факторы эффективности МСП на материалах по 16 провинциям Польши анализировали T. Łuczka и P. Przepióra. Под эффективностью понималась выручка на одного работника (что с определенными ограничениями можно связать с производительностью труда). В качестве объясняющих переменных тестировалось 11 региональных факторов (удельный вес экономически активного населения, доходы, инвестиции, расходы на исследования и разработки, миграция и т. п.). По результатам исследования обнаружено, что к росту выручки на 1 работника достоверно ведет более высокий уровень общих расходов на исследования и разработки, а также увеличение заработной платы и уровня образования [61].

Данные результаты можно интерпретировать вполне стандартным образом: рост расходов на исследования и разработки вызывает более активную коммерциализацию интеллектуальной собственности, в т. ч. на МСП, которые могут быть технологическими предпринимательскими проектами. Более высокий покупательский доход напрямую стимулирует рост предприятий потребительского рынка. Однако такие закономерности проявляются далеко не везде и не всегда.

R. Sternberg и O. Arndt тестировали две гипотезы относительно факторов инновационного поведения МСП в Западной Европе, чтобы понять, в какой плоскости лежат мотивы к инновационной активности, зависят ли они от места расположения или от установок, особенностей самой фирмы [62]. Их исследование показало, что факторы, связанные с внутренней средой МСП (ресурсы, компетенции), более важны, чем национальные или региональные условия для инновационной деятельности. Кроме того, не подтвердилась гипотеза относительно того, что в центрах инновационной активности на региональном уровне МСП будут более склонны к инновациям.

Итак, региональные факторы далеко не всегда определяют инновационное поведение МСП. Этот вопрос вряд ли имеет однозначный ответ, поскольку в других исследованиях демонстрируется включенность инновационного поведения МСП в региональную повестку стратегического преобразования экономики, например умную диверсификацию, когда малые фирмы сотрудничают с крупными [63]. В исследовании M. Beynon и др. отмечается важность как региональных, так и внутренних факторов. С одной стороны, важно, чтобы МСП региона взаимодействовали между собой и с крупными индустриальными партнерами, однако это создает лишь потенциальную возможность для инноваций. Будет ли она реализована на практике, зависит от особенностей внешней среды МСП, в частности, наличия персонала с соответствующими компетенциями, присутствия в Интернете, бюджета на исследования и разработки [64].

Таким образом, анализ зарубежных исследований по странам с высоким и низким уровнями дохода обнаруживает большое разнообразие региональных факторов, которые потенциально могут объяснить межрегиональные различия результативности, эффективности и качества деятельности МСП. Тем не менее региональные факторы далеко не всегда рассматриваются в качестве определяющих. Многие авторы считают более важным общенациональный экономический фон или внутреннюю среду МСП. В тех же случаях, когда различия между разными территориями рассматриваются в качестве независимых объясняющих переменных, можно наблюдать большое разнообразие точек зрения по поводу причин развития МСП. Нет единства мнения и по поводу региональных особенностей, стимулирующих инновационную деятельность таких предприятий.

Основной вывод по результатам обзора зарубежных публикаций – очень высокая степень вариативности и изменчивости региональных факторов деятельности МСП в пространстве и во времени. Такой вывод определяет необходимость анализа конкретной ситуации в национальной экономике в тех или иных хронологических рамках. Судя по всему, в России региональные причины развития МСП будут значимыми вследствие большого разнообразия субъектов РФ, высокой степени социально-экономической асимметрии.

Среди исследований российских регионов можно выделить работу Л. А. Гамидуллаевой, С. М. Васина и Н. Вайза, которые анализировали институциональные барьеры в развитии МСП в 2010-х гг. [65]. В качестве основных препятствий для МСП, согласно выводам авторов, следует рассматривать уровень теневой экономики и коррупции в регионе. Определенное влияние оказывают сложность доступа к кредитованию и транспортные расходы.

Более широкий подход к изучению факторов и закономерностей деятельности МСП в России во взаимосвязи с особенностями развития регионов свойственен работам С. П. Земцова [38; 66; 67]. Он отмечает, что в нашей стране сформировались устойчивые группы регионов по состоянию МСП – лидеров и аутсайдеров (для оценки уровня развития МСП он использует отношение количества МСП к численности рабочей силы), что обусловлено рядом факторов. Наиболее успешны Москва, Санкт-Петербург, а также регионы с крупными агломерациями (например, Новосибирская область),

что обусловлено заведомо лучшими условиями для традиционного и инновационного бизнеса в крупнейших городах. Еще одна составляющая группы лидеров – приморские регионы (Калининградская область, Краснодарский край), где высока деловая активность в силу фактора морских перевозок. Значительных результатов добились Калужская, Тюменская, Воронежская области (благоприятный инвестиционный климат), Республика Крым и Севастополь (МСП в индустрии туризма и гостеприимства) [66, с. 174]. Устойчивость МСП к кризисам также выше в более благополучных регионах.

В другой работе с участием С. П. Земцова рассматриваются институциональные и некоторые экономические факторы деятельности МСП в регионах России, строится модель, объясняющая региональные различия [38]. Тестирование ряда гипотез показало:

- положительно влияют на развитие МСП (индикатором этого считается число МСП на 1 тыс. человек экономически активного населения) более низкие риски ведения бизнеса, меньшие длительность и сложность административных процедур, доступность капитала, благоприятствующие неформальные нормы и уровень доверия, наличие емкого потребительского рынка, концентрация человеческого капитала в регионе;
- отрицательно сказываются на уровне активности МСП инвестиционные риски и количество экономических преступлений;
- оказывается незначимым в региональном разрезе такой фактор, как государственная поддержка (в силу того, что она пытается компенсировать дефицит МСП в объективно отстающих регионах).

Отметим исследование С. П. Земцова и А. А. Михайлова, в котором отдельно оценивается влияние коронакризиса на деятельность МСП в регионах [67]. В этой работе показано, что под влиянием ограничительных мер число МСП на 1 тыс. человек экономически активного населения быстрее всего сокращалось в крупнейших российских агломерациях, приграничных регионах, в приграничных регионах с транзитным потенциалом и регионах ресурсного типа (т.е. в основном в тех субъектах РФ, которые ранее лидировали по развитию МСП). Судя по всему, это связано с тем, что МСП регионов-лидеров работали в тех сферах, которые в наибольшей степени пострадали от коронавирусных ограничений (также сказался эффект высокой базы).

Анализом региональных факторов, которые могли бы объяснить различия в состоянии МСП, занимались С. В. Дорошенко и О. В. Санаева. В качестве зависимых переменных в их исследовании рассматриваются число индивидуальных предпринимателей, число микропредприятий и число малых предприятий в расчете на 1000 человек экономически активного населения. В роли объясняющих переменных используется ряд экономических и институциональных индикаторов. Согласно гипотезам С. В. Дорошенко и О. В. Санаевой, на МСП влияют безработица, ВРП на душу населения, плотность населения, урбанизация, число проверок Федеральной налоговой службы РФ и экономических преступлений, доля лиц с высшим образованием, инвестиционный риск, обеспеченность банковскими услугами, наличие кризиса в региональной экономике [68]. В исследовании было установлено, что все гипотезы подтвердились (за исключением влияния административной нагрузки). Следовательно, в российских исследованиях пока не установлены однозначные факторы, объясняющие межрегиональные различия в состоянии МСП.

Сходный исследовательский дизайн имеет работа И. С. Шороховой и А. А. Пушкарева, в которой показано, что на общее количество МСП в регионе влияют бюджетные расходы, ВРП, инвестиции, доля городского населения, затраты на информационные технологии, количество вузов, плотность автомобильных дорог. При этом безработица имеет отрицательную корреляцию с количеством МСП [69], что диссонирует с представлениями о создании этими предприятиями рабочих мест. Однако, по нашему мнению, в цитируемом исследовании использован дискуссионный методический прием – использование не нормированного (например, на численность экономически активного населения), а абсолютного показателя количества МСП. Поэтому такие факторы, как ВРП, бюджетные расходы и инвестиции, могут быть мультиколлинеарны. В таком же контексте рассматривают корреляцию инвестиций с состоянием МСП по регионам Н. В. Тараканова и др. [70].

В отличие от цитированных выше работ, С. Н. Леонов предлагает использовать для оценки состояния МСП в регионе интегральный подход, при котором в одном безразмерном показателе учитывается сразу несколько статистических индикаторов путем нормирования по максимину [71]. К таким индикаторам относятся число индивидуальных предпринимателей и малых предприятий на 10 тыс. человек населения, средняя численность работников у 1 индивидуального предпринимателя и на 1 малом предприятии, выручка от реализации товаров, работ, услуг на 1 индивидуального предпринимателя и 1 малое предприятие (средние предприятия исследованием этого автора охвачены не были). Хронологические рамки исследования предполагали сравнение 2010 г. с 2015 г. (как с первым посткризисным).

При таком подходе региональные лидеры по развитию малых предприятий оказались иными, чем у С. П. Земцова. Наиболее успешными регионами стали Костромская и Воронежская области (вошли в первую группу по значению интегрального рейтинга состояния МП). Во второй группе оказались 25 регионов в 2010 г. и 36 регионов в 2015 г. (включая Москву и Санкт-Петербург, Краснодарский край, Ростовскую область, большинство регионов Дальневосточного федерального округа РФ) [71, p. 113–114]. Исходя из этого, С. Н. Леонов

формулирует основной вывод своей работы – состояние малых предприятий не имеет корреляции с традиционными характеристиками регионального развития (ВРП, структура экономики, финансовое положение) и обусловлено неочевидными ситуативными факторами, требующими анализа отдельных кейсов.

Пестрота картины состояния МСП в регионе при таком методическом подходе в определенной степени может быть обусловлена нормированием и агрегированием в едином индексе разнонаправленных характеристик, которые к тому же могут отличаться между собой на десятые или сотые доли единицы. Поэтому ценность построения интегральных индексов для регионального анализа можно постулировать не всегда, учитывая все методические проблемы построения рейтингов социально-экономических объектов.

Интегральным оценкам межрегиональных различий состояния МСП также посвящена работа В. Б. Тореева. Он использует показатели количества малых предприятий, занятости на них, оборота и инвестиций в основной капитал. При построении интегрального индекса данные показатели нормируются в процентах по отношению к максимальным наблюдаемым значениям по всему кругу субъектов РФ. В лидерах по развитию МСП у этого автора вновь оказываются Москва и Московская область, Санкт-Петербург, Краснодарский край, Нижегородская, Ростовская, Новосибирская области, в аутсайдерах – субъекты Южного федерального округа РФ [72]. В то же время объяснений межрегиональных различий здесь не приводится, кроме того, с момента выполнения этой работы прошло уже около 10 лет.

На уровне отдельного региона (Тюменская область) рассматривают проблемы состояния МСП И. В. Игнатова и Е. С. Игнатов. Они отмечают положительное влияние на количество МСП в динамике объема государственной поддержки (субсидий), где коэффициент корреляции составляет 0,785; воздействие фактора трансакционных издержек, однако конкретных количественных оценок взаимосвязей не приводится [73].

В большинстве отечественных работ используются только показатели результативности развития МСП в том или ином регионе (количество МСП по отношению к численности экономически активного населения, оборот и занятые на этих предприятиях). Можно тем не менее выделить работу Ю. А. Пиньковецкой, которая анализирует столь важную инновационную деятельность малых предприятий в российских регионах [74]. В ней анализируется по преимуществу доля инновационно активных МСП в общем их числе. Максимальная доля инновационных МСП наблюдается в Москве, Липецкой области и Алтайском крае, что несколько неожиданно. При этом данный показатель не имеет выраженной корреляции с принадлежностью региона к какому-либо федеральному округу, инновационную активность МСП сложно объяснить очевидными экономическими или иными факторами.

Этой же проблеме посвящена работа Т. А. Дубровой, А. А. Ермолиной и М. А. Есенина, ими выполнен кластерный анализ регионов по показателям инновационной активности МСП. В ней не раскрывается распределение всех регионов России по кластерам, но указывается, что типичными представителями первого (наиболее успешного) кластера являются Республика Татарстан, Томская область, второго – Тюменская и Орловская области, третьего – Кировская и Владимирская области [75]. Следовательно, здесь можно выделить некую корреляцию между уровнем экономического развития и инновационной активности регионов (Томская область и Республика Татарстан входят в число инновационных лидеров в России). Однако в данной публикации все же не раскрываются факторы, объясняющие межрегиональную дифференциацию МСП по уровню инновационной активности.

А. А. Ермолина предлагает пятифакторную логистическую модель регрессии, объясняющую региональные различия в инновационной деятельности российских МСП. Зависимая переменная является бинарной и обусловлена тем, как соотносятся показатели удельного веса инновационных МСП и инновационной продукции МСП региона со средними уровнями. В качестве объясняющих переменных (все с положительным знаком) использованы динамика затрат крупных предприятий на исследования и разработки, количество объектов инновационной инфраструктуры, уровень образования населения (высшее и послевузовское), число компьютеров на 100 работников [76]. Такой методический подход представляется плодотворным для анализа широкого круга причин дифференциации МСП.

В еще одной работе Ю. С. Пиньковецкой затрагивается вопрос о региональной специализации и отраслевой концентрации МСП, что можно в определенной степени связать с показателями качества и эффективности деятельности данных предприятий. Из анализа этого исследования следуют два основных вывода. Во-первых, концентрация в сфере МСП по П. Кругману связана с технологическим уровнем конкретного ВЭД (наиболее высока концентрация в сельском хозяйстве, рыболовстве, рыбоводстве и т. п., а в более технологичных ВЭД она ниже) [77]. Во-вторых, отраслевая специализация региональных МСП (насколько структура МСП по ВЭД отличается от средней по стране) является максимальной в таких разных регионах, как «городах Москва, Санкт-Петербург, республиках Алтай, Тыва, Дагестан, Кабардино-Балкарская, Чеченская, Ингушетия, Калмыкия, Крым, Сахалинской и Магаданской областях» [77, с. 217]. К регионам с минимальным уровнем специализации МСП относятся «Пермский и Красноярский края, Томская, Омская, Новосибирская, Астраханская, Саратовская, Самарская, Тульская и Ярославская области» [77, с. 217].

В цитируемой работе не делается попыток объяснить данные различия, но можно предположить, что регионы с максимальным уровнем специализации МСП очень

сильно отличаются от «усредненного» субъекта РФ, как в положительном, так и в отрицательном ключе. В республиках с низким уровнем экономического и технологического развития МСП специализируются в основном на сельском хозяйстве, в Республике Крым – на индустрии гостеприимства. В Москве и Санкт-Петербурге МСП специализируются на ВЭД, относящихся к третичному и четвертичному секторам, благодаря наличию ресурсов для инновационной деятельности и спросу на ее результаты.

Также Ю. С. Пиньковецкая анализировала то, как МСП в регионах используют факторы производства, в частности, инвестиции в основной капитал и заработную плату работников в этой сфере. Результаты моделирования производственных функций показали, что оборот МСП зависит от этих факторов, однако производственные функции ни в одном регионе не достигают максимума [78]. Однако вопрос об объяснении причин региональных различий не ставится и в этой работе. Больший интерес представляют дифференцированные рекомендации об ускорении создания рабочих мест (Северный Кавказ) или об увеличении инвестиций в основной капитал МСП (Сибирь, Дальний Восток).

Проблему доступности финансовых ресурсов МСП в российской литературе анализировала А. А. Новопашина. Она отмечает потенциальную проблему снижения доступности кредитования для МСП в условиях санации банковской системы с ликвидацией в первую очередь региональных банков с более лояльными условиями для предпринимателей. В исследовании эта гипотеза подтвердилась: снижение количества банков за счет региональных кредитных организаций обуславливает уменьшение объемов кредитования МСП в силу разрыва традиционных связей, сложности сбора неформализованной информации структурными подразделениями общенациональных банков на местах и их нежелание это делать [79].

Наличие региональных банков является фактором, который может в какой-то мере стимулировать МСП в силу более низких трансакционных издержек таких банков на получение информации о финансовом состоянии мелких клиентов. Влиянию данной категории издержек на результаты деятельности МСП в разрезе ВЭД (на примере регионов Уральского федерального округа РФ) посвящена работа Е. В. Николаевой, хотя в ней, к сожалению, не приводятся данные о том, как были количественно измерены трансакционные издержки на основе стандартной бухгалтерской (финансовой) отчетности [80], которую к тому же ведут далеко не все МСП (оценка трансакционных издержек – это нетривиальная экономическая задача).

Заключение

Проведенный обзор зарубежных публикаций по вопросам влияния МСП на региональный рост и развитие показывает, что его невозможно оценить однозначно. Если в странах со зрелой рыночной экономикой, с высоким уровнем дохода оно оценивается по преимуществу позитивно, то во многих странах с низким уровнем дохода или странах, не входящих в ОЭСР, исследования демонстрируют расхождения во мнениях. При этом число работ по МСП в регионах стран с низкими доходами в 2000–2010-х гг. значительно превышает число таковых по странам с высоким уровнем дохода. Как полагает автор, в наиболее экономически развитых странах за многолетнее функционирование зрелой рыночной экономики сложились условия, факторы и механизмы государственной поддержки, которые минимизируют или смягчают объективные ограничения МСП. Поэтому они функционируют достаточно продуктивно при сохранении приемлемой факторной производительности, в частности производительности труда, хотя она обычно ниже, чем на крупных предприятиях.

В других странах, например, с низким уровнем дохода или без долгого исторического опыта развития смешанной рыночной экономики, МСП функционируют в условиях очень существенных ограничений и рисков, что снижает их продуктивность и вклад в экономический рост. Еще не в полной мере сформирована эффективная модель поддержки малого и среднего предпринимательства, низок уровень интеграции и кластеризации, не развиты бизнес-модели, позволяющие максимально использовать преимущества МСП. Поэтому влияние МСП на региональное развитие в России может быть разным. С одной стороны, они в любом случае являются важным работодателем, компенсируют последствия экономических кризисов, насыщают потребительский рынок там, где крупные предприятия не имеют конкурентных преимуществ. С другой – МСП могут иметь низкую производительность труда, низкую устойчивость, менее эффективно использовать факторы производства. Поэтому влияние МСП на экономику регионов будет неравномерным в пространственном аспекте и в разные временные периоды.

Проведенный обзор показал, что исследований по влиянию МСП на региональное развитие и связанным с этим рисками в России было проведено в целом немного. Но видение соответствующих процессов постепенно меняется. Если в 1990–2000-х гг. однозначно декларировался значительный, даже определяющий вклад МСП в национальную и региональную экономику, то в 2010-х гг. появляются элементы более скептического подхода к современным малым предприятиям. Можно констатировать, что в российской экономике МСП в ограниченной степени выполняют свои функции, в особенности инновационные. МСП в большинстве случаев предоставляют значительное количество рабочих мест, особенно в периоды кризисов. Они несколько сглаживают воздействие внешних шоков на региональную экономику. Кроме того, они насыщают значительные сегменты потребительского рынка, быстро реагируя на платежеспособный спрос (хотя осуществить предложение ряда товаров МСП не могут вследствие того, что их эффективно могут производить лишь крупные компании).

Также важна роль МСП на периферии экономического пространства регионов. Хотя они в ограниченной степени осуществляют диффузию инноваций, но все же формируют на периферийных территориях какую-то экономическую активность. Отметим, что в существующих исследованиях вопросы пространственного развития МСП в регионах практически не затрагиваются. Параллельно с этим МСП имеют в среднем худшую эффективность использования факторов производства, более низкую производительность. При создании большого числа рабочих мест труд используется там менее продуктивно, а значит не создаются условия для развития человеческого капитала. Активность МСП сильно дифференцирована по видам экономической деятельности, поэтому в непривлекательных пока сегментах такие предприятия не представлены. Еще одна создающая риски для развития регионов проблема – недостаточная инновационная активность МСП, которая касается не только разработки собственных инноваций, но и использования известных, т. е. трансфера технологий. Низкий инновационный уровень обуславливает малое число быстрорастущих компаний в стране.

По-видимому, специфические недостатки МСП, которые можно наблюдать в любой стране, в России слабо компенсируются и преодолеваются в очень малой степени. Это обусловлено институциональными факторами, отраслевой структурой экономики, низким спросом на инновации крупных компаний, финансово-экономическими ограничениями и другими причинами. Данные недостатки требуют комплексного подхода к изучению процессов развития МСП в экономическом пространстве региона, учитывая их потенциал наряду с рисками и ограничениями.

Факторы, влияющие на состояние МСП в регионах, в странах мира с разным уровнем экономического развития очень вариативны. Достаточно часто фигурируют такие простейшие объяснения, как общий уровень экономического развития региона, отдаленность от центра, уровень доступности финансовых ресурсов. С одной стороны, эти объяснения не могут считаться достаточными, т.к. более высокий уровень развития МСП в более развитых регионах является вполне очевидным фактом. С другой – их влияние в части эмпирических исследований не подтверждается результатами моделирования. В исследованиях, где рассматриваются региональные факторы эффективности и качества развития МСП в региональном пространстве, отмечаются такие драйверы, как общий уровень инновационной активности, затраты на исследования и разработки, уровень доходов населения и др. Но и эти причины воздействуют на инновационную активность не всегда, а скорее только создают для нее потенциальные условия.

В российских работах выполнены классификации регионов по развитию МСП, выделены группы лидеров (крупнейшие агломерации, приморские субъекты и т. д.). Существуют отдельные оценки факторов, влияющих на уровень развития МСП в регионах (среди них также выделяются ВРП, доходы населения, инвестиционная активность, степень рисков и благоприятность институциональных условий). Однако результаты таких исследований не всегда коррелируют между собой. Можно отметить отдельные оценки ряда параметров результативности и качества развития МСП в регионах (однако без объяснения причин различий).

Следовательно, вопросы развития МСП в экономическом пространстве регионов России требуют дальнейшего изучения, учитывая следующие нераскрытые исследовательские вопросы:

- отсутствие классификаций регионов по характерным для них «профилям» МСП, структурам МСП по различным признакам, например отраслевым;
- при изучении развития МСП в регионах недостаточно учитываются характеристики их эффективности и качества, лидеры в развитии МСП выделяются без учета внутренних особенностей данного сектора (например, преобладание МСП в сфере сельского хозяйства в аграрных регионах);
- практически не учитываются пространственные аспекты развития МСП, в частности их влияние на сохранение пространственной связности региона;
- региональные различия по уровню эффективности и качества деятельности МСП (включая инновационную активность и факторную производительность) в настоящее время частично выявлены, но их причины еще не объяснены учеными-регионалистами.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Birch D. *The job generation process*. Cambridge, Massachusetts, 1979, 80.
2. Birch D. *Job creation in America: how our smallest companies put the most people to work*. NY: The Free Press, 1987, 244.
3. Шумахер Э. Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение. М.: ИД ВШЭ, 2012. 352 с.
   Schumacher E. *Small is beautiful: economics as if people mattered*. Moscow: HSE, 2012, 352. (In Russ.)
4. Мишурова И. В. Развитие малого и среднего предпринимательства как условие долговременного роста региональной экономики. *Terra Economicus*. 2012. Т. 10. № 2-2. С. 166–170.
   Mishurova I. V. Development of small and medium business as a condition of long-term growth of regional economy. *Terra Economicus*, 2012, 10(2-2): 166–170. (In Russ.)

5. Баринова В. А., Громов В. В., Земцов С. П., Антонова М. П., Красносельских А. Н., Милогов Н. С., Потапова А. А., Царева Ю. В. Развитие малого и среднего предпринимательства в России в контексте реализации национального проекта. М.: Дело, 2020. 88 с.
Barinova V. A., Gromov V. V., Zemtsov S. P., Antonova M. P., Krasnoselskikh A. N., Milogov N. S., Potapova A. A., Tsareva Yu. V. *Development of small and medium-sized businesses in Russia in the context of the implementation of the national project*. Moscow: Delo, 2020, 88. (In Russ.)
6. Леонова Д. С. О роли малых предприятий в экономике страны и региона. *Социальное и экономическое развитие АТР: опыт, проблемы, перспективы*. 2017. № 1. С. 116–121.
Leonova D. S. The role of small enterprises in the economy of the country and the region. *Sotsialnoe i ekonomicheskoe razvitie ATR: opyt, problemy, perspektivy*, 2017, (1): 116–121. (In Russ.)
7. Цукерман В. А., Горячевская Е. С. Роль малых предприятий при переходе регионов Севера на инновационный путь развития. *Региональная экономика: теория и практика*. 2011. № 34. С. 33–41.
Tsukerman V. A., Goryachevskaya E. S. The role of small enterprises in the transition of the regions of the North to the innovative path of development. *Regional Economics: Theory and Practice*, 2011, (34): 33–41. (In Russ.)
8. Татаровский Ю. А., Татаровская Т. Е. Анализ развития малых и средних предприятий в системе экономической безопасности региона. *РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция.* 2018. № 4. С. 130–133.
Tatarovsky Yu. A., Tatarovskaya T. E. Analysis of small and medium industrial enterprises development in the system of regional economic security. *RISK: Resources, Information, Supply, Competition*, 2018, (4): 130–133. (In Russ.)
9. Бондаренко В. А., Купчинский А. В. Роль малых предприятий в экономике региона. *Экономика и современный менеджмент: теория и практика.* 2015. № 46. С. 100–104.
Bondarenko V. A., Kupchinski A. V. The role of small enterprises in the economy of the region. *Ekonomika i sovremennyi menedzhment: teoriia i praktika*, 2015, (46): 100–104. (In Russ.)
10. Михалева О. М., Жафяров А. Х. Развитие малого бизнеса как фактор устойчивого роста экономики региона. *Финансовая экономика*. 2019. № 7. С. 43–47.
Mihaleva O. M., Zhafyarov A. H. Development of small business as a factor of sustainable growth of the economy of region. *Financial Economy*, 2019, (7): 43–47. (In Russ.)
11. Gebremariam G., Gebremedhin T., Jackson R. The role of small business in economic growth and poverty alleviation in West Virginia: an empirical analysis. *Regional Research Institute Publications and Working Papers*, 2004, 120. URL: https://researchrepository.wvu.edu/rri_pubs/120 (accessed 30 Mar 2022).
12. Acs Z., Armington C. Employment growth and entrepreneurial activity in cities. *Regional Studies*, 2004, 38(8): 911–927. https://doi.org/10.1080/0034340042000280938
13. Cowling M., Liu W., Ledger A., Zhang N. What really happens to small and medium-sized enterprises in a global economic recession? UK evidence on sales and job dynamics. *Autism*, 2015, 33(5): 2025–2033. https://doi.org/10.1177/0266242613512513
14. Al Badi K. Impact of policies vis-à-vis small and medium enterprises (SMEs) on economic development of the border city of Al Buraimi in Oman. *Regional Science: Policy and Practice*, 2019, 11(3): 613–620. https://doi.org/10.1111/rsp3.12217
15. Rotar L. J, Pamić R. K., Bojnec S. Contributions of small and medium enterprises to employment in the European Union countries. *Economic Research-Ekonomska Istraživanja*, 2019, 32(1): 3302–3314. https://doi.org/10.1080/1331677X.2019.1658532
16. Fiseha G. G., Oyelana A. A. An assessment of the roles of small and medium enterprises (SMEs) in the local economic development (LED) in South Africa. *Journal of Economics*, 2015, 6(3): 280–290. https://doi.org/10.1080/09765239.2015.11917617
17. Nursini N. Micro, small, and medium enterprises (MSMEs) and poverty reduction: empirical evidence from Indonesia. *Development Studies Research*, 2020, 7(1): 153–166. https://doi.org/10.1080/21665095.2020.1823238
18. Erdin C., Ozkaya G. Contribution of small and medium enterprises to economic development and quality of life in Turkey. *Heliyon*, 2020, 6(2). https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2020.e03215
19. Gherghina Ş. C., Botezatu M. A., Hosszu A., Simionescu L. N. Small and medium-sized enterprises (SMEs): the engine of economic growth through investments and innovation. *Sustainability*, 2020, 12(1). https://doi.org/10.3390/su12010347
20. Mura L., Hajduová Z. Measuring efficiency by using selected determinants in regional SMEs. *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, 2021, 8(3): 487–503. https://doi.org/10.9770/jesi.2021.8.3(31)
21. Taiwo M., Ayodeji A., Yusuf B. Impact of small and medium enterprises on economic growth and development. *American Journal of Business and Management*, 2012, 1(1): 18–22. https://doi.org/10.11634/21679606170644
22. Aremu M., Laraba A. Small and medium scale enterprises as a survival strategy for employment generation in Nigeria. *Journal of Sustainable Development*, 2011, 4(1): 200–206. https://doi.org/10.5539/jsd.v4n1p200

23. Suhaili M., Sugiharsono S. Role of MSME in absorbing labor and contribution to GDP. *Economics Development Analysis Journal*, 2019, 8(3): 301–315. https://doi.org/10.15294/edaj.v8i3.35229
24. Dixit A., Kumar Pandey A. SMEs and economic growth in India: cointegration analysis. *The IUP Journal of Financial Economics*, 2011, 9(2): 41–59.
25. Glonti V., Manvelidze R., Surmanidze I. The contribution of SME to regional economic development: on example of Adjara Autonomous Republic. *European Journal of Sustainable Development*, 2021, 10(1): 513–526. https://doi.org/10.14207/ejsd.2021.v10n1p513
26. Cravo T. A. SMEs and economic growth in the Brazilian micro-regions. *Papers in Regional Science*, 2010, 89(4): 711–734. https://doi.org/10.1111/j.1435-5957.2010.00301.x
27. Foghani S., Mahadi B., Omar R. Promoting clusters and networks for small and medium enterprises to economic development in the globalization era. *SAGE Open*, 2017, 7(1). https://doi.org/10.1177/2158244017697152
28. Korchagina I. V. Innovative potential in the small and medium-sized enterprises regional clusters in Russia. *R-Economy*, 2017, 3(3): 139–148. https://doi.org/10.15826/recon.2017.3.3.016
29. Alkahtani A., Nordin N., Khan R. U. Does government support enhance the relation between networking structure and sustainable competitive performance among SMEs? *Journal of Innovation and Entrepreneurship*, 2020, 9. https://doi.org/10.1186/s13731-020-00127-3
30. Виленский А. В., Домнина И. Н., Маевская Л. И. Воздействие некрупного предпринимательства на социально-экономическое развитие регионов Российской Федерации. М.: ИЭ РАН, 2018. 39 с.
Vilenskiy A. V., Domnina I. N., Maevskaya L. I. *The impact of small business on the socio-economic development of the regions of the Russian Federation*. Moscow: IE RAS, 2018, 39. (In Russ.)
31. Виленский А. В. К вопросу о влиянии малого и среднего предпринимательства на развитие российских регионов: реалии и возможности. *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2021. № 4. С. 24–38. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_4_24_38
Vilenskiy A. V. On the question of the impact of small and medium-sized entrepreneurship on the development of Russian regions: realities and opportunities. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 2021, (4): 24–38. (In Russ.) https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_4_24_38
32. Акулов А. О. Роль малого бизнеса в модернизации экономики региона. *Региональная экономика: теория и практика.* 2013. № 44. С. 34–43.
Akulov A. O. The role of small business in the modernization of the regional economy. *Regional Economics: Theory and Practice*, 2013, (44): 34–43. (In Russ.)
33. Шеломенцев А. Г., Бессонова Т. Н. Особенности развития предпринимательства в северных сырьевых регионах в периоды экономических спадов. *Вестник Омского университета. Серия «Экономика»*. 2020. Т. 18. № 4. С. 132–142. https://doi.org/10.24147/1812-3988.2020.18(4).132-142
Shelomentsev A. G., Bessonova T. N. Features of entrepreneurship development during the recession in the northern raw material regions. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2020, 18(4): 132–142. (In Russ.) https://doi.org/10.24147/1812-3988.2020.18(4).132-142
34. Бессонова Т. Н. Роль малого предпринимательства в экономическом развитии сырьевых регионов. *Северный регион: наука, образование, культура*. 2019. № 3-4. С. 19–28.
Bessonova T. N. Role of small-sized entrepreneurship economic development of commodity regions. *Severny region: nauka, obrazovanie, cultura*, 2019, (3-4): 19–28. (In Russ.)
35. Быкова М. Л. Значение малого бизнеса в социально-экономическом развитии регионов. *Путеводитель предпринимателя*. 2021. Т. 15. № 1. С. 47–51. https://doi.org/10.24182/2073-9885-2022-15-1-47-51
Bykova M. L. The importance of small business in the socio-economic development of regions. *Entrepreneur's Guide*, 2021, 15(1): 47–51. (In Russ.) https://doi.org/10.24182/2073-9885-2022-15-1-47-51
36. Корчагина И. В., Старикова А. В. Экономическое пространство малых и средних предприятий: теоретические аспекты и тенденции развития. *Российское предпринимательство*. 2017. Т. 18. № 4. С. 594–602. https://doi.org/10.18334/rp.18.4.37453
Korchagina I. V., Starikova A. V. Economic space of small and medium-sized enterprises: theoretical aspects and development trends. *Rossiikoe predprinimatelstvo*. 2017, 18(4): 594–602. (In Russ.) https://doi.org/10.18334/rp.18.4.37453
37. Сергеева Т. Л., Лазич Ю. В. Оценка влияния малого бизнеса на развитие регионов. *Beneficium*. 2020. № 1. С. 13–20. https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.1(34).13-20
Sergeeva T. L., Lazich Yu. V. Small business impact assessment on regional development. *Beneficium*, 2020, (1): 13–20. (In Russ.) https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.1(34).13-20

38. Баринова В. А., Земцов С. П., Царева Ю. В. Предпринимательство и институты: есть ли связь на региональном уровне в России? *Вопросы экономики*. 2018. № 6. С. 92–116. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-6-92-116
Barinova V. A., Zemtsov S. P., Tsareva Yu. V. Entrepreneurship and institutions: does the relationship exist at the regional level in Russia? *Voprosy Ekonomiki*, 2018, (6): 92–116. (In Russ.) https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-6-92-116
39. Кремин А. Е. Оценка влияния функционирования малого предпринимательства на экономику муниципального образования. *Проблемы развития территории*. 2017. № 1. С. 59–77.
Kremin A. E. Assessment of the influence of functioning of small business on the economy of a municipal entity. *Problems of Territory's Development*, 2017, (1): 59–77. (In Russ.)
40. Зайчикова И. В. Влияние малого и среднего бизнеса на формирование налоговых поступлений в бюджет региона (на примере Калужской области). *Самоуправление*. 2021. № 3. С. 311–314.
Zaychikova I. V. The impact of small and medium-sized businesses on the formation of tax revenues to the regional budget (on the example of the Kaluga region). *Samoupravlenie*, 2021, (3): 311–314. (In Russ.)
41. Зябликова О. А., Харитонова Т. В. Малый и средний бизнес в системе устойчивого экономического развития региона. *Региональная экономика: теория и практика*. 2019. Т. 17. № 3. С. 526–539. https://doi.org/10.24891/re.17.3.526
Zyablikova O. A., Kharitonova T. V. Small and medium-sized business in the system of sustainable economic development of the region. *Regional Economics: Theory and Practice*, 2019, 17(3): 526–539. (In Russ.) https://doi.org/10.24891/re.17.3.526
42. Каратыш В. Э. Малый и средний бизнес как значимый институциональный фактор развития экономических систем современных российских регионов. *Экономика устойчивого развития*. 2019. №1. С. 150–155.
Karatysh V. E. Small and medium business as a significant institutional factor of development of economic systems of modern Russian regions. *Economics of sustainable development*, 2019, (1): 150–155. (In Russ.)
43. Кузнецов Н. Г., Вовченко Н. Г., Епифанова Т. В. Развитие инновационно-ориентированных малых предприятий в условиях институциональных преобразований экономики региона. *Современная конкуренция*. 2018. Т. 12. № 2-3. С. 61–72.
Kuznetsov N. G., Vovchenko N. G., Epifanova T. V. Development of innovative small-scale enterprises in conditions of institutional transformations of the region's economy. *Journal of Modern Competition*, 2018, 12(2-3): 61–72. (In Russ.)
44. Дорошенко Ю. А., Малыхина И. О. Влияние инновационно-инвестиционного потенциала региона на устойчивое развитие малых инновационных предприятий, созданных на базе вузов. *Вестник Белгородского государственного технического университета им. В. Г. Шухова*. 2016. № 8. С. 209–212.
Doroshenko Y. A., Malykhina I. O. The impact of innovative-investment potential of the region on the sustainable development of small innovative enterprises established at universities. *Bulletin of Belgorod State Technological University named after. V. G. Shukhov*, 2016, (8): 209–212. (In Russ.)
45. Власов М. В. Политика инновационного поведения малых и средних предприятий старопромышленного региона. *Экономика региона*. 2020. Т. 16. № 4. С. 1335–1347. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-22
Vlasov M. V. Innovative behaviour of small and medium-sized enterprises of an industrial region. *Ekonomika regiona*, 2020, 16(4): 1335–1347. (In Russ.) https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-22
46. Басарева В. Г. Малые инновационные предприятия регионов: стратегические ориентиры и тактика их достижения. *Регион: экономика и социология*. 2019. № 2. С. 224–245. https://doi.org/10.15372/REG20190210
Basareva V. G. Small innovative enterprises in regions: strategic orientations and tactics for achieving them. *Region: ekonomika i sotsiologiya*, 2019, (2): 224–245. (In Russ.) https://doi.org/10.15372/REG20190210
47. Орехова С. В., Кислицын Е. В. Малый бизнес и структурные сдвиги в промышленности. *Terra Economicus*. 2019. Т. 17. № 4. С. 129–147. https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-4-129-147
Orekhova S. V., Kislitsyn E. V. Small business and structural changes in industry. *Terra Economicus*, 2019, 17(4): 129–147. (In Russ.) https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-4-129-147
48. Орехова С. В., Мисюра А. В., Кислицын Е. В. Управление возрастающей отдачей высокотехнологичной бизнес-модели в промышленности: классические и экосистемные эффекты. *Управленец*. 2020. Т. 11. № 4. С. 43–58. https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-4-4
Orekhova S. V., Misyura A. V., Kislitsyn E. V. Managing the increasing returns of a high-tech business model in industry: classic and ecosystem effects. *Upravlenets*, 2020, 11(4): 43–58. (In Russ.) https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-4-4
49. Бессонова Е. В., Морозов А. Г., Турдыева Н. А., Цветкова А. Н. Возможности ускорения роста производительности труда: роль малых и средних предприятий. *Вопросы экономики*. 2020. № 3. С. 98–114. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-3-98-114
Bessonova E. V., Morozov A. G., Turdyeva N. A., Tsvetkova A. N. Opportunities for accelerating labor productivity growth: the role of small and medium enterprises. *Voprosy Ekonomiki*, 2020, (3): 98–114. (In Russ.) https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-3-98-114

50. Yang K., Xu Y. Regional differences in the development of Chinese small and medium-sized enterprises. *Journal of Small Business and Enterprise Development*, 2006, 13(2): 174–184. https://doi.org/10.1108/14626000610665881
51. Lazíková J., Bandlerová A., Roháčiková O., Schwarcz P., Rumanovská L. Regional disparities of small and medium enterprises in Slovakia. *Acta Polytechnica Hungarica*, 2018, 15(8): 227–246. https://doi.org/10.12700/APH.15.8.2018.8.12
52. Lee S.-J., Park J.-H., Cha S.-M., Kim D. A regional economy's resistance to the COVID-19 shock: sales revenues of micro-, small-, and medium-sized enterprises in South Korea. *International Journal of Disaster Risk Science*, 2022, 13(1): 190–198. https://doi.org/10.1007/s13753-022-00402-9
53. Komlósi É., Szerb L., Ács Z., Ortega-Argilés R. Quality-related regional differences in entrepreneurship based on the GEDI methodology: the case of Hungary. *Acta Oeconomica*, 2015, 65(3). 455–477. https://doi.org/10.1556/032.65.2015.3.6
54. Venesaar U., Marksoo U. Small and medium-sized enterprises, employment generation and regional development in Estonia. *The Sustainable City IV*: 4th Intern. Conf. on Urban Regeneration and Sustainability, Tallinn, 17 Jul 2006. Billerica, MA: WIT Press, 2006, vol. 93, 765–773. https://doi.org/10.2495/SC060731
55. Bernatonyte D., Vilke R., Volochovic A. Regional peculiarities of development of Lithuanian SME. *Economics & Management*, 2009, (14): 676–684.
56. Eton M., Mwosi F., Okello-Obura C., Turyehebwa A., Uwonda G. Financial inclusion and the growth of small medium enterprises in Uganda: empirical evidence from selected districts in Lango sub-region. *Journal of Innovation and Entrepreneurship*, 2021, 10. https://doi.org/10.1186/s13731-021-00168-2
57. Amaradiwakara A., Gunatilake M. Factors affecting growth of small and medium enterprises in Sri Lanka. *Journal of Business & Economic Policy,* 2016, 3(4): 62–71. https://doi.org/10.21474/IJAR01/3345
58. Bannier C., Zahn S. SMEs' growth heterogeneity – evidence from regional developments. *International Journal of Business Administration*, 2014, 5(2): 23–49. https://doi.org/10.5430/ijba.v5n2p23
59. Federico J., Rabetino R., Kantis H. Comparing young SMEs' growth determinants across regions. *Journal of Small Business and Enterprise Development*, 2012, 19(4): 575–588. https://doi.org/10.1108/14626001211277406
60. Keeble D., Bryson J. Small-firm creation and growth, regional development and the North-South divide in Britain. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 1996, 28(5): 909–934. https://doi.org/10.1068/a280909
61. Łuczka T., Przepióra P. Regional determinants of efficiency growth of small and medium-sized enterprises. Evidence from Poland. *Journal of Entrepreneurship, Management and Innovation*, 2012, 8(1): 138–154. https://doi.org/10.7341/2012817
62. Sternberg R., Arndt O. The firm or the region: what determines the innovation behavior of European firms? *Economic Geography*, 2001, 77(4): 364–382. https://doi.org/10.2307/3594106
63. McCann P., Ortega-Argilés R. Smart specialisation, entrepreneurship and SMEs: issues and challenges for a results-oriented EU regional policy. *Small Business Economics*, 2016, 46. P. 537–552. https://doi.org/10.1007/s11187-016-9707-z
64. Beynon M. J., Jones P., Pickernell D., Huang S. Growth and innovation of SMEs in local enterprise partnerships regions: a configurational analysis using fsQCA. *The International Journal of Entrepreneurship and Innovation*, 2020, 21(2): 83–100. https://doi.org/10.1177/1465750319846827
65. Gamidullaeva L. A., Vasin S. M., Wise N. Increasing small- and medium-enterprise contribution to local and regional economic growth by assessing the institutional environment. *Journal of Small Business and Enterprise Development*, 2020, 27(2): 259–280. https://doi.org/10.1108/JSBED-07-2019-0219
66. Земцов С. П. Институты, предпринимательство и региональное развитие в России. *Журнал Новой экономической ассоциации.* 2020. № 2. С. 168–180. https://doi.org/10.31737/2221-2264-2020-46-2-9
Zemtsov S. P. Institutions, entrepreneurship, and regional development in Russia. *Journal of the New Economic Association*, 2020, (2): 168–180. (In Russ.) https://doi.org/10.31737/2221-2264-2020-46-2-9
67. Земцов С. П., Михайлов А. А. Тенденции и факторы развития малого и среднего бизнеса в регионах России в период коронакризиса. *Экономическое развитие России*. 2021. Т. 28. № 4. С. 34–45.
Zemtsov S. P., Mikhaylov A. A. Trends and factors of development of small and medium-sized businesses in Russian regions during corona crisis. *Russian Economic Development*, 2021, 28(4): 34–45. (In Russ.)
68. Дорошенко С. В., Санаева О. В. Оценка влияния институциональных факторов на развитие малого предпринимательства. *ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика*. 2021. № 1. С. 63–80. https://doi.org/10.24412/2071-6435-2021-1-63-80
Doroshenko S. V., Sanaeva O. V. Assessment of the influence of institutional factors on the development of small business. *ETAP: Ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika*, 2021, (1): 63–80. (In Russ.) https://doi.org/10.24412/2071-6435-2021-1-63-80
69. Шорохова И. С., Пушкарев А. А. Оценка влияния социально-экономических факторов на развитие малого и среднего предпринимательства в регионах России. *Российские регионы в фокусе перемен*: XIII Междунар. конф. (Екатеринбург, 15–17 ноября 2018 г.) Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2019. С. 612–618.

Shorokhova I. S., Pushkarev A. A. Assessment of impact of socio-economic factors on small and medium enterprises in Russian regions. *Russian regions in the focus of change*: Proc. XIII Intern. Conf., Ekaterinburg, 15–17 Nov 2018. Ekaterinburg: UMTs UPI, 2019, 612–618. (In Russ.)

70. Тараканова Н. В., Семенова А. Н., Данина И. Н., Немцева Ю. В. Макроэкономические факторы формирования потенциала малого и среднего предпринимательства в российских регионах. М.: Изд-во АЭО, 2020. 282 с.
Tarakanova N. V., Semenova A. N., Danina I. N., Nemtseva Yu. V. *Macroeconomic factors in the formation of the potential of small and medium-sized businesses in Russian regions*. Moscow: Izd-vo AEO, 2020, 282. (In Russ.)
71. Leonov S. N. Current state and the features location of small businesses in regions of Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast,* 2018, 11(5): 103–119. https://doi.org/10.15838/esc.2018.5.59.7
72. Тореев В. Б. Региональные особенности развития малого предпринимательства. *Экономическая наука современной России*. 2012. № 1. С. 72–87.
Toreev V. B. Regional features of small business development. *Economics of Contemporary Russia*, 2012, (1): 72–87. (In Russ.)
73. Ignatova I. V., Ignatov E. S. Development of entrepreneurship in the region: drivers and problems. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast,* 2017, 10(5): 143–157. https://doi.org/10.15838/esc.2017.5.53.10
74. Пиньковецкая Ю. А. Оценка доли малых инновационных предприятий в российских регионах. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент.* 2021. Т. 11. № 3. С. 91–99.
Pinkovetskaya Yu. A. Assessment of the share of small innovative enterprises in Russian regions. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*, 2021, 11(3): 91–99. (In Russ.)
75. Dubrova T. A., Ermolina A. A., Esenin M. A. Innovative activities of SMEs in Russia: constraints and growth factors. *International Journal of Economics and Business Administration*, 2019, 7(2): 26–40.
76. Ермолина А. А. Социально-экономические характеристики региона как детерминанты инновационной деятельности малых предприятий в России. *Инновационное развитие экономики*. 2017. № 6. С. 47–54.
Ermolina A. A. Socio-economic characteristics of the region as determinants of innovative activities of small enterprises in Russia. *Innovatsionnoe razvitie ekonomik*i, 2017, (6): 47–54. (In Russ.)
77. Пиньковецкая Ю. С. Региональная специализация и отраслевая концентрация численности работников малых и средних предприятий. *Вестник НГУЭУ.* 2018. № 3. С. 208–222.
Pinkovetskaya Yu. S. Regional specialization and field concentration of the number of employees of small and medium business. *Vestnik NGUEU*, 2018, (3): 208–222. (In Russ.)
78. Пиньковецкая Ю. С. Факторы, влияющие на оборот малых и средних предприятий: оценка по данным регионов России. *Ars Administrandi (Искусство управления)*. 2018. Т. 10. № 2. С. 199–216. https://doi.org/10.17072/2218-9173-2018-1-199-216
Pinkovetskaya Yu. S. Factors influencing small and medium enterprises turnover: evaluation of Russian regions data. *Ars Administrandi*, 2018, 10(2): 199–216. (In Russ.) https://doi.org/10.17072/2218-9173-2018-1-199-216
79. Новопашина А. А. Кредитование малых и средних предприятий в российских регионах: последствия санации в банковской системе. *Пространственная экономик*а. 2020. Т. 16. № 1. С. 123–155. https://doi.org/10.14530/se.2020.1.123-155
Novopashina A. A. Lending to small and medium-sized enterprises in Russian regions: effects of banking system reorganization. *Spatial Economics*, 2020, 16(1): 123–155. (In Russ.) https://doi.org/10.14530/se.2020.1.123-155
80. Николаева Е. В. Влияние трансакционных издержек на успешность предприятий малого и среднего бизнеса в российских регионах. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2015. № 18. С. 140–148.
Nikolaeva E. V. Effect of the transaction costs on the business success of small and medium sized enterprises in Russia. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2015, (18): 140–148. (In Russ.)

оригинальная статья

Региональные аспекты продвижения вузов на международном рынке

Юдина Вера Александровна
Пензенский филиал Финуниверситета, Россия, Пенза
https://orcid.org/0000-0001-9835-9430
vayudina@fa.ru

Танина Мария Алексеевна
Пензенский филиал Финуниверситета, Россия, Пенза
https://orcid.org/0000-0001-7311-6280

Бондаренко Владимир Викторович
Пензенский филиал Финуниверситета, Россия, Пенза
https://orcid.org/0000-0002-6716-1963

Поступила 19.02.2022. Принята после рецензирования 02.06.2022. Принята в печать 06.06.2022.

Аннотация: Цель – выявление факторов, оказывающих наибольшее влияние на уровень международной конкурентоспособности региональных вузов, с учетом особенностей процессов интернационализации и цифровизации мирового образовательного пространства. Методология исследования опирается на концепции продвижения образовательных услуг, предполагающих использование инструментов социального и цифрового маркетинга для упорядочения взаимоотношений между вузами и целевыми аудиториями, в том числе зарубежными. Наибольшее влияние на уровень международной конкурентоспособности региональных вузов оказывает специфика реализуемой стратегии интернационализации: вхождение в международные образовательные рейтинги; наличие инновационных центров научных исследований и внедрение результатов их работы в образовательный процесс; наличие совместных образовательных программ, качественной материально-технической и социально-культурной инфраструктуры и др. Разработаны рекомендации по развитию системы продвижения региональных вузов на университетском уровне и уровне органов исполнительной власти регионов: мероприятия по расширению сотрудничества с зарубежными партнерами из стран, представляющих наибольший экономический и геополитический интерес; совершенствование системы продвижения образовательных услуг в контексте региональной стратегии продвижения бренда регионов; увеличение количества совместных образовательных программ. Исследование может служить обоснованием для разработки модели системы управления вузами с целью повышения эффективности международной деятельности региональной социально-экономической системы.
Ключевые слова: региональный вуз, продвижение образовательных услуг, международная конкурентоспособность, мировое образовательное пространство, интернационализация образования, цифровизация образования

Цитирование: Юдина В. А., Танина М. А., Бондаренко В. В. Региональные аспекты продвижения вузов на международном рынке. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2022. Т. 7. № 3. С. 395–402. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-3-395-402

full article

Promoting Universities on the International Market: Regional Aspects

Vera A. Yudina
Penza Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia, Penza
https://orcid.org/0000-0001-9835-9430
vayudina@fa.ru

Maria A. Tanina
Penza Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia, Penza
https://orcid.org/0000-0001-7311-6280

Vladimir V. Bondarenko
Penza Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia, Penza
https://orcid.org/0000-0002-6716-1963

Received 19 Feb 2022. Accepted after peer review 2 Jun 2022. Accepted for publication 6 Jun 2022.

Abstract: The article addresses the issue of increasing the international competitiveness of regional universities and identifies the main impact factors from the perspective of the current internationalization and digitalization of the global academic space. The new approach relies on both social and digital marketing tools to streamline the relationship between universities and target audiences, including foreign ones. The international competitiveness of regional universities depends

© 2022. Автор(ы). Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

on the following aspects: internationalization strategy, international academic ratings, innovative research centers and their role in the local academic process, joint curriculum programs, high-quality teaching material, technical, social and cultural infrastructure, etc. The paper contains some recommendations for university management and regional authorities on how to develop the promotion system of regional universities. The proposed measures include cooperation with foreign partners from the countries of greatest economic and geopolitical interest. Another tool is an advanced promotion system for regional education services in the context of regional brand promotion strategy, including digital marketing. The new model of university management can increase the efficiency of international activities of the regional socio-economic system.
Keywords: regional university, promotion of educational services, international competitiveness, global educational space, internationalization of education, digitalization of education

Citation: Yudina V. A., Tanina M. A., Bondarenko V. V. Promoting Universities on the International Market: Regional Aspects. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(3): 395–402. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-3-395-402

Введение

Современные условия функционирования российских региональных организаций высшего образования предполагают практически безальтернативную стратегию развития на основе включенности в мировые образовательные сети и международный рынок образования. В условиях ужесточения конкуренции на рынке образовательных услуг перед региональными вузами возникают проблемы расширения целевой аудитории, в том числе за счет привлечения иностранных обучающихся.

В последнее десятилетие Правительство Российской Федерации инициировало реализацию ряда проектов, нацеленных на повышение международной конкурентоспособности российских университетов: федеральный проект «Экспорт образования»; Постановление Правительства РФ № 729 от 13.05.2021 «О мерах по реализации программы стратегического академического лидерства "Приоритет-2030"»; ряд Указов, направленных на реализацию государственной политики в области образования и науки и др. Результатом их реализации должно стать увеличение иностранных студентов, обучающихся в российских вузах, до 710 тыс. человек; иностранных слушателей онлайн-курсов российских образовательных организаций – до 3,5 млн человек.

Согласно статистическим данным Минобрнауки России[1], численность иностранных обучающихся в 2019 г. составила 298 тыс. человек, в 2020 г. – 315 тыс. человек, в 2021 г. – 324 тыс. человек. Вузы, в которых обучается наибольшее количество иностранных студентов: РУДН, КФУ, СПбПУ, НИУ ВШЭ, УрФу и др. Отмечается положительная тенденция в выборе не только университетов Москвы и Санкт-Петербурга, но и крупных региональных вузов.

Вопросы формирования имиджа образовательной организации, продвижения образовательных услуг, конкурентоспособности были достаточно подробно изучены отечественными и зарубежными учеными [1–10]. В этих работах определены элементы целевой аудитории (абитуриенты, учащиеся выпускных классов школ, колледжей, других вузов, их родители, будущие работодатели, государственные и иные структуры, которые могут заключать целевые договоры или направлять кадры для переподготовки или повышения квалификации); даны определения категорий *образовательная услуга* (специфическое общественное благо; совокупность знаний, умений и навыков, направленных на удовлетворение определенных потребностей и т. п.), *образовательный процесс* (взаимоотношения между вузами и потребителями по поводу оказания образовательных услуг; процесс приращения интеллектуального потенциала на основе получения знаний, умений и навыков и т. п.); рассмотрены составляющие системы маркетинга образовательных услуг (совокупность образовательных программ, реализуемых в конкретном вузе; востребованность данных программ на внутреннем и внешнем рынках труда; уровень удовлетворенности потребителей данными программами; стоимость обучения в вузе по разным направлениям и программам; наличие стипендиальных программ; доступность образования в пространстве и времени: географическое расположение вуза на территории страны, качество обустройства кампусов, наличие дистанционного обучения и др.; качество коммуникационных средств и методов между вузом и абитуриентами, обучающимися, профессорско-преподавательским составом; оценка инструментов формирования спроса и стимулирования сбыта вуза и др.). Кроме того, признается, что вхождение в ведущие позиции международных образовательных рейтингов, формирование устойчивой академической репутации и академического бренда являются одними из важнейших критериев международной конкурентоспособности современных вузов.

По мнению О. П. Ковалевой, конкурентоспособность вуза на национальном и международном рынках определяется

[1] Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры». *Минобрнауки России*. URL: https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed (дата обращения: 04.02.2022).

рыночной долей, а также тенденциями ее изменения. Данный автор выделил две составляющих международной и национальной конкурентоспособности вуза: конкурентоспособность услуг подразумевает способность образовательных услуг вуза конкурировать с аналогичными услугами других учебных заведений и зависит от ценовых, качественных и сервисных параметров; конкурентоспособность вуза подразумевает имеющийся потенциал и возможность его наращивания с целью удержания рыночной доли и ее расширения, зависит от уровня образовательного, управленческого, кадрового, научно-технического и других потенциалов [10].

Тем не менее современные авторы отмечают, что многие аспекты моделирования каналов продвижения региональных вузов в международное образовательное пространство с учетом специфики цифровизации социально-экономических процессов, активного внедрения социальных медиаплатформ, более результативного использования инструментов таргетированной рекламы, мобильных приложений, мессенджеров остаются недостаточно изученными [11–15].

Использование междисциплинарного подхода к анализу брендов и разработке маркетинговых стратегий университетов может стать одним из эффективных инструментов, позволяющих адаптивно реагировать на глобальные изменения и тренды в системе высшего образования, учитывать трансформации коммуникативных ценностей нового поколения потребителей образовательных услуг, использовать инновационные формы и технологии обучения / преподавания, увеличивать присутствие отечественных вузов в международных образовательных рейтингах, наращивать экспорт образовательных услуг [16–20].

Очевидно, что на современном этапе общественно-экономических преобразований происходит регионализация системы высшего образования. С одной стороны, региональные вузы являются частью системы управления высшим образованием РФ, с другой – встроены в социально-экономические отношения внутри конкретного субъекта. Необходимость создания консорциумов и интеграции с отраслевыми научными институтами, государственными корпорациями, организациями реального сектора экономики; выстраивание сотрудничества с учетом международных стандартов, а также позиций реализации геополитических национальных интересов вносят свои требования в систему взаимодействия региональных органов власти и администрации организаций высшего образования.

Цель исследования – изучить существующие системы повышения международной академической конкурентоспособности региональных вузов на примере Приволжского федерального округа (ПФО) в условиях глобальных геополитических трансформаций, усиливающихся международных санкций, частичного или полного приостановления действующих научно-исследовательских и научно-образовательных программ международного сотрудничества, нарастающих эпидемиологических угроз.

Методы и материалы

При проведении эмпирического исследования и обработке его результатов были использованы статистические методы (в ходе анализа показателей мониторинга эффективности в разрезе показателей результативности международной деятельности), анкетный опрос 650 иностранных обучающихся. Анкета включала следующие блоки вопросов: исследование факторов, оказавших положительное или отрицательное влияние на выбор страны обучения; установление критериев выбора конкретного университета для будущего обучения; анализ каналов поиска информации о вузах, условиях обучения, стоимости и т. д. Репрезентативность выборки подтверждена расчетами (по методике В. И. Паниотто, В. С. Максименко), предельная ошибка выборки составила 3–4 %, при этом численность генеральной совокупности – 30742 человека (по состоянию на 01.01.2020), численность выборочной совокупности – не менее 612 человек [23].

Информационной базой исследования послужили российские и зарубежные источники статистических данных и аналитики в сфере экспорта высшего образования, оценки вузов и их позиций в международных рейтингах, цифровизации образования; нормативные правовые документы, регулирующие отдельные аспекты образовательной деятельности; публикации результатов научных исследований по проблемам повышения международной конкурентоспособности и развитию системы продвижения вузов.

Результаты

В мониторинге эффективности вузов ПФО в 2021 г. приняли участие 234 организации высшего образования, в том числе 123 филиала (МИФИ, РАНХиГС, МГЮА, МИСиС, МТУСИ, МАДИ, РПА Минюста, МФЮА, МИИТ, РЭУ им. Плеханова, МПГУ и др.). В регионе расположен 1 федеральный университет, 8 национальных исследовательских университетов, в том числе 3 ведущих российских вуза – участника проекта «5-100»: КФУ, Университет Лобачевского и Самарский университет.

По данным статистики, численность иностранных студентов по всем программам обучения в ПФО увеличилась с 9725 человек в 2010–2011 учебном году до 48587 человек в 2018–2019. Наибольшее количество иностранных обучающихся составили представители стран СНГ (56,2 %), Азии (20,3 %), Ближнего Востока и Северной Африки (15,3 %)[2]. Лидером по приему иностранных студентов является КФУ, занимающий по итогам приема 2021 г. второе место после РУДН.

[2] Арефьев А. Л. Обучение иностранных граждан в образовательных организациях высшего образования Российской Федерации: стат. сб. М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2020. Вып. 17. С. 120–123.

Задача региональных вузов заключается в создании условий для привлечения наиболее перспективных иностранных абитуриентов. Однако в условиях цифровизации и нарастания эпидемиологических угроз в системе регионального высшего образования наметились следующие тенденции: доминирование дистанционного формата преподавания (обучения) над традиционным; увеличение количества иностранных студентов, обучающихся в вузах дистанционно; трансформация кадровой политики и возможное сокращение количества ставок научно-педагогических работников из-за снижения финансовых возможностей вузов. Было выявлено, что одной из наиболее эффективных моделей организации учебного процесса и реализации образовательной деятельности является смешанная (дистанционные технологии + очный формат). Цифровизация многих областей образовательной и научно-исследовательской деятельности требует развития цифровых компетенций научно-педагогических работников и обучающихся, обновления материально-технической базы, расширения комплекса используемого программного обеспечения, доступа к глобальным образовательным платформам (например, платформам многопользовательских онлайн-курсов дружественных стран). Наиболее востребованная цифровая образовательная платформа для дистанционного обучения среди российских вузов – Moodle. Среди отечественных разработок лидером является онлайн-платформа «Открытое образование», на которой можно изучать дисциплины ведущих российских университетов. Проект сотрудничает с такими вузами, как МГУ, СПбПУ, СПбГУ, МИСиС, НИУ ВШЭ, МФТИ, ИТМО, что обуславливает высокое качество контента.

По результатам опроса 2021 г., проведенного авторами среди студентов-иностранцев ПФО (650 человек), основными факторами привлекательности российского высшего образования являются: высокое качество образования (75 %), признание диплома российского вуза в родной стране (74 %), востребованность и трудоустройство выпускников на рынке труда (68 %), профессорско-преподавательский состав (62 %), доступная стоимость обучения (61 %), подробная и достоверная информация об университете и правилах поступления на иностранном языке в Интернете (50 %), известность и популярность университета (43 %) и др.

Уровень международной конкурентоспособности регионального вуза зависит от влияния ряда внешних и внутренних факторов. Внешние факторы макросреды: политические (состояние законодательства в сфере регулирования приема, обучения и выпуска иностранных граждан, их въезда, выезда и пребывания на территории страны; система квот на обучение); социально-экономические (конкурентоспособность страны; система государственной поддержки науки, инновационной и образовательной деятельности; система грантовой и стипендиальной поддержки иностранных обучающихся; развитие межгосударственных и региональных связей); демографические (численность и состав населения, уровень жизни населения); научно-технологические (уровень развития техники и технологий, инновационный потенциал страны и конкретного региона); факторы государственной политики (наличие или отсутствие многосторонних соглашений о сотрудничестве в области образования, политика в области повышения конкурентоспособности вузов).

Внутренние факторы: реализация региональным университетом стратегии интернационализации; вхождение в ведущие позиции международных образовательных рейтингов (THE, QS, ARWU); наличие центров исследований, создающих интеллектуальные продукты мирового уровня; трансформация вузов в научно-образовательные центры, трансляция результатов передовых исследований в образовательный процесс; наличие развитой материально-технической базы, социально-культурной инфраструктуры; качество образования, подтвержденное высоким процентом трудоустройства выпускников; высокий уровень публикационной активности научно-педагогического персонала; наличие образовательных программ, в том числе совместных, признаваемых и востребованных в мировом сообществе; активное сотрудничество с работодателями, наличие системы содействия трудоустройству выпускников; наличие цифровой образовательной среды, инновационных технических средств обучения; реализация программ академической мобильности; функционирование на базе университетов международных исследовательских коллабораций; формирование устойчивой академической репутации и академического бренда. Управление совокупностью данных элементов во многом определяет способность регионального университета привлекать абитуриентов из других стран и готовить востребованных высококвалифицированных специалистов для иностранных рынков труда, а также осуществлять научно-исследовательские проекты мирового уровня [21; 22]. Все перечисленные способности регионального вуза учитывает понятие *международная конкурентоспособность вуза*.

Продвижение вузов на международном рынке представляет собой комплексную систему реализации методов, механизмов и инструментов традиционного и цифрового международного маркетинга, целью которой является формирование и позиционирование бренда высшего образования РФ с использованием многоуровневых каналов и средств взаимодействия с целевыми группами для побуждения потенциальных иностранных абитуриентов из дружественных стран к поступлению в российские университеты.

Принципиальной особенностью концепции продвижения образовательных организаций высшего образования на международном рынке является учет влияния факторов макро- и микросреды, которые во многом связаны с геополитическими интересами и особенностями национального образовательного права, культурно-историческими и религиозными традициями и др.

С учетом нарастающих последствий международных санкций наиболее перспективными методами продвижения региональных вузов на международном рынке являются: рекламные кампании в зарубежных СМИ (из перечня дружественных стран); развитие научно-исследовательских проектов, программ академической мобильности с дружественными странами, в том числе постсоветского пространства, а также азиатскими и африканскими странами; развитие ресурсов университетов на иностранных языках, в том числе смысловых блоков интернет-порталов и сайтов, посвященных инфраструктуре, культурной и внеаудиторной деятельности, результативности трудоустройства и т. п.; переработка стратегии контекстной и таргетированной рекламы с учетом геополитической ситуации; активизация участия в онлайн-выставках, конференциях и др.

Развитие системы продвижения региональных вузов с целью увеличения международной конкурентоспособности должно охватывать следующие направления:

1. На университетском уровне:
- увеличение доли иностранных обучающихся;
- увеличение числа иностранных преподавателей и сотрудников в профессорско-преподавательском составе (включая дистанционный формат);
- заключение соглашений о сотрудничестве с зарубежными вузами-партнерами, реализация совместных (сетевых) образовательных программ;
- расширение перечня образовательных программ, реализуемых на иностранных языках, проведение курсов для обучения иностранных абитуриентов по программе «Русский язык как иностранный»;
- эффективная работа с сообществами выпускников, поддержка клубов и ассоциаций иностранных выпускников;
- приглашение иностранных преподавателей, научных сотрудников, студентов, школьников к участию в проводимых региональными вузами международных конференциях, семинарах, научных и интеллектуальных мероприятиях и др.;
- реализация мероприятий по вхождению региональных вузов в международные рейтинги (ARWU, MosIUR, Webometrics), в российские системы оценки результативности образовательной, научно-исследовательской, инфраструктурной, учебно-методической, социально-культурной деятельности;
- развитие материально-технической инфраструктуры (общежития, медицинские учреждения и т. п.), социально-культурных объектов;
- совершенствование внутривузовской системы маркетинговых коммуникаций, включение в перечень традиционных способов продвижения (традиционной рекламы, проведения профориентационных мероприятий и др.) инструментов диджитал-маркетинга;
- участие в международных выставках образования, организаторами которых являются Россотрудничество, Минобрнауки России; в специализированных образовательных выставочных и ярмарочных мероприятиях, проводимых зарубежными дружественными странами (ежегодные Education Worldwide India Mumbai Spring (Индия), CIEE BEIJING (Китай), GESS Turkev (Турция), Bett Educar (Бразилия) и др.); установление контактов для культурного и ученического обменов, проведение открытых дверей и экскурсий в формате онлайн;
- расширение присутствия в интернет-сообществе: публикация информации о региональных вузах не только на российских специализированных образовательных интернет-ресурсах[3], но и на зарубежных[4].

2. На уровне органов исполнительной власти регионов:
- создание региональных консультативных Центров, деятельность которых будет направлена на правовую и социально-психологическую поддержку иностранных обучающихся, поддержку образовательной (учебной) миграции;
- формирование и поддержка паттернов и традиций поступления абитуриентов дружественных стран на конкретные образовательные программы опорных региональных вузов;
- поддержка руководства региональных вузов в создании и развитии системы профессиональной ориентации и подготовки к поступлению в региональные вузы для иностранных учащихся в образовательных учреждениях среднего образования дружественных стран;
- совершенствование системы формирования кадрового заказа, трудоустройства и содействия занятости иностранной рабочей силы из дружественных стран (в том числе за счет соглашений с местным бизнес-сообществом);
- интеграция комплекса мероприятий по продвижению брендов региональных вузов в общую систему продвижения региона;
- создание на региональном уровне сообществ талантливых иностранных студентов и преподавателей для выполнения совместных научно-исследовательских проектов;
- развитие системы партнерских отношений со странами, представляющими наибольший геополитический и экономический интерес; позиционирование образовательных организаций высшего образования как элемента взаимовыгодного сотрудничества и др.

Реализация комплекса мероприятий, направленных на увеличение количественных и качественных показателей

[3] Study in Russia. URL: https://studyinrussia.ru; Education in Russia. URL: https://education-in-russia.com; Russia.study. URL: https://russia-study.com/ru (accessed 4 Feb 2022).

[4] GoAbroad.com. URL: http://www.goabroad.com/; Keystone. URL: http://www.masterstudies.com/ (accessed 4 Feb 2022).

международной деятельности региональных вузов, будет способствовать формированию инновационно-научного сотрудничества, интенсификации выполнения совместных научно-исследовательских проектов, повышению результативности показателей объема выполняемых НИР и НИОКР, увеличению количества стартапов, коммерциализации выполненных проектов и т. п.

Заключение

На систему продвижения региональных вузов на международном рынке оказывает влияние ряд негативных факторов: приостановка части программ международной мобильности и грантовой поддержки (преимущественно со стороны стран ЕС); ограничение или полная блокировка доступа к зарубежным образовательным онлайн-ресурсам; приостановление сотрудничества с международными базами Scopus, Web of Science, международными рейтинговыми агентствами (QS); нарастание последствий санкционной политики недружественных стран и др. В связи с этим возникает необходимость адаптации существующих стратегий продвижения региональных вузов на международном рынке к изменившимся геополитическим и социально-экономическим условиям.

Совокупность рекомендаций по повышению эффективности международной деятельности региональных вузов с учетом влияния факторов микро- и макросреды можно сгруппировать следующим образом:

1. Интернационализация состава обучающихся и сотрудников: привлечение и увеличение численности иностранных граждан из стран СНГ и Азии, лидирующих по количеству абитуриентов, поступивших в 2021 г. в российские вузы (Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Республика Беларусь, Азербайджан, Китай, Индия и др.).
2. Интернационализация образовательной деятельности с более активным использованием технологий удаленного обучения: реализация совместных (сетевых) образовательных программ по приоритетным для иностранных обучающихся (из перечня дружественных стран) направлениям подготовки – инженерные программы, направления в области клинической медицины, экономики и управления и др.
3. Реализация стратегии содействия трудоустройству выпускников; формирование института академического предпринимательства с учетом опыта стран, успешно внедривших кейсы объединения совместных усилий структурных подразделений вуза, государственных органов различного уровня и представителей бизнес-сообщества в условиях международных санкций.
4. Реализация комплекса мероприятий по достижению региональными вузами определенных позиций в национальных рейтингах (Национальный рейтинг университетов – Интерфакс, MosIUR, Рейтинги университетов RAEX), по значительному увеличению публикаций в изданиях, входящих в ядро РИНЦ, и др.
5. Формирование адаптивной цифровой образовательной среды с использованием инновационных технических средств обучения; развитие цифровых компетенций преподавателей, сотрудников и обучающихся.

Результатом внедрения рекомендаций должно стать укрепление научной, образовательной и имиджевой составляющих деятельности региональных вузов, выражающееся в росте их международной конкурентоспособности в научно-образовательном пространстве дружественных стран, увеличении количества иностранных обучающихся и преподавателей, повышении доступности российского высшего образования на основе использования цифровых образовательных технологий.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.
Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Финансирование: Публикация подготовлена по результатам исследования в рамках государственного задания на тему «Повышение международной конкурентоспособности российских вузов в условиях глобальных трансформаций и эпидемиологических угроз» (ВТК-ГЗ-ПИ-42-21).
Funding: The publication is part of state task VTK-GZ-PI-42-21 Improving the international competitiveness of Russian universities in the context of global transformations and epidemiological threats.

Литература / References

1. Зарецкая А. С., Иванова О. П., Козырев М. М. Исследование конкурентоспособности вуза и факторов ее повышения. *Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право»*. 2019. № 4. С. 21–35. https://doi.org/10.28995/2073-6304-2019-4-21-35
Zaretskaya A. S., Ivanova O. P., Kozyrev M. M. Research of the university competitiveness and factors of its improvement. *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, 2019, (4): 21–35. (In Russ.) https://doi.org/10.28995/2073-6304-2019-4-21-35

2. Абанкина И. В., Беликов А. А., Гапонова О. С., Дудырев Ф. Ф., Корешникова Ю. Н., Коршунов И. А., Косарецкий С. Г., Мерцалова Т. А., Нисская А. К., Платонова Д. П., Сорокин П. С., Таловская Б. М., Фрумин И. Д. Глобальная конкурентоспособность российского образования. Материалы для дискуссии. М.: НИУ ВШЭ, 2017. 112 с.
Abankina I. V., Belikov A. A., Gaponova O. S., Dudyrev F. F., Koreshnikova Yu. N., Korshunov I. A., Kosaretsky S. G., Mertsalova T. A., Nisskaya A. K., Platonova D. P., Sorokin P. S., Talovskaya B. M., Froumin I. D. *Global competitiveness of Russian education. Materials for discussion*. Moscow: NRU HSE, 2017, 112. (In Russ.)
3. Гришин В. И., Штыхно Д. А., Шубенкова Е. В. Повышение конкурентоспособности российских университетов на мировой арене: проблемы и пути решения. *Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова*. 2019. № 4. С. 85–95. https://doi.org/10.21686/2413-2829-2019-4-85-95
Grishin V. I., Shtykhno D. A., Shubenkova E. V. Raising competitiveness of Russian universities on the global scene: problems and their solution. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova*, 2019, (4): 85–95. (In Russ.) https://doi.org/10.21686/2413-2829-2019-4-85-95
4. Minola T., Donina D., Meoli M. Students climbing the entrepreneurial ladder: does university internationalization pay off? *Small Business Economics*, 2016, 47(3): 565–587. https://doi.org/10.1007/s11187-016-9758-1
5. Lombardi R., Lardo A., Cuozzo B., Trequattrini R. Emerging trends in entrepreneurial universities within Mediterranean regions: an international comparison. *EuroMed Journal of Business*, 2017, 12(2): 130–145. https://doi.org/10.1108/EMJB-10-2015-0052
6. Aitbayeva G. D., Zhubanova M. K., Kulgildinova T. A., Tusupbekova G. M., Uaisova G. I. Formation of education clusters as a way to improve education. *International Journal of Environmental and Science Education*, 2016, 11(9): 3053–3064. https://doi.org/10.12973/ijese.2016.735a
7. Lachmann J. Le développement des pôles de compétitivité: quelle implication des universités? *Innovations*, 2010, 33(3): 105–135. https://doi.org/10.3917/inno.033.0105
8. Киреева Н. С., Слепенкова Е. В., Шипунова Т. С., Искандарян Р. А. Повышение конкурентоспособности вузов: международный опыт академического предпринимательства. *Российское предпринимательство.* 2017. Т. 18. № 20. С. 2909–2922. https://doi.org/10.18334/rp.18.20.38418
Kireeva N. S., Slepenkova E. V., Shipunova T. S., Iskandaryan R. A. Enhancing university competitiveness: international experience of academic entrepreneurship. *Rossiyskoe predprinimatelstvo*, 2017, 18(20): 2909–2922. (In Russ.) https://doi.org/10.18334/rp.18.20.38418
9. Меликян А. В. Международная образовательная деятельность российских вузов. *Университетское управление: практика и анализ*. 2017. Т. 21. № 1. С. 52–62. https://doi.org/10.15826/umpa.2017.01.005
Melikyan A. V. International educational activities of Russian universities. *University Management: Practice and Analysis,* 2017, 21(1): 52–62. (In Russ.) https://doi.org/10.15826/umpa.2017.01.005
10. Ковалева О. П. Повышение конкурентоспособности вуза на рынке образовательных услуг. *Вестник СибАДИ*. 2013. № 5. С. 127–130.
Kovaleva O. P. The improving of the university competitiveness at the educational market. *The Russian Automobile and Highway Industry Journal*, 2013, (5): 127–130. (In Russ.)
11. Муратова Е. А. Методы интернет-продвижения образовательных услуг вузов. *Московский экономический журнал.* 2019. № 9. С. 646–652. https://doi.org/10.24411/2413-046X-2019-19022
Muratova E. A. Methods of internet-promotion of educational services of higher education institutions. *Moscow Economic Journal*, 2019, (9): 646–652. (In Russ.) https://doi.org/10.24411/2413-046X-2019-19022
12. Пьянкова С. Г., Митрофанова И. В., Ергунова О. Т., Жемерикина Е. Б. Продвижение вуза на рынке образовательных услуг в условиях пространственной интеграции университетов. *Региональная экономика. Юг России*. 2020. Т. 8. № 3. С. 32–48. https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.3.4
Pyankova S. G., Mitrofanova I. V., Ergunova O. T., Zhemerikina E. B. Promotion of a higher education institution in the educational services market under the conditions of spatial integration of universities. *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii*, 2020, 8(3): 32–48. (In Russ.) https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.3.4
13. Белоусенко Д. В. Использование социальных сетей в продвижении образовательных услуг. *Молодой ученый*. 2018. № 45. С. 55–58.
Belousenko D. V. The use of social networks in the promotion of educational services. *Molodoi uchenyi*, 2018, (45): 55–58. (In Russ.)
14. Алешина И. В. Маркетинг университета эпохи цифровой глобализации. *Вестник университета*. 2021. № 1. С. 20–27. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-1-20-27
Alyoshina I. V. University marketing in an age of digital globalization. *Vestnik universiteta*, 2021, (1): 20–27. (In Russ.) https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-1-20-27

15. Щетинина Н. Н., Гундарин М. В., Кидинов А. В. Продвижение услуг высшего образования для абитуриентов поколения Z. *Перспективы науки*. 2020. № 12. С. 303–307.
Shchetinina N. N., Gundarin M. V., Kidinov A. V. Promotion of higher education services for Generation Z applicants. *Perspektivy nauki,* 2020, (12): 303–307. (In Russ.)
16. Демин П. В. Маркетизация сферы образования и брендинг университетов. Рецензия на книгу: Пападимитриу А. (ред.) «Конкуренция брендов и маркетинга в сфере высшего образования». *Вопросы образования / Educational Studies Moscow*. 2019. № 4. С. 294–306. https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-4-294-306
Demin P. V. Marketization of higher education and university branding. Review of: Papadimitriou A. (ed.) Competition in higher education branding and marketing: national and global perspectives. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, 2019, (4): 294–306. (In Russ.) https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-4-294-306
17. Шеметова Н. К. Маркетинговая стратегия высшего учебного заведения: формирование и оценка эффективности реализации. *Образование и наука*. 2015. № 1. С. 21–32.
Shemetova N. K. Marketing strategy of the university: formation and its effectiveness evaluation realization. *Obrazovanie i nauka*, 2015, (1): 21–32. (In Russ.)
18. Тарасова Е. Е., Прушковская Е. Е., Ефимова Н. А. Теоретико-методологические аспекты разработки маркетинговой стратегии вуза для продвижения образовательных услуг. *Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права*. 2019. № 4. С. 278–289. https://doi.org/10.21295/2223-5639-2019-4-278-290
Tarasova E. E., Prushkovskaya E. E., Efimova N. A. Theoretical and methodological aspects of the development of a university marketing strategy: to promote educational services. *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava*, 2019, (4): 278–289. (In Russ.) https://doi.org/10.21295/2223-5639-2019-4-278-290
19. Неборский Е. В. Сегодняшнее завтра: глобальные риски как фактор трансформации высшего образования. *Отечественная и зарубежная педагогика*. 2020. Т. 1. № 4. С. 62–74.
Neborsky E. V. Today's tomorrow: global risks as a higher education transformation factor. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*, 2020, 1(4): 62–74. (In Russ.)
20. Гальоне Г., Акульшина А. В., Недзельская А. Б. Рамочная модель стратегии интернационализации. Формирование стратегических планов по интернационализации образовательной и научной деятельности вузов. *Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Проблемы высшего образования*. 2018. № 3. С. 42–47.
Gaglione G., Akulshina A. V., Nedzelskaia A. B. Framework model of internationalization strategy. Development of strategic plans of internationalising education and research at universities. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Problemy vysshego obrazovaniia*, 2018, (3): 42–47. (In Russ.)
21. Ульянова М. Е. Факторы повышения конкурентоспособности вузов: международный контекст. *Мир новой экономики*. 2018. Т. 12. № 2. С. 72–77. https://doi.org/10.26794/2220-6469-2018-12-2-72-77
Ulyanova M. E. Factors increasing the competitiveness of universities: the international context. *Mir novoi ekonomiki,* 2018, 12(2): 72–77. (In Russ.) https://doi.org/10.26794/2220-6469-2018-12-2-72-77
22. Юрченко Н. А., Ворожбит О. Ю., Осипов В. А. Управление продвижением российских образовательных услуг на внешний рынок на основе инновационных стратегий. *Russian Journal of Education and Psychology*. 2012. № 12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-prodvizheniem-rossiyskih-obrazovatelnyh-uslug-na-vneshniy-rynok-na-osnove-innovatsionnyh-strategiy (дата обращения: 10.02.2022).
Yurchenko N. A., Vorozhbit O. Yu., Osipov V. A. Promotion control of Russian educational services to the foreign market by innovation strategies. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2012, (12). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-prodvizheniem-rossiyskih-obrazovatelnyh-uslug-na-vneshniy-rynok-na-osnove-innovatsionnyh-strategiy (accessed 10 Feb 2022). (In Russ.)
23. Паниотто В. И., Максименко В. С. Количественные методы в социологических исследованиях. Киев: Наукова Думка, 1982. 272 с.
Paniotto V. I., Maksimenko V. S. *Quantitative research in sociology*. Kiev: Naukova Dumka, 1982, 272. (In Russ.)

Подписано к печати 11.08.2022.
Дата выхода в свет 15.08.2022.
Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.
Формат А 4. Усл. печ. л. – 15,35. Уч.-изд. л. – 14.
Тираж 500 экз. Заказ _____
Цена свободная.
Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.